ВЛАСТЬ

5

2005

Журнал «Власть» сегодня

Общенациональный политический журнал «Власть» издается на спонсорские средства с августа 1993 года. На его страницах выступают отечественные и зарубежные ученые-аналитики, государственные и общественные деятели, предприниматели и финансисты, дипломаты и военные публицисты различной идеологической ориентации. Редакции удалось привлечь к совместной работе практически все ведущие аналитические центры и академические институты Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Астрахани, Ростова-на-Дону и других регионов России.

Журнал нашел не только своего читателя, свой содержательный курс, но и форму подачи материала. Являясь зеркалом политической, экономической и властных систем России, «Власть» в то же время старается сохранить свой подход и утверждать собственную позицию. Ценности либерализма, консерватизма, демократии и социальной солидарности лежат в ее основе. При этом независимый, профессиональный анализ не означает единомыслия, скорее он предполагает язык диалога, который позволяет системно рассмотреть одно и то же явление. Именно этими критериями руководствуется редколлегия журнала при подборе материалов. Сегодня, когда наиболее крупные средства массовой информации оказались идеологически и материально ангажированы финансово-промышленными группами, выживание независимых экспертно-аналитических изданий становится важнейшим условием сохранения свободной демократической прессы. По нашей информации и редакционной почте, читателями журнала являются представители как самой власти, так и органов государственного управления и в центре, и на местах. Он пользуется спросом в экспертном обществе, в среде профессорско-преподавательского состава вузов России и стран СНГ.

Журнал выходит ежемесячно объемом 10 авторских листов, его индекс в каталоге «Роспечать» 72997. За последний год число подписчиков в России и странах СНГ достигло более 1700 адресатов.

Журнал открыт для всех, кто хочет и может ему помочь сохранить и упрочить свое место в информационной системе современной России. Мы приглашаем к сотрудничеству спонсоров и меценатов. Все предложения будут с благодарностью рассмотрены.

Наш адрес:
103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Редакция журнала «Власть». Тел. (095) 209-35-(15... 25), доб. 619.
E-mail: zotov@transpress.ru

ВЛАСТЬ

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЕТСЯ
С АВГУСТА 1993 ГОДА**

**№ 5'2005
МАЙ**

Содержание

Учредитель – **ООО «Редакция журнала «Власть»**
Издатель – **ЗАО «Издательский дом «Парад»**

Генеральный директор: Александр Дегтярев. **Директор по развитию:** Валерий Зотов.
Технический директор: Петр Иванов. **Верстка:** Галина Немтинова. **Корректура:** Лариса Зимина.

Точка зрения авторов публикуемых материалов необязательно отражает мнение редакции.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Власть» обязательна.

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ. Рег. № 0110951 выдан 4 августа 1993 года.
Адрес редакции: 103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Телефон (095) 209-35-(15... 25), доб. 619. E-mail: zotov@transpress.ru
Представительство: Санкт-Петербург – Юрий Светов, тел. (812) 352-3137

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Объем 5,0 п.л. Тираж 1700 экз. Заказ № 5130

В розницу – цена свободная.

Отпечатано с готовых пленок в ФГУП Издательство «Известия»
125994, ГСП-4, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 200-36-36, 200-30-20

Олег БЕЛЬКОВ

ПОМНИТЬ ВОЙНУ

60-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне повышает интерес, приковывает внимание к событиям того героического времени. Их современное осмысление важно не только для познания прошлого. Давно замечено: история – это политика, обращенная в прошлое. Не имеющая сослагательного наклонения, она помогает вырабатывать решения, предупреждающие возможность повторения прошлых трагедий. Внимание же к ней вскрывает те константы, свойственные любому социуму во все времена, что влияют на ход исторического развития, судьбы отдельных народов и мира в целом, что дает методологический инструментарий для аналитических и прогностических оценок сегодняшнего дня. Одна из этих констант – неустранимость войн из жизни человеческого сообщества.

Великая Отечественная война, будучи беспрецедентной по масштабам, напряженности и цене, не представляла собой принципиально нового явления ни мировой, ни отечественной истории. По подсчетам специалистов за 5,5 тысячи лет человечество пережило около 15 тыс. войн, унесших около 4 млрд. человеческих жизней, в течение этого периода всего менее 300 лет были мирными.

В среднем 46 лет в столетие пришлось воевать России. По подсчетам русского историка В. О. Ключевского, Русь в период своего формирования за 234 года (1228–1462 гг.) вынесла 160 внешних войн. В XVI в. она воюет на северо-западе и западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, одновременно ведя беспрерывную борьбу против татарских орд на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII в. – 56 лет. По другим данным, с XIV по XX век на 525 лет у нее пришлось 329 лет войн. С XIII по XX век, подчеркивает Ф. Ф. Нестеров, русская земля по меньшей мере раз в столетие подвергалась опустошительному нашествию и довольно часто одновременно с нескольких сторон[1]. Причем в отличие от Запада[2] для России большинство войн были борьбой за существование в самом прямом и точном смысле слова и велись они не рыцарями или наемниками, а народом. «Возникшее на этой земле государство, – писал Ф. Ф. Нестеров, – чтобы отбиться от наседавших врагов, должно было властно требовать от своего народа столько богатств, труда и жизней, сколько это было нужно для победы, а последний, коль скоро хотел отстоять свою политическую независимость, должен был отдавать все это, не считая».

XX век не стал исключением. Более того, Великая Отечественная война оказалась самой жестокой за всю многострадальную ис-

[1] Нестеров Ф. Ф. Связь времен: Очерк исторической публицистики. М., «Мол. гвардия», 1980, стр. 11

[2] «Во время войн, поскольку национальную принадлежность никто не брал в расчет, не было и попыток разбудить патриотические чувства, – писал Лорд Актон в 1862 г. – Любезность правителей по отношению друг к другу была пропорциональна их презрению к простонародью. Командующие враждебными армиями обменивались комплиментами; не было ни горечи, ни возбуждения; битвы разыгрывались с помпезностью и пышностью парадов, искусство войны сделалось неспешной учебной игрой». (Актон Л. Принцип национального самоопределения// Нации и национализм. М., «Праксис», 2002, стр. 29.)

БЕЛЬКОВ Олег Алексеевич – д. ф. н., профессор

торию страны. Общие людские потери (непосредственно в ходе всей войны) советского народа составили около 27 млн. человек, в том числе 8 668 400 военнослужащих Вооруженных сил, внутренних и пограничных войск. Оккупанты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень. Общая сумма ущерба, нанесенного Советскому Союзу, в ценах тех лет составила 679 млрд. рублей[1].

Видимо, имея в виду и эти цифры, Александр Дугин пишет: «Чем упорнее бежит современное человечество от реализма войны, от принятия ее вызова, тем более страшные и бесчеловечные конфликты оно развязывает, тем глубже по спирали ужаса спускается оно в мерзость грязной механической бойни, стыдливо скрываемой от глаз лицемерного большинства»[2]. По его мысли, война – есть извечная и неизменная «сущность стихии наличного бытия».

Не станем ни абсолютизировать, ни оправдывать, ни тем более воспевать всякую войну. Напротив, подчеркнем исключительную важность политических инициатив и усилий ООН, региональных международных организаций, отдельных государств, общественных и религиозных объединений, направленных на укрепление международного мира и международной безопасности, включая и запрещение пропаганды войны. Продуманная и согласованная система политических, правовых, организационно-технических и иных международных мер способна уменьшить опасность войн, перевести военное противостояние в мирное русло. Однако согласимся с К. Шмиттом, который доказывал: «Война – это вообще не цель и даже не содержание политики, но скорее как реальная возможность она есть всегда наличествующая предпосылка, которая уникальным образом определяет человеческое мышление и действование и тем самым вызывает специфически политическое поведение»[3].

Смысл и содержание такого мышления и действования афористично сформулировал Вегеций, поучавший своих современников: хочешь мира – готовься к войне. Актуальность максимы, сформулированной в начале новой эры, в наши дни подтвердил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, заявив 10 декабря 2001 г. в нобелевской лекции, что «на заре XXI века злостно убиты все надежды на то, что продвижение к миру и процветанию во всем мире неизбежно»[4]. По данным В. В. Серебрянникова, после Второй мировой войны в каждое данное десятилетие на планете полыхает войн больше, чем в предыдущее.

В действительности мир, к сожалению, остается прежним – разделенным, противоречивым, воинственным. Чего стоит выдвинутый США в период формирования антитеррористической коалиции лозунг, заимствованный из арсенала холодной войны: «Кто не с нами, тот против нас!». Агрессия против Югославии, совершенная странами Запада вопреки позиции ООН; разгром Ирака, предпринятый под надуманным предлогом ликвидации не существующего у него оружия массового уничтожения; расширение НАТО на Восток свидетельствует: в международных отношениях значение военно-силовых механизмов и методов продолжает оставаться существенным.

Но коль скоро так (и это важнейший урок Великой Отечественной), к войне необходимо готовиться, пока она не началась. В этой связи нужно решительно отвергнуть односторонность в оценке пацифизма. Пацифизм как идея и принцип, отвергающие войну в качестве средства решения политических, экономических и других противоречий, как идеал сожительства стран и народов несет в себе гуманистическое начало. Как программа и движение, направленные на сокращение гонки вооружений и разоружение, укрепление мер доверия в международных отношениях, переход от культуры войны к культуре мира он заслуживает всяческой поддержки. Но как требование немедленного и безусловного свертывания каких бы то ни было военных усилий, к тому же адресованное одной стороне, пацифизм оказывается либо недомыслием, либо лукавством.

На официальном уровне та односторонность осуждена и преодолена. «Было

[1] Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. М., «Воениздат», 1994, стр. 46

[2] Дугин А. И. Философия войны. М., «Яуза», «Эксмо», 2004, стр. 115

[3] Шмитт К. Понятие политического// Вопросы социологии. 1992, Т. 1, № 1, стр. 43

[4] Николаев А. И. «Оборона России». М., 2003, стр. 21

время, когда казалось: и флот России не нужен, и армия не востребована. Теперь все поняли, что это глубокое заблуждение», – говорил В. Путин вскоре после первого избрания его президентом. Глава государства выразил уверенность, что в обозримом будущем к ошибкам прежних лет возврата не будет[1]. Сегодня Россия исходит из того, что наличие у нее современных и эффективных Вооруженных сил становится (точнее было бы сказать – всегда было и остается) одним из условий ее успешной и безболезненной интеграции в строящуюся систему международных отношений[2].

Теперь, казалось бы, есть твердая политическая воля исправить положение. Развитие Вооруженных сил и военное планирование «отныне ведутся, исходя из геополитических потребностей РФ и принципа оборонной достаточности, а не от фактически наличествующего потенциала»[3]. Разрабатываемые планы и принимаемые решения по реализации этой установки, увеличение финансирования военного ведомства дают основание полагать, что поддержание обороноспособности страны, адекватной вызовам времени, станет не политическим лозунгом, а практической задачей дня.

Однако есть еще немало проблем, которые не решаются или решаются не так, как должно. Назову только три, которые признаны официально. Неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны. Ослабление научно-технического и технологического потенциала страны и связанный с этим подрыв обороноспособности России. Непродуманная монетизация льгот, которая, по словам председателя Комитета Государственной думы по обороне генерал-полковника В. Заварзина, вызвала ропот в военной среде[4]. Даже эти факты порождают сомнения в реалистичности военно-доктринальной установки, согласно которой Российская Федерация поддерживает готовность к ведению войн и участию в вооруженных конфликтах.

В этой связи следует помнить, что Великая Отечественная война разразилась внезапно и для народа, и для армии, и для руководства страны. Внезапно не потому, что страна и политическое руководство были заражены прообразом будущего «нового политического мышления» и никого не рассматривали как своего врага, наивно полагая, что у СССР нет противников. Считалось, «если завтра война, если завтра в поход, мы к походу сегодня готовы». И многое в этом направлении делалось. Так, среднегодовой выпуск промышленной продукции за 3 года третьей пятилетки вырос на 13,2%, а оборонной – на 39%[5]. Стратегические планы предусматривали военно-мобилизационную подготовку экономики, населения и Вооруженных сил полностью завершить в 1942 году. Но агрессор не ждал. В результате к началу войны на Западе было сосредоточено лишь 186 дивизий вместо 240 по плану. К тому же они были не полностью укомплектованы, уступали противнику в технической оснащенности, командованию вплоть до 21 июня категорически запрещалось принимать меры по приведению войск в полную боевую готовность[6]. Страна и народ готовились к войне, но к 22 июня в оперативно-тактическом, в техническом, в психологическом отношении оказались не готовы к ней.

Связанное и с этим трагическое начало войны дает еще один урок. Он состоит в том, что с одной стороны – военно-политическая обстановка может радикально измениться за очень короткий промежуток времени, в том числе потому, что враждебные намерения по отношению к стране «вдруг» проявляются, казалось бы, у вполне надежных союзников. Скажем,

---

[1] «Независимое военное обозрение». 2000, № 13, стр. 1

[2] Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. Министерство обороны РФ., стр. 13

[3] Там же

[4] «Независимое военное обозрение». 2005, № 8, стр. 1, 3

[5] Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. М., «Воениздат», 1994, стр. 33

[6] Из числа дивизий, которые должны были выйти на прикрытие государственной границы, вышло только 25% и то на флангах, а не в центре главного удара фашистских войск. В Белорусском военном округе, например, артиллерия находилась на сборах под Минском, войска начали сражение без ее поддержки. (60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. М., «Книга и бизнес», 2002, стр. 23.)

в 20-е — начале 30-х годов между Советским Союзом и Германией установились широкие и разносторонние союзнические связи, охватывавшие и военное сотрудничество. Тогда на территории СССР в обход Версальского договора тайно строились и функционировали советско-германские заводы, аэродромы, танковые и авиационные школы. Активно выполнялась программа обмена военными специалистами. «Основная линия германской внешней политики по отношению к СССР, — говорилось в докладе председателя Совнаркома В. М. Молотова VI съезду Советов в марте 1931 г., — за последнее время является линией дружественного сотрудничества и дальнейшего укрепления отношений, которые выдержали ряд испытаний на протяжении 9 лет и которые, по нашему глубокому убеждению, могут и должны развиваться далее в обоюдных интересах и в интересах поддержания всеобщего мира». После прихода Гитлера к власти в 1933 году эти отношения резко сократились, а к 1935 году они и вовсе сошли на нет[1]. Однако с конца августа 1939 года до июня 1941 года советско-германские отношения развивались в духе договора о ненападении, хотя с весны 1940 года началось их охлаждение, появилось взаимное недоверие.

С другой стороны — по общему правилу агрессор, по крайней мере в начальный период войны, оказывается более подготовленным к ведению военных действий, чем обороняющаяся сторона. Резкая смена военно-политической обстановки не оправдывает, но объясняет возможность запаздывания не только с созданием системы обороны (армия, военно-промышленный комплекс, оборонная инфраструктура, оперативное оборудование территории, мобилизационные резервы и др.), соответствующей вызовам времени, но и с осознанием нарастающих угроз, идеологической и психологической готовностью армии, населения и руководства страны к вооруженной защите Отечества. Отсюда следует вывод, что военная безопасность государства определяется не тем, что оно планирует иметь в будущем, скажем, в 2020 г., а тем, насколько «здесь и сейчас» военная мощь страны соответствует уровню развития военного дела в мире, реально складывающейся военно-политической обстановке.

За последние пять лет разработано и принято в эксплуатацию более 500 новых образцов вооружения и военной техники, многие из них, по словам начальника Генерального штаба Ю. Н. Балуевского, «не просто следующего поколения, а через поколение». Теперь задача — оснастить ими армию[2]. Перспективы обнадеживающие. Однако если, например, в Ракетных войсках стратегического назначения в 2004 г. пять ракетных полков сокращены из-за необходимости снимать выслужившие свой срок ракеты, а Министерство обороны ежегодно закупает считанные единицы самолетов, танков и других военно-технических систем[3], приходится говорить о существенных изъянах в военном строительстве. Нельзя не согласиться с А. Д. Цыганком в том, что преднамеренное откладывание еще на 10—15 лет массовых закупок для армии современного вооружения вызывает в лучшем случае недоумение[4]. Ибо это означает нарушение заповеди великого Сунь-Цзы: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него»[5].

Тем более что достичь такого состояния в одночасье невозможно в принципе. Бессмысленно рыть колодец для тушения бушующего пожара. На всякий «пожарный случай» должны быть предприняты заблаговременные меры. И если сейчас нет угрозы широкомасштабной войны для России, то никто не мо-

[1] Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер (Тайное сотрудничество, 1922—1933: Неизвестные документы). М., «Советская Россия», 1992

[2] «Известия», 2005, 20 марта

[3] В 2003 г. на экспорт было поставлено 44 самолета, 2 фрегата, 80 танков Т-90С; российские же Вооруженные силы модернизировали 5 Су-27, отремонтировали 5 подводных лодок, получили 14 танков Т-90С; в 2004 г. экспорт составил 310 танков и 55 самолетов против приобретенных российской армией 31 танка и 4 самолетов («Независимое военное обозрение», 2005, № 11, стр. 3)

[4] Цыганок А. Д. Россия строит новую армию старого типа// «Независимое военное обозрение», 2005, № 11, стр. 3

[5] Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. М., ООО «Изд. АСТ», СПб., Terra Fantastica, 2001, стр. 54

жет сказать, как будут развиваться события через десять, пятнадцать или двадцать лет. Тем более что фактор непредсказуемости в мире увеличился в несколько раз[1]. В силу этого обеспечение военной безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства, которое должно не только решать задачи оперативного реагирования на уже просматривающиеся угрозы, но и закладывать основы обороны будущего, вести военное строительство с ориентацией на долгосрочную перспективу.

Сейчас популярна идея В. И. Слипченко о войнах шестого поколения[2]. Такие войны, по мысли автора, будут носить относительно краткосрочный характер и вестись немногочисленными высококлассными мобильными силами. Однако многие эксперты говорят, что нынешнее состояние Вооруженных сил России далеко от соответствия тем критериям. В то же время в США, например, вооруженные силы которых уже сейчас не имеют равных себе по боевой мощи, развертывается «революционная военная трансформация», призванная подготовить армию к войнам нового (седьмого?) облика[3]. Между тем в своем развитии армия по определению ориентируется на внешний мир. Давно сказано: неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не стремится овладеть всеми средствами и способами ведения борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля.

Причем речь не идет, как это было в советский период, о поименном определении потенциального противника, о поиске врага. Вопрос не в том, кто может напасть на страну, а в том, с каким в количественном и качественном отношении противником может она столкнуться. Скажем, если несколько десятков государств имеют подводный флот, у России должны быть средства противолодочной борьбы; если разные армии берут на вооружение высокоточное оружие, ей необходимо иметь защиту от него; если радиоэлектронная борьба выделяется в самостоятельную оперативную задачу по дезорганизации управления войсками и оружием противника, надо иметь силы и средства для ее ведения, и т. д.

Причем это задача не только Вооруженных сил. Проявляют крайнюю недальновидность те, кто полагает, что можно создать на контрактной основе немногочисленную армию и возложить на нее решение всех оборонных вопросов. Войну ведет не армия, а страна, народ. Вот несколько цифр. Если к 22 июня 1941 г. в армии и на флоте по списку состояли 4826,9 тыс. человек, то в годы войны в Вооруженные силы и формирования других ведомств были привлечены 34476,7 млн. человек. На июнь 1945 г. в армии и на флоте оставались 12839,8 тыс. человек (втрое больше, чем накануне войны, несмотря на потери). В годы войны на военные нужды работали примерно две трети всех промышленных рабочих и четверть занятых в сельском хозяйстве.

Таков еще один важнейший урок. Между тем в общественном сознании да и в представлении лиц, принимающих решения, далеко не всегда это положение четко артикулируется. Достаточно напомнить, что на протяжении всей постсоветской истории бесконечные разговоры о необходимости военной реформы и огромное множество планов по ее проведению сводились к утверждению новых подходов всего лишь к строительству Вооруженных сил. Из этого урока вытекают по крайней мере три вывода.

Во-первых, военную организацию, которая согласно официальным докумен-

---

[1] Иванов С., министр обороны РФ. У нас рабоче-крестьянская армия//«Аргументы и факты», 2005, № 13, стр. 3

[2] Слипченко В. И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего. М., «Вече», 2002. Концепция «бесконтактной войны», о которой говорится в книге, по мнению Министерства обороны РФ, «остается лишь теоретической моделью, отражающей стремление определенных государств снизить свою вовлеченность в региональные конфликты с присутствием сухопутных войск. Безусловно, достижение полной бесконтактности боевых действий вряд ли возможно». (Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. Министерство обороны РФ., стр. 34.) Кстати сказать, в разрабатываемых новых подходах к военному строительству и ведению войн военное руководство США планирует применять методы решительного «силового прорыва» любой развитой обороны вероятных противников на всю глубину и обеспечивать беспрепятственное вторжение на территорию противника». (Горшков А. Ф. В вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция: Современные информационные технологии диктуют новый облик будущих войн// «Независимое военное обозрение», 2005, № 12, стр. 4)

[3] Горшков А. Ф. В вооруженных силах США происходит не просто реформа, а революция: Современные информационные технологии диктуют новый облик будущих войн// «Независимое военное обозрение», 2005, № 12, стр. 4

там служит целям обеспечения военной безопасности Российской Федерации, неправомерно сводить лишь к совокупности Вооруженных сил, а также военно-политических, военно-экономических, военно-научных и других органов, занимающихся военной деятельностью[1]. Это узкое значение военной организации как особой системы формирований, органов и учреждений, непосредственно предназначенных для ведения войны.

Между тем в Военной доктрине совершенно правильно отмечается, что «военная безопасность Российской Федерации обеспечивается всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов». В таком контексте военная организация предстает как более широкое образование, а именно как планомерное, продуманное устройство, упорядочение жизнедеятельности государства и общества на случай возможной войны. Она – не часть их, а способ устройства и функционирования, в том числе предполагающий создание специальных структур (военной организации в узком смысле) и позволяющий им функционировать с учетом возможной войны и в условиях войны.

В таком контексте военная организация есть совокупность установлений, определяющих права и обязанности граждан, должностных лиц, государственных органов и общественных объединений по защите Отечества; система институтов, учреждений и органов, включая предприятия и организации различных форм собственности и общественные объединения, осуществляющих военную деятельность; комплекс форм устройства и мероприятий, обеспечивающих заблаговременную подготовку территории, экономики и населения к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время.

Одним из элементов так понимаемой военной организации государства является оборонное сознание населения, элиты и масс, которое выражается в понимании и поддержке необходимых мер по укреплению военной безопасности, обороноспособности страны, уважительном отношении к армии и военнослужащим, морально-психологической готовности гражданина в случае необходимости выполнить конституционный долг по защите Отечества. Этот долг, разумеется, не сводится только к службе в рядах Вооруженных сил. Так, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 16,1 млн. человек.

Во-вторых, война – это особое состояние общества. Его особость состоит в том, что она представляет собой наиболее радикальный и решительный способ борьбы двух и более акторов за торжество своих приоритетов. В своем противостоянии они добиваются вооруженного подавления противника, применяя технические средства физического насилия в виде согласованных и систематических военных действий. В интересах их обеспечения перестраиваются на военный лад экономика, общественная жизнь страны. Требование «Все для фронта, все для победы!» становится нормой, определяющей деятельность государственных органов, общественных организаций, предприятий, должностных лиц и граждан. Особость войны состоит и в том, что она сопровождается серьезными, вплоть до катастрофических потерь. (Впрочем, история знает примеры, когда власть оказывается не в состоянии мобилизовать и организовать наличные ресурсы или народ не проявляет готовности к борьбе. Тогда война может прекратиться, не начавшись, как это было, например, с аншлюсом Австрии или оккупацией Чехословакии. «Если часть народа, – писал К. Шмитт, – объявляет, что у нее врагов больше нет, то тем самым в силу положения дел она ставит себя на сторону врагов и помогает им, но различение друга и врага тем самым отнюдь не устранено»[2].)

Война – это не набег, не поход и не спецоперация. Как говорится, есть война

[1] «Военная энциклопедия», т. 2, стр. 135. «Военная организация государства, – говорится в Военной доктрине, – включает в себя Вооруженные силы Российской Федерации, составляющие ее ядро и основу обеспечения военной безопасности, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими. В военную организацию государства также входит часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности»

[2] Шмитт К. Понятие политического// Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997, стр. 305

и война. Толковые словари русского языка дают этому термину двоякое определение: 1) организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами; 2) (с пометкой: в переносном значении, разговорное) состояние вражды, борьба с кем-, чем-либо[1]. К сожалению, в нашем научном и политическом языке совершенно неправомерно отождествляются эти омонимы, когда говорят о идущей «четвертой мировой войне» или о «войне с террором».

В рамках статьи нет возможности представить развернутую аргументацию контрпродуктивности рассуждений о геополитическом соперничестве или терроризме исключительно в категориях войны и мира. Отмечу только, что это вопрос вовсе не лексикологический. Достаточно сказать, что по действующему законодательству состояние войны в Российской Федерации определяется не заявлениями публицистов или политиков, пусть даже самого высокого ранга, а объявляется федеральным законом и только в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств либо при необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации. При этом закон четко оговаривает, что в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации на всей территории страны или в отдельных ее местностях вводится военное положение как особый правовой режим. И еще: при объявлении состояния войны и в период военного положения Вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы могут вести боевые действия по отражению агрессии[2].

Объявление состояния войны, следовательно, порождает ожидание и даже потребность в конкретных и эффективных военных мерах против явного врага. Классификация же террористических атак как войны чревата дезориентацией общества и армии, органов государственного и военного управления[3]. Ибо армия решает свои задачи боем, а нейтрализация террористов должна вестись в первую очередь и главным образом агентурно-оперативными силами и средствами.

В-третьих, подготовка к войне или скажу мягче — укрепление обороноспособности страны требует не клича и порыва, но предполагает постоянную, многоплановую работу. Ее ход в начале 40-х годов вскрыл ошибки политических руководителей, когда из ряда возможных альтернатив выбирались не самые лучшие. Скажем, ни шапкозакидательские установки о войне на чужой территории и малой кровью, ни задабривание потенциального агрессора подчеркнуто строгим и точным соблюдением ранее подписанных договоров не способствуют мобилизации сил, необходимых для гарантированного обеспечения военной безопасности страны. Понадобился широко известный приказ от 28 июля 1942 г. № 227 для того, чтобы в сознании бойцов и командиров произошел духовный перелом в отношении к войне как многотрудному и жестокому делу и к себе на войне как к человеку, которому вручена судьба Родины.

«Это был суровый приказ, — вспоминал солдат той войны М. Г. Абдулин. – И он был сильным отрезвляющим средством: «Ни шагу назад». Приказ был прочитан во всех подразделениях. Слушали его молча и молча одобряли. Приказ остановил людей. Появилась уверенность в соседях справа и слева — не отступят. Все как-то стабилизировалось и окрепло. Хотя и не просто было сознавать: сзади тебя отряд»[4].

В последние годы в средствах массовой информации этот приказ подвергся мас-

---

[1] Словарь русского языка в 4 т. Т. I. М., Изд. «Русский язык», 1981, стр. 203

[2] Об обороне: федеральный закон Российской Федерации//Правовые акты Российской Федерации в сфере военно-гражданских отношений: Сборник документов. М., 2002, стр. 351–352

[3] После того как 11 сентября 2001 года во Всемирном торговом центре и Пентагоне произошли чудовищные теракты, государственный секретарь США Колин Пауэлл сразу же заявил, что США «находятся в состоянии войны» с терроризмом. В этот момент он допустил вполне естественную, но вместе с тем ужасную и непоправимую ошибку. С тех под руководство американской администрации пытается ее исправить. Дело в том, что выражение «война с терроризмом» имеет смысл только в том случае, если его использовать так же, как и словосочетание «война с организованной преступностью или с контрабандой наркотиков», подразумевая мобилизацию всех возможных ресурсов для борьбы с опасной, антисоциальной деятельностью. (Ховард М. Что значит «бороться с терроризмом»// Россия в глобальной политике. Том 1, № 1. Январь–март 2003)

[4] Шел солдат... В. М. Песков беседует с М. Г. Абдулиным// «Советская Россия», 2005, 12 марта

сированной критике за предусмотренные в нем карательные меры (снимать с постов командиров и комиссаров, допустивших самовольный отход частей, и предавать их военному суду; сформировать во фронтах штрафные батальоны и в армиях штрафные роты, куда направлять провинившихся в трусости или неустойчивости бойцов и командиров; сформировать в пределах армии 3–5 заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), призванных «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов»)[1]. Меры, безусловно, суровые. Но, во-первых, их нельзя оценивать с общегуманистических позиций, без учета того, что они были объявлены в критических условиях войны, когда «отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину», и действовали короткий промежуток времени. Во-вторых, из слов приказа вовсе не следует, что заградотряды расстреливали полки и дивизии собственной армии.

Уже упоминавшийся Абдулин свидетельствует: «Я не знаю случая, когда бы в отступающих стреляли». О том же непредвзятый читатель прочтет в донесении, как говорится, компетентных органов, которые вовсе не склонны были преуменьшать результаты своей деятельности[2]. Было сформировано 193 заградотряда. С 1 августа по 15 октября 1942 г. ими задержаны 140 755 военнослужащих, бежавших с передовой линии фронта. Возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека. Арестованы 3980 человек (2,8% от числа задержанных), направлены в штрафные роты 2776 человек, в штрафные батальоны – 185 человек. Расстреляны 1198 человек (0,85% от числа задержанных). Эти цифры опровергают надуманные рассуждения о заградительных отрядах как сугубо карательной, расстрельной силе.

Искажение назначения и характера их деятельности содержит в себе двойную ложь. С одной стороны – оно порочит Сталина, подписавшего якобы изуверский приказ, и командования фронтами и армиями, усердно-де исполнявшими его. С другой стороны – навязывается мысль, будто советские люди, бойцы и командиры Красной армии сплошь состояли из трусов и паникеров и воевали с фашистом лишь из-за страха перед драконовскими мерами советской власти. Перепевом и развитием этой лжи стали еще недавно громко звучавшие стенания «продвинутых интеллектуалов», сожалеющих о том, что в войне поверженной оказалась Германия, а не Советский Союз.

Однако правда состоит в том, что фашистские полчища напоролись не на популяции людей, рассеянных по России, а на народ, готовый и способный самоотверженно сражаться за свое право быть на земле и быть свободными и независимыми строителями собственной жизни. Здесь уместно напомнить фразы созданных в разное время художественных персонажей, объясняющих причины своей боевой активности на фронте. Герой повести «Иван Никулин – русский матрос» говорит, что он сражается не за любую Россию, а за советскую. Зато один из фигурантов фильма «Штрафной батальон» подчеркивает, что воюет не за советскую власть, а за русскую землю. Но как бы там ни было, и тот, и другой стояли в общем строю защитников Родины. В той войне столкнулись не просто враждебные армии. Люди разных национальностей и вероисповеданий, разного общественного положения и социальных ориентаций сплотились, говоря словами В. Распутина,«в единую плоть и единый дух, в цельную неодолимую преграду». Мощная сила их отпора имела своим источником тысячелетнюю российскую историю. «Это она, история, стала едва ли не самым главным резервом Ставки Верховного главнокомандования»[3]. Именно потому война получила название Великой Отечественной и таковой должна остаться в сознании не только живущих поколений, но и их потомков.

---

[1] Приказ Народного комиссара обороны. 28 июля 1942 года//60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне: Уроки и выводы. М., «Книга и бизнес», 2003, стр. 402

[2] Справка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О деятельности заградотрядов Сталинградского и Донского фронтов»// Сталинградская эпопея: Документы. М., «Звонница-МГ», 2002, стр. 222. Относительно Донского и Сталинградского фронтов в документе приводятся соответственно такие цифры: число заградотрядов 25 и 16, задержаны 36109 и 15 649 человек, возвращены в строй 32 933 и 14833, арестованы 736 и 244, отправлены в штрафные роты 1056 и 218, в штрафные батальоны 33 и 42, расстреляны 433 и 278 человек

[3] Всероссийская книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., «Воениздат», 1995, стр. 21

Мы не закрываем глаза на то, что народы России и граждане СССР отнюдь не все, как один, встали на защиту своей Отчизны. Добровольцы, добивавшиеся отправки на фронт, выстраивались в длинные очереди в военкоматы. Летом и осенью 1941 г. было сформировано около 60 дивизий и 200 отдельных полков народного ополчения из добровольцев – граждан, не подлежащих мобилизации. В них состояли почти 2 млн. человек, а заявлений с просьбой зачислить в ополчение было подано 4 млн. Но были и дезертиры, и предатели, и изменники. По немецким данным, в той или иной степени с оккупантами сотрудничали около миллиона человек[1]. В их числе власовцы из так называемой Русской освободительной армии, украинские бандеровцы, легионеры кавказских, туркестанских и других формирований, каратели из Jagdkommande, Edelweisse, созданных фашистами.

Однако не они определяли общую картину. Победа стала возможной благодаря невиданной самоотверженности, массовому героизму советских людей. Это был поистине всенародный подвиг, изумивший и восхитивший мир. Вслед за воинами Александра Невского, ратниками Дмитрия Донского, ополченцами Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, чудо-богатырями Суворова, героями поля Бородинского красноармейцы советской державы доказали: «Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет». Великая Отечественная война с новой силой подтвердила эту максиму, сформулированную Александром Невским почти восемь веков назад. Победа в ней закрепила в исторической памяти мира, наших друзей и геополитических соперников понимание бесперспективности силового противоборства с Россией. Та победа создала социальный капитал, который и сегодня служит важным фактором, обеспечивающим военную безопасность страны, суверенитет государства.

Сказать об этом следует, так как самая блестящая военная победа отнюдь не означает немедленного утверждения гармоничного мира на вечные времена. Великая Отечественная война завершилась полным разгромом и безоговорочной капитуляцией фашистской Германии и ее союзников. Военную Победу в ней закрепил Нюрнбергский процесс. Дело, однако, в том, что с одной стороны – как сказал В. Распутин, «никогда еще не бывало, чтобы так долго кровоточили раны и чтобы спустя шестьдесят лет после Победы приходилось с горьким сердцем признавать, что полноценной замены погибшим так и не произошло»[2]. Подтверждением этих слов может служить тот факт, что в стране более 30% юношей заявляют «Не буду браться за оружие даже в случае прямой агрессии», около 30% не желают служить в армии, только 23% считают себя патриотами[3].

С другой стороны – Великая Отечественная война стала демонстрацией того, что народы и государства могут и должны быть выше каких бы то ни было разногласий, когда решается вопрос о будущем всего человечества. Создание и укрепление антигитлеровской коалиции СССР, США, Великобритании, Франции и других государств явились фактом огромного политического и военного значения. Только совместными усилиями им удалось сокрушить фашизм. Но как свидетельствует история, основную роль в решении этой всемирно-исторической задачи сыграли Советский Союз и его армия. В разные периоды на советско-германском фронте одновременно действовало от 190 до 270 дивизий фашистской Германии и ее союзников (англо-американским войскам в 1941–1943 гг. в Северной Африке противостояло от 9 до 20 дивизий, в Италии в 1943–1945 гг. – от 7 до 26 дивизий, в Западной Европе после открытия второго фронта – от 56 до 76 дивизий). Советские войска разгромили и взяли в плен 607 вражеских дивизий (англо-американские войска – около 176 дивизий). На советско-германском фронте во Второй мировой войне вермахт потерял 75% живой силы (10 млн. из 13,4 млн. человек), около 70% самолетов, до 75% танков и штурмовых орудий, 74% артиллерийских орудий[4].

---

[1] Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия для школьников. М., «ОЛМА-ПРЕСС» 2001, стр. 11

[2] Шлемоносцы: Выступление Валентина Распутина на IX Всемирном Русском Народном Соборе// «Советская Россия», 2005, 12 марта

[3] Серебрянников В. Военная идеология: методологические проблемы// «Наука. Политика. Предпринимательство». 2004, № 1, стр. 77

[4] Военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М. «Воениздат», 1994, стр. 314

На фоне этих цифр кощунственно выглядят политика и публицистика, доказывающие, что главным творцом Победы были союзные войска. Тем более нетерпимо, когда глашатаем подобных взглядов становятся отечественные историки, в том числе пишущие для школьников.

Острые дискуссии на Тегеранской, Ялтинской, Берлинской конференциях по вопросам послевоенного устройства мира, проволочки союзников с открытием второго фронта, их попытки вести сепаратные переговоры о капитуляции немецко-фашистских войск свидетельствуют, что в политических кругах Англии и США всегда имевшие место антисоветские настроения усилились к концу войны. Так, весной 1945 г. в США вернулся специальный представитель Турции Дж. Эрли, бывший в свое время другом Рузвельта. Он добивался согласия президента выступить с публичным заявлением о том, что «Россия представляет бóльшую угрозу, чем Германия». Имея в виду это, не приходится удивляться тому, что военные действия вермахта по-разному развертывались на Восточном и Западном фронтах. Сталин в письме Рузвельту от 7 апреля 1945 г. заявил: «Трудно согласиться, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на Западном фронте объясняется лишь тем, что они оказались разбитыми... Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию... но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель». В свете сказанного не приходится удивляться тому, что менее чем через год после капитуляции Германии, 5 марта 1946 г. прозвучала фултонская речь Черчилля, ознаменовавшая начало холодной войны между недавними союзниками.

Считается, что холодная война завершилась в конце 80-х годов прошлого века. По словам канцлера ФРГ Г. Шредера, Германия и я окончательно преодолели рвы прошлого и не допустят когда бы то ни было мрачных периодов нашей истории, продолжат сообща строить наше будущее в объединяющейся, мирной и демократической Европе. Кстати сказать, тот факт, что руководители некоторых государств пренебрегли приглашением России отметить в Москве 60-летний юбилей Победы, тоже говорит о происходящей в мире антироссийской перегруппировке сил.

Все это актуализирует указание Александра III, заповедовавшего своему преемнику: «У России есть только два союзника — это ее армия и флот».

* * *

Отмечая 60-летие Победы, уместно вспомнить девиз русского адмирала С. О. Макарова «Помни войну!». Этот девиз следует понимать трояко. Во-первых, глубокие позитивные сдвиги в мире не приобрели ни всеобъемлющего, ни необратимого характера. Опасность войны ослабла, но не исчезла полностью. Памятуя об этом, сильное государство и зрелое гражданское общество не могут быть бездейственными по отношению к ней, чтобы не оказаться застигнутыми ею врасплох. Кажется, В. О. Ключевский заметил: тех, кто не учится у истории, она научает тем, что проучивает, заставляя вновь и вновь терпеть невзгоды, которые можно было бы избежать, исходя из уроков прошлого. Во-вторых, помнить Великую Отечественную войну необходимо потому, что она выявила или подтвердила общие закономерности и принципы, определяющие ход и исход войны. Знание их помогает глубже понять, точнее — сформулировать современные требования к военному строительству, к состоянию и подготовке армии. В-третьих, память о том героическом времени культивирует преклонение перед мальчишками, которые «страну заслонили собой», перед воинами-фронтовиками и тружениками тыла, чьи стойкость, мужество и самоотверженность выковали Победу. Она формирует гордость за страну и народ, с честью выдержавших жестокое испытание, а вместе с тем утверждает веру людей в возможность преодоления современных бед. Военная слава старших поколений служит средством воспитания их наследников в духе гражданской ответственности за будущее Отечества, военно-патриотической готовности защищать его.

Память о Великой Отечественной войне священна.

Александр ПАДЕРИН

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ: ВЕЛИКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ

В числе различных источников силы СССР, продемонстрированной во время Великой Отечественной войны, важное место занимала высокая организация государственной системы. Максимальная централизация всех ветвей власти позволяла советскому руководству направлять основные ресурсы страны на самые важные, решающие участки борьбы с врагом.

Советское общество как социальная организация формировалось в ходе строительства социализма под руководством ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Ее деятельность определялась марксистско-ленинской идеологией. К 1936 г. в стране была завершена начавшаяся со времени Октябрьской революции 1917 г. ликвидация частной собственности. В процессе революционных преобразований сложилось общество, основу которого составляли рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. Буржуазия, помещики, зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, исчезли с политической арены страны. Все население страны работало на государство.

Строительство социализма в СССР представляло собой сложный и зачастую противоречивый процесс. На этом пути было все: и труднопреодолимые препятствия, и несомненные успехи. Достижения перемежались с серьезными деформациями, героическое соседствовало с трагическим. Тем не менее мировоззрение людей, выросших в условиях строительства социализма, формировали главным образом не отрицательные стороны жизни страны, а обстановка самоотверженного созидательного труда. Они чувствовали себя участниками великого дела, надеялись на светлое будущее.

Идеи социализма получили поддержку основной массы населения. Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, отразил натиск интервентов в 1919–1920 гг., преобразовал страну, создал современную индустрию. Нараставшая угроза войны требовала постоянных мер по укреплению обороноспособности, неимоверных усилий и затрат, направленных на защиту страны, строящей общество социальной справедливости.

Большинство рабочих, крестьян и интеллигенции были убеждены в том, что они живут и работают при самом справедливом строе. Это в первую очередь и определяло морально-политическое состояние населения, в том числе личного состава Вооруженных сил.

Такому настрою способствовала также принятая на чрезвычайном VIII съезде Советов в декабре 1936 г. новая Конституция СССР, в которой декларировалось значительное расширение прав и свобод граждан. Высшим представительным органом согласно Конституции стал Верховный Совет СССР, избиравшийся один раз в четыре года. В его компетенцию входило решение

ПАДЕРИН Александр Александрович – полковник в отставке, к. и. н., профессор РАЕН

всех вопросов, отнесенных к ведению Союза, в том числе вопросов войны и мира. Верховный Совет СССР избирал постоянно действующий орган – Президиум Верховного Совета СССР, который в период между сессиями Верховного Совета СССР пользовался широкими правами.

В 16 союзных и 21 автономной республиках также действовали Советы, избираемые один раз в четыре года. Им подчинялись местные Советы – областные, краевые, районные, городские, сельские и поселковые, избираемые один раз в два года.

Высшим исполнительным и распорядительным органом власти являлся Совет Народных Комиссаров (СНК – правительство СССР), ответственный перед Верховным Советом СССР и его Президиумом. В состав СНК входили наркоматы (министерства), решавшие весь комплекс вопросов, относящихся к внутренней и внешней политике СССР. Во все Советы, в том числе самые высшие, избирались наиболее заслуженные люди, представлявшие каждую социальную группу общества, что также являлось предметом гордости трудящихся.

Сложившаяся в СССР политическая система направлялась и контролировалась партией, что осуществлялось в процессе работы партийных съездов, а в промежутках между ними – ЦК ВКП(б) и его Политбюро.

В государстве и обществе сформировалась жестко организованная административно-командная система управления. Характерными ее чертами являлись централизация распоряжений и указаний, их безусловное («любой ценой») выполнение, подчинение аппарата исполнителей его руководителю.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на территории, составлявшей шестую часть земной суши, проживало более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн. человек. Существовавший строй объединил интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав СССР, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество системы.

Перед лицом смертельной опасности, грозившей Отечеству в связи с агрессией нацистской Германии, произошло определенное сближение «верхов» и «низов». Война, потребовавшая неимоверных физических и духовных сил, породила новое качество общественного самосознания: она раскрыла глубинные силы народа, пробудила у людей такие нравственные нормы и ценности, как бесстрашие, решимость преодолеть самые суровые испытания, патриотизм не на словах, а на деле, возросшую гражданскую ответственность за судьбу Отечества. Именно здесь надо искать источник того невиданного героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором победы над агрессором.

Любовь к Родине, забота об ее независимости и процветании формировались веками, а не зародились в 1917 или 1941 годах. Однако в советский период патриотизм как бы получил второе дыхание. Это было вызвано тем, что большинство граждан считали естественным и законным сложившийся в стране социально-политический строй, закрепленный Конституцией СССР, что для них были наглядны и очевидны вошедшие в быт социальные достижения: бесплатные образование, медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье, отсутствие безработицы, уважение к людям труда, их производственным достижениям и т. п. И что бы отдельные «правдоискатели» ни говорили сегодня, тогда народ в основной своей массе поддерживал партийное и государственное руководство Советского Союза.

Жизнедеятельность советского государства и общества в условиях военного времени всецело определялась решениями Государственного Комитета Обороны (ГКО), образованного совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 30 июня, через неделю после начала войны, когда партийно-государственное руководство осознало масштабы постигшей страну катастрофы и необходимость реализации неотложных кардинальных решений. В принятом постановлении говорилось, что в руках ГКО сосредоточивается вся полнота власти в государстве и все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные орга-

ны обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны[1].

Являясь вершиной пирамиды власти, Государственный Комитет Обороны руководил страной через аппарат ЦК ВКП(б), СНК СССР и центральные органы общественных организаций. Некоторые вопросы он решал напрямую через местные партийные и советские органы, различные наркоматы и ведомства, городские комитеты обороны, создаваемые преимущественно в прифронтовых городах.

Наиболее кардинальные решения в зависимости от их содержания оформлялись в виде постановлений ГКО, СНК СССР, директив ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР, а по вопросам вооруженной борьбы и военного строительства – директив Ставки ВГК, приказов народного комиссара обороны. Подавляющую часть постановлений и распоряжений ГКО подписывал И. В. Сталин.

По мере необходимости при ГКО создавались и действовали постоянные или временные советы, комитеты, комиссии, бюро, которые после выполнения конкретных задач распускались. Важную роль в организации выполнения постановлений и распоряжений ГКО играли уполномоченные Государственного Комитета Обороны. При них зачастую создавались небольшие группы помощников, подбиравшихся прежде всего среди крупнейших деятелей науки и техники. Они привлекались к разработке и апробации научных работ, связанных с обороной страны.

В годы войны был не только создан необходимый в военное время чрезвычайный высший орган руководства страной, но и осуществлена полная и абсолютная централизация власти в руках его председателя И. В. Сталина, единовластие которого получило окончательное завершение и законодательное оформление. Бесспорно, личность Сталина: его сильная политическая воля, целеустремленность, умение организовать и дисциплинировать людей, ясно и понятно говорить с народом сыграли положительную роль. Не менее важная роль принадлежала Сталину как символу и гаранту незыблемости государственной власти, единства народов СССР и уверенности в победе.

Высокая эффективность государственной политики периода войны в решающей степени обеспечивалась целенаправленной деятельностью Коммунистической партии. Единая, массовая, хорошо организованная, дисциплинированная, она стала по существу важнейшим государственным инструментом. Как правящая и единственная партия в стране, ВКП(б) фактически являлась основой политической системы в СССР. В ней в начале войны состояли 3,8 млн. коммунистов.

ВКП(б) стала поистине воюющей партией, слившейся в низах со сражавшимся народом. Хорошо известно (хотя в 1990-е гг. это замалчивалось), что за годы войны партия понесла огромные потери – погибли свыше 3 млн. коммунистов. Тем не менее ее численность по сравнению с довоенной увеличилась более чем на 1,6 млн. человек. К концу войны она достигла почти 6 млн. членов и кандидатов в члены партии. При этом около 60% из них находились в рядах армии и флота[2].

Сегодня нередко подчеркивается, что в Великой Отечественной войне победили не Сталин, не Жуков, а народ. Однако при этом упускается из вида, что народ ведь нужно было организовать, направить: лишенный единой воли, единой цели и общего порыва, победить он просто не смог бы. Но были Сталин и Жуков, а говоря точнее и глубже – была партия. Она вела и привела народ к победе.

В Великой Отечественной войне Советского Союза против нацистской Германии, подчеркивает доктор философских наук, профессор С. А. Тюшкевич, «выявилась огромная роль субъективного фактора – сознания, воли, организаторской и идеологической деятельности Коммунистической партии, социальной активности всего народа. Объединенные единой волей, единым порывом, советские люди совершили подвиг, равного которому еще не знала история»[3].

[1] КПСС в резолюциях. Т. 7 (1938–1945), М., 1985, стр. 224

[2] Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. Книга четвертая. «Народ и война», стр. 28

[3] Тюшкевич С. А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М., «Книга и бизнес», 2002, стр. 87

Особое место в централизованной государственной системе управления принадлежало разветвленному и громоздкому аппарату исполнительной и распорядительной власти, охватывавшему своим влиянием все сферы жизнедеятельности страны. Высшим его органом являлся Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР, в который входили наркомы союзных и союзно-республиканских наркоматов, председатели Госплана СССР, ВЦСПС, действовавших при СНК комитетов, правления Государственного банка СССР. Возглавлял Совнарком И. В. Сталин, назначенный председателем СНК СССР 6 мая 1941 г. и остававшийся им на протяжении всей войны.

Как показала жизнь, положительное в действиях руководства страны очень благотворно отражалось на настроении народа. Сильнее всяких устрашающих мер на тружеников тыла, на личный состав армии и флота влияли практические шаги руководителей государства, свидетельствовавшие об их собственной решимости, вере в победу, в народ и его вооруженных защитников. Так, правительство во главе со Сталиным в самые тревожные октябрьские и ноябрьские дни 1941 г., когда враг рвался к Москве, не покинуло столицу, провело торжественное заседание и легендарный парад войск на Красной площади в честь 24-й годовщины Октября. Трудно переоценить то мобилизующее воздействие, которое все эти факты оказали на формирование в народе, прежде всего у защитников столицы, столь необходимого в тот судьбоносный момент боевого настроя. Несомненно, это в очень большой степени способствовало свершившемуся вскоре радостному повороту в развитии вооруженной борьбы с агрессором: весь мир облетела весть об исторической победе под Москвой.

Моральный настрой советского общества в годы военного лихолетья определяли глубокие исторические корни. Об этом весьма объективно говорилось, например, в эмигрантском журнале «Новый путь», редактировавшемся бывшим активным русским меньшевиком Ф. Ю. Даном, 7 октября 1942 г. в статье «Чудо Сталинграда»: «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс, что при всех невзгодах, лишениях, страданиях... она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше — какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею — идею социального освобождения»[4].

Война с нацистской Германией и ее союзниками по агрессивному фашистскому блоку подавляющим большинством граждан СССР воспринималась как непримиримая, жестокая борьба за спасение от вражеского нашествия своей Родины и вскормившей их родной земли, а всей мировой цивилизации – от варварства, борьбы за победу свободы над рабством, демократии над оголтелым фашизмом, а не «сталинского тоталитаризма над гитлеровским», что пытаются доказать поборники «демифологизации» истории этой войны.

У основной массы населения Советского Союза сомнений не было: борьба против агрессора — дело справедливое, святое, ему надо отдать все силы, а если потребуется, то и саму жизнь, но во что бы то ни стало добиться победы. Это и являлось доминантой общественного мнения.

Имевшее место в нашей историографии Великой Отечественной войны представление о тотальном, монолитном сознании советских людей как признаке их морально-политического единства в военный период, привычки жить только по указке сверху не совсем верно. Простая логика подсказывает, что народ, «задавленный диктатурой» и лишенный самостоятельного мнения, активной жизненной позиции, не мог бы так героически сражаться на фронте за свою Родину, столь самоотверженно относиться к работе в тылу, как это делали в своем большинстве наши соотечественники.

После нападения нацистской Германии чувство долга, коллективизм, взаимная выручка сделались осью жизни подавляющегося большинства советских людей. Вот почему сила Красной армии была не арифметической суммой действий

[4] «Правда», 1989, 13 окт.

отдельных людей, а результатом исторического развития народа в экстремальной обстановке жестокой, бескомпромиссной войны. Вполне закономерным явлением в тех условиях стал коллективный подвиг частей и соединений, заводов и колхозов. Это был ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов рабочих, крестьян, служащих, научно-технической интеллигенции при предельном напряжении духовных и физических сил, часто в условиях неимоверных лишений, голода и холода.

Великая Отечественная война явилась тяжелым испытанием для советского народа. Она привела к огромным человеческим и материальным жертвам. Погибли около 27 млн. человек, в том числе 8 668,4 тыс. военнослужащих. Советский Союз лишился около 20% всех своих богатств, до основания были разрушены 1710 городов и поселков, 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 25 млн. человек остались без крова. Но, несмотря ни на что, многонациональный советский народ, организуемый эффективно действовавшей политической системой, вынес на своих плечах выпавшие на него тяготы и лишения. Победа в войне была достигнута благодаря высокому патриотическому подъему, самоотверженности советских воинов, партизан и подпольщиков, а также трудовому героизму людей, ковавших победу в тылу.

2 Заказ 51300

Анатолий ГРОМАКОВ

ПОБЕДА ВО ИМЯ МИРА

Народ России, все прогрессивное человечество, отмечая шестидесятилетие Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, стремится не только отдать должное героическому прошлому, но и оценить это прошлое с точки зрения сегодняшнего дня, извлечь уроки на будущее. В начале XX века, насыщенном событиями огромного значения, Победа Советского Союза над гитлеровском фашизмом не тускнеет, не теряет своего значения. Она призывает все прогрессивное человечество, весь цивилизованный мир быть бдительным, вести решительную борьбу с проявлением нацизма, расизма и главного врага человечества – терроризмом.
В истории всех государств были войны, которые народы помнят века и чтут воинов, одержавших в них победу. У Российской Федерации и стран, раннее входящих в СССР, есть одна знаменательная дата – 9 мая 1945 года. В этот день закончилась Великая Отечественная война, составная и решающая часть Второй мировой войны, самой жестокой и кровопролитной войны за всю историю человечества.

Война была навязана народам мира, в том числе и Советскому Союзу германским фашизмом, который мечтал поработить все народы. Так ставил задачу руководитель фашистской Германии своим военачальникам 31 июля 1941 года. Гитлер тогда заявил: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована».

Вторая мировая война шла на территории в 22 млн. кв. км, в ней непосредственно участвовало более 60 государств с населением более 80% населения Земного шара, 110 млн. человек были поставлены под ружье. Народы мира понесли громадные людские и материальные потери. Погибли около 60 млн. человек. Это была единственная война в истории человечества, когда потери среди гражданского населения были больше, чем среди военных.

Наша страна была главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме фашистской Германии, а затем и милитаристской Японии.

Победа над фашизмом досталась дорогой ценой. Ни одна из стран, участвовавших во Второй мировой войне, не понесла таких потерь, как Советский Союз. На фронтах, в немецких концлагерях от ран, болезней и голода погибли 27 млн. человек, что составляло примерно 40% всех людских потерь в период Второй мировой войны. В СССР было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, свыше 70 тыс. сел и деревень. Материальный урон исчислялся астрономической суммой – около 13 млрд. руб. Страна потеряла 30% своего национального богатства.

В жестоких сражениях с фашизмом на фронтах и в тылу народы Советского Союза проявляли пламенный патриотизм, несгиба-

ГРОМАКОВ Анатолий Федорович – профессор, полковник в отставке

[1] Ф. Гальдер. «Военный дневник». Т. 2, М., 1969, стр. 80

емую волю к победе, исключительную стойкость и героизм. Необходимо подчеркнуть, что героизм, преданность Родине несли не индивидуальный, а массовый характер.

Наступление германских войск нанесло огромный ущерб экономике страны. На оставленной территории до войны производилось 57% проката черных металлов, выплавлялось 71% чугуна, 56% стали и т. д. Если в предвоенный период военно-промышленная база Германии превосходила военно-промышленный комплекс СССР в 1,5 раза, то к лету 1942 г. ее превосходство выросло до четырехкратного.

За первые шесть месяцев войны на восток было перебазировано 1523 промышленных предприятия, перевезены 1,5 млн. вагонов оборудования и более 10 млн. человек. Советская командная экономика, перестроенная на военный лад, доказала свою эффективность. Из 1 млн. т выплавляемой стали в СССР производили бронетанковой техники в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, в 6,3 раза больше, чем в США, самолетов – в 2,6 раза больше, чем в Германии, в 3,2 раза больше, чем в США и в 1,5 раза больше, чем а Англии.

Это стало одной из главных причин того, что, несмотря на меньший военно-промышленный потенциал, СССР производил важнейших видов боевой техники и вооружения больше других воюющих стран. Например, СССР выпускал в период с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. в среднем ежегодно 24,1 тыс. танков и САУ, Германия (1940–1944 гг.) – 12,8 тыс. танков и броневиков, США (июль 1940–сентябрь1945 гг.) – 23,8 тыс. танков, Англия (сентябрь 1939 – сентябрь 1945 гг.) – 6 тыс. танков. По производству самолетов СССР уступал только США. В Советском Союзе ежегодно в среднем производилось 32,5 тыс. самолетов, в США – 59,3 тыс., в Англии – 21,4 тыс., в Германии – 19,8 тыс.[1].

Успехи в экономической сфере опирались на беспримерный трудовой героизм народа. Люди, в основном пожилые мужчины, женщины и подростки, работали на пределе возможностей, по 12–14 часов, при необходимости – сутками не выходили из цехов. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» реализовался рождением новых форм трудовых починов, соревнований, созданием фронтовых бригад и т. д. под девизом «В труде, как в бою».

Советский Союз самостоятельно, опираясь на собственные экономические ресурсы, отечественное производство, энтузиазм народа, решил проблему материально-технического снабжения Красной армии. Поставки союзников по ленд-лизу составляли незначительную часть по отношению к тому, что производилось внутри страны. За годы войны в СССР было изготовлено почти 490 тыс. артиллерийских орудий, около 137 тыс. самолетов. За эти годы было поставлено из США и Англии 9,6 тыс. орудий, 18,7 тыс. самолетов, 10,8 тыс. танков. По отношению к общему количеству военной техники, полученной нашей армией, поставки союзников составили менее 2% орудий, около 12% самолетов и 10% танков. Кроме вооружения, союзники поставляли для СССР материалы, оборудование для народного хозяйства, продовольствие. За годы войны из США и Англии было поставлено 401,4 тыс. автомашин, 2599 тыс. тонн нефтепродуктов, большое количества зерна, тушенки, консервов и т. д.[2]. Таким образом, помощь союзников, хотя и играла значительную роль для советской экономики, обеспечения Красной армии, но не могла оказать решающего влияния на ход войны. Решающую роль сыграл трудовой подвиг советского народа, который видел в труде во имя победы смысл своей жизни. И он сделал все, чтобы Родина победила.

Таковы факты и это признавали в свое время руководители коалиции. Так, Гарри Гопкинс, личный представитель президента США, говорил в мае 1945 г.: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии».

Президент США Ф. Рузвельт в своем отчете конгрессу о выполнении закона о ленд-лизе 20 мая 1944 г. отмечал: «Хотя поставки американского боевого снаря-

[1] Экономическая история России. Саратов, СГСЭУ, 2004, стр. 370

[2] В. Секистов. Мифы и действительность. М., ВПА, 1972, стр. 18

жения в Советский Союз являются весьма существенными, значительно большая часть снаряжения Красной армии производится на советских заводах»[1].

Огромную роль в разгроме фашистской Германии сыграла дружба народов Советского Союза. В стенах Брестской крепости, в окопах под Москвой, среди развалин Сталинграда, в жестоком сражении под Курском и штурме Берлина были рядом, стояли плечом к плечу представители всех национальностей и народностей многонационального государства. Каждый из них внес свой вклад в Победу. Идеология дружбы народов была сильнее человеконенавистической идеологии фашистской идеи расизма и шовинизма.

Победа над фашистской Германией одержана не только проявлением массового героизма на фронте и в тылу, не только благодаря силе и мощи экономики, но это была и победа Вооруженных сил СССР. Да, были беды и горечь поражений в начальный период войны, отдельные неудачи в последующее время, но это было и овладение военной наукой, которая показала свое превосходство над фашизмом. Разгром фашистов под Москвой, окружение и разгром гитлеровской армии под Сталинградом, Победа Советской армии в величайшей битве под Курском, снятие блокады Ленинграда, освобождение от фашистов Украины, Белоруссии, Прибалтики, затем освобождение от фашистского ига народов Европы и как финал – взятие Берлина, водружение знамени Победы над рейстагом.

Эти величайшие сражения на фронтах Великой Отечественной войны выдвинули военачальников нового поколения, таких, как маршалы Жуков, Рокоссовский, Конев, генералы Ватутин, Черняховский и многие другие.

Известно, что решающую роль советского народа и его армии в разгроме немецко-фашистского вермахта в свое время не раз отмечали руководители стран коалиции. Так, например, Ф. Рузвельт, президент США, отмечал в 1942 г., что «русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятых»[2]. Премьер-министр Англии У. Черчилль писал Председателю Совета Министров СССР 27 сентября 1944 г.: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживают на своем фронте несравненно большую часть сил противника»[3]. Генерал Ш. де Голль, президент Франции, неоднократно подчеркивал в своих выступлениях: «Французы знают, что сделала для них советская Россия, и знают, что именно советская Россия сыграла главную роль в их освобождении»[4].

Однако не только в годы холодной войны, но и сейчас в ряде государств отдельные ученые, военные, журналисты стараются отрицать решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии и ее союзников, закономерный характер побед Советской армии под Москвой, Сталинградом и Курском, которые обеспечили коренной перелом в ходе всей Второй мировой войны в пользу антигитлеровского союза. Они стараются убедить читателя в том, что не Советский Союз, а США являются «главным архитектором» победы, что именно она внесла решающий вклад в разгром фашистской Германии. Так, бригадный генерал Х. Паттисон, начальник исторической службы армии США, в своем предисловии к книге Э. Цимка «От Сталинграда до Берлина. Поражение Германии на Востоке» заявляет, что «нельзя согласиться, как утверждают русские, что Красная армия была главным архитектором победы во Второй мировой войне». Кого же они называют творцом победы, кто, по их мнению, внес решающий вклад в разгром германского фашизма? Ответ на этот вопрос – в ряде американских и германских школьных учебников, где пишется, что вступление США в войну было «гораздо более важным» для перелома войны, что высадка союзников

---

[1] В. Секистов. Мифы и действительность. М., ВПА, 1972, стр. 19

[2] Очерки новой и новейшей истории США. Т. 2, М., изд-во АН СССР, стр. 625

[3] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1, М., «Госполитиздат», 1957, стр. 260

[4] «Красный воин», 25 апреля 1975 г.

в Северную Францию в июне 1944 г. стала событием, «коренным образом изменившим ход войны»[1].

Но факты истории неопровержимы. Ни для кого не секрет, что основные события Второй мировой войны решались на советско-германском фронте. С первых дней войны до начала 1944 г. на советско-германском фронте действовало от 153 до 201 немецко-фашистской дивизий. Против американских и английских войск в это же время на различных фронтах вели бои от 2 до 19,5 немецко-фашистских дивизий.

Открытие второго фронта в Западной Европе внесло, конечно, некоторое изменение в соотношение немецко-фашистских дивизий, действующих на советско-германском и западно-европейских фронтах. Но оно не изменило значение советско-германского фронта как главного во Второй мировой войне. Против Красной армии в июне 1944 г. действовало 181,5 немецких и 58 дивизий сателлитов Германии. Американским и английским войскам в этот период противодействовало 81,5 немецких дивизий. Перед завершающей компанией 1945 г. Красная армия имела против себя 179 немецких и 16 венгерских дивизий, а американо-английские войска – 107 немецких дивизий[2].

Конечно, решающее значение советско-германского фронта определяется не только тем, что здесь в течение всей войны находились основные военные силы немецко-фашистского блока, что здесь шли напряженные, ожесточенные боевые действия на широком фронте. Главное то, что огромные вооруженные силы фашистского блока и прежде всего их основная часть – сухопутные войска были перемолоты в боях и сражениях на Восточном фронте. Советские Вооруженные силы в течение войны разгромили, уничтожили или взяли в плен почти 607 дивизий фашистского блока, а англо-американские войска – лишь около 167 дивизий. Подсчитано, что Гитлер потерял на Востоке 73 из 100 своих солдат и офицеров, 76 из 100 танков, 57 из 100 самолетов. Остальная часть из каждой сотни приходится на долю всех остальных стран антигитлеровской коалиции[3].

Нельзя сбрасывать со счетов и число жертв, принесенных теми или иными государствами ради достижения победы над фашистской Германией, ибо они также подтверждают, где шли жестокие и решительные сражения, где проходил главный фронт Второй мировой войны. Поскольку Гитлер считал СССР главным препятствием на пути к мировому господству, то именно на Восточном фронте он и использовал свои основные силы и проводил здесь политику массового уничтожения советских людей. Наша страна понесла наибольшие потери – 27 млн. человек. Огромные потери понесли Польша (свыше 6 млн.), Югославия (1700 тыс.), а также и другие народы. Относительно небольшие потери были у Англии (375 тыс.) и США (405 тыс.). Поэтому на встрече президентов России и Словакии, в отличие от встречи с президентом США, больше шел разговор о роли советских солдат в освобождении Европы от гитлеровского фашизма. Помнить о важной роли, которую сыграла Россия в победе над фашизмом, от имени Словакии заверил ее премьер-министр Микулаш Дзуринда.

Говоря о решающем вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии, советский народ и его правительство никогда не сбрасывали и не сбрасывают сегодня со счетов того вклада, который внесли американский, английский и другие народы в общее дело для достижения победы над фашизмом. Мы помним и по достоинству оцениваем экономическую помощь наших союзников в трудные дни войны. Мы глубоко чтим героический подвиг солдат, участников движения Сопротивления и партизан стран Европы, которые также внесли свой вклад в разгром фашизма.

И шестидесятилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне еще раз напомнит всем, что только единство взглядов на борьбу с нацизмом, расизмом, терроризмом, объединяющее все прогрессивные народы, может спасти мир от новых жестоких и кровавых потрясений.

---

[1] «Красный воин», 25 апреля 1975 г.

[2] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., «Воениздат», 1965, стр. 557

[3] В. Секистов. Мифы и действительность. М., ВПА, 1972, стр. 25–26

Аркадий ЛАПШИН

«ЭТИ СИЛЫ СЕГОДНЯ ЕСТЬ»

Я не случайно поставил в название статьи суждение главы ЦИК России Александра Вешнякова. Речь в данном случае идет о силах, которые, по его мнению, при определенных условиях, могут в 2007 или в 2008 «выборных» годах попытаться добиться смены власти насильственным способом. И сколько бы кто ни говорил, что Россия исчерпала лимит своих революций, – это все слова. А реальность иная. Приведу мнение человека, которого вряд ли можно заподозрить в некомпетентности: «...основной риск – дестабилизация общественной жизни, возникшая вследствие актов террора и грубых экономических ошибок и проходящая на основе масштабной драки элит». И далее вывод: «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство». Обо всем этом говорит в интервью журналу «Эксперт» не кто иной, как руководитель администрации президента России Дмитрий Медведев.

Публикуя на страницах журнала короткий вариант доклада «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя», подготовленного рабочей группой в составе: Бызов Л. Г., к. э. н., ведущий научный сотрудник ИКСИ РАН; Пахомова Е. И., к. э. н., старший научный сотрудник ИКСИ РАН; Петухов В. В., зав. отделом ИКСИ РАН; Шереги Ф. Э., к. ф. н., директор Центра социального прогнозорования, руководитель проекта – Горшков М. К., д. ф. н., директор ИКСИ РАН, лауреат Государственной премии РФ, при поддержке Национального инвестиционного совета и Представительства Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации, мы преседовали как минимум две цели: во-первых, ознакомить наших читателей с серьезной аналитической работой и во-вторых, пригласить всех желающих принять участие в обсуждении поставленных авторами острейших проблем, стоящих сегодня перед Россией.

И здесь на первое место выходит тема сохранения российской государственности и предотвращения срыва общества в революционный хаос. Фактически это две стороны одной медали. Любая революция в России, под любым флагом не только взорвет хрупкость ее федеративного устройства и обрушит ее целостность, но затронет жизнь каждого из нас. Поэтому пока не поздно надо изучать и наш недавний опыт, и революционные мутации наших ближайших соседей.

Череда глубоких общественных потрясений захлестнула пространство бывшего Советского Союза: Грузия, Украина, Киргизия – везде произошла революционная смена верховной власти. Даже Молдова не избежала серьезного внутреннего катаклизма, который, думаю, не закончился. О последствиях этих процессов говорить пока рано, но перемены, по крайней мере внешние, в этих странах налицо. Очевиден также и факт широкой гражданской активности масс. Нежелание правящих режимов обеспечить конституционную смену власти, нищета подавляющей части граждан, а также родовая тяга правящего класса к коррупции и многие другие причины лежат в основе трансформаций на постсоветском пространстве.

ЛАПШИН
Аркадий Олегович –
шеф-редактор
журнала «Власть»

Кто следующий? Затронет ли Россию сия участь и по ней разгуляется очередная бархатная революция?

Все это не умозрительные вопросы. В конечном счете каждого вменяемого россиянина, смею думать, что таких большинство, волнуют и личная судьба, и ближайшая перспектива родного Отечества. Разорвать две эти ипостаси невозможно. И это более чем нормально. При всей обрушившейся на нас глобализации люди живут в тех или иных формах государственного устройства – это во-первых, а во-вторых – слишком дорого мы заплатили за недавние революционные эксперименты с нами. Важнейший вывод, вытекающий из доклада, содержит положение о том, что наши люди в массе своей не преемлют радикализма, «страна должна меняться только вследствие постепенных эволюционных преобразований». Данную точку зрения поддерживает 59% опрошенных.

Еще одна тема доклада – вожди. Лидеры, наделенные верховной властью в переломные исторические периоды, – всегда объекты последующего пристального изучения. Причем речь здесь идет не столько о человеческих качествах руководителей, сколько о масштабе их фигур как вождей-политиков. Насколько Михаил Горбачев и Борис Ельцин в этом плане соответствовали масштабу проблем? В работе дается интересная трактовка этой вечной темы.

Читая работу, еще раз убеждаешься, что база сильной власти – это прежде всего граждански ориентированная элита, опирающаяся в свою очередь на продуктивно работающий средний класс. Где этого нет в обществе – неизбежно возникают серьезные коллизии. Ну например, сколько лет в России ведется разговор о необходимости государственной поддержки малого и среднего бизнеса? Но он до сих пор задыхается в «дружеских» объятиях чиновника и криминалитета. Если какая-то часть бюрократии или крупного бизнеса блокирует решение этой узловой проблемы, то почему центральная власть проявляет слабость?

Конечно, команде президента Владимира Путина очень сложно преодолеть модель олигархически-бюрократического капитализма этого зияющего наследия Бориса Ельцина. Но сделать это необходимо, ибо этот тип организации жизни людей, общества и государства не отвечает ни реалиям XXI века – «он опасен для окружающих», ни тем более интересам подавляющей части ее граждан. «А наш капитализм на сегодняшний день – дикий и что самое страшное – строить его продолжают по худшим образцам XIX века». Это я процитировал мэра Москвы Юрия Лужкова.

При массовой безработице в регионах, особенно в глубинке, при обезлюдивании деревни ни о каком устойчивом развитии страны не может быть и речи. Скорее наоборот – стихийный рост социальной и региональной дифференциации в доходах будет оставаться основой криминализации общества и коррумпированности чиновничества.

Просчеты с реализацией Закона о монетизации льгот показывают, что у населения накоплен немалый потенциал недовольства. На очереди непопулярные реформы ЖКХ, медицины, образования и культуры. Социалка становится болевой точкой модернизации России. Конечно, ее нельзя не проводить, но недопустимо ее осуществление с удручающими ошибками. Герман Греф говорит, что в стране сейчас нет кризиса идей или стратегий, а налицо «управленческий кризис». Верно, административная реформа буксует, об этом мы писали в предыдущем номере «Власти». Но если налицо этот кризис, то почему правительство, видя кратное умножение числа чиновников, не поправит дело?

Россия – не Киргизия. Слабость центральной власти у нас может обернуться трагедией хаотичного распада ядерной державы. Цивилизованного развода здесь не получится, а геополитические последствия разбегания десятков субъектов Федерации катастрофичны для всех государств.

Уже сейчас многие эксперты и политики с тревогой говорят об окончании срока пребывания Владимира Путина на посту президента. Российское общество за последние два десятилетия стихийно атомизировалось. Отсутствие в нем внятной социальной стратификации затрудняет возникновение современно функционирующей партийной системы. Очевидную слабость идеологической составляющей государства дополняет рыхлость экономической модернизации России.

Бесспорно, Владимиру Путину удалось блокировать самые негативные процессы, доставшиеся ему по наследству. Процесс распада приостановлен, но нужно идти дальше.

К сожалению, пока все экономическое благополучие держится на сырьевой игле. Андрей Илларионов, советник президента по экономике, недавно заявил, что «самая большая опасность для российской власти, для всей политической элиты страны – это искушение большими деньгами, которые получены не в результате нашей эффективной работы, а в результате перераспределения монопольной ренты от стран, являющихся покупателями наших ресурсов, в нашу пользу». Более того, при слабости России она объективно становится важнейшим сырьевым резервуаром человечества. Претензии на ее природные богатства будут только расти.

Без сильной вертикали власти, без сильных регионов, стянутых с центром экономическими интересами и общегосударственными идеологическими ценностями, прогноз для всех нас довольно грустный.

Сразу хотелось бы отбросить обвинения в реанимации имперской парадигмы России. Совершенно очевидно, что авторитет той же Японии держится не на атрибутике старого. Просто народ этой страны смог найти для себя такую модель развития, которая позволяет сочетать традиции и развитие. Причем консервативная сторона жизни органически сочетается с ее инновационной составляющей.

Если России не удастся найти нечто похожее для себя, то мировоззренчески она будет продолжать задыхаться в старых схемах евразийства или революционного либерализма, а в реальности сходить на нет как держава. Мрачновато, но вполне реально.

И последнее. Обращаясь к публикации доклада, мы постарались привлечь внимание читателей не столько к нашему недавнему прошлому, сколько к насущным проблемам. В контексте череды разнообразных революций на постсоветском пространстве, в контексте очевидной пробуксовки ряда важнейших реформ в России и существующего отчуждения между властью и обществом, настроение наших граждан являет собой не просто субъективное нечто.

Как показывает представляемая работа, общественное самопонимание россиян – это реальность нашей жизни, это наконец тот коридор возможностей, который есть у власти. Не все сейчас можно сделать с обществом, даже с таким больным, как российское. Его уже нельзя опустить в «реальный социализм», но это вовсе не означает, что полностью исключена возможность десоциализации или распада российской государственности.

Мы благодарим наших коллег за предоставленную нам возможность опубликовать блестящую аналитическую работу. Полагаю, что и наши читатели прочтут ее с удовольствием. Ждем откликов.

М. ГОРШКОВ, Л. БЫЗОВ, Е. ПАХОМОВА, В. ПЕТУХОВ, Ф. ШЕРЕГИ

ПЕРЕСТРОЙКА: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

В марте 1985 года Генеральным секретарем Центрального Комитета Компартии Советского Союза был избран Михаил Горбачев. Выработанный впоследствии по его инициативе политический курс развития страны получил название перестройки (1985–1991 гг.). За годы перестроечных процессов советское общество сильно изменилось, начались глубокие преобразования во всех сферах жизнедеятельности людей – в политике, экономике, в духовно-идеологической сфере. Новый облик СССР появился и на международной арене. С тех пор прошло 20 лет, а в обществе продолжаются дискуссии о том, нужна ли была стране перестройка и чего больше – хорошего или плохого она принесла нашим согражданам.

В первые постперестроечные годы многие дискуссии, причем даже в экспертной среде носили ярко выраженный эмоциональный характер. По всему чувствовалось – события и процессы недавнего прошлого задевают не только рациональную сферу сознания, но и продолжают оставаться предметом глубоких сопереживаний. Наряду с объективными и справедливыми оценками результатов и последствий перестройки в массовый оборот входило немало искажений, домыслов, мифов, которые усиливались по мере нарастания трудностей, навалившихся на россиян в ходе начавшихся в стране с 1992 г. ельцинских реформ.

ГОРШКОВ М. К. – д. ф. н., директор ИКСИ РАН, лауреат Государственной премии РФ, руководитель проекта

БЫЗОВ Л. Г. – к. э. н., ведущий научный сотрудник ИКСИ РАН

ПАХОМОВА Е. И. – к. э. н., старший научный сотрудник ИКСИ РАН

ПЕТУХОВ В. В. – зав. отделом ИКСИ РАН

ШЕРЕГИ Ф. Э. – к. ф. н., директор Центра социального прогнозорования

Периодически в силу новых актуальных событий и острых противоречий осуществления реформ 90-х годов проблематика перестройки уходила на периферию общественного сознания. Однако всякий раз она возвращалась в эпицентр общественного внимания, как только страна сталкивалась с неординарными событиями, обострением политической борьбы, новыми этапами реформ. Вот и нынешнее двадцатилетие перестройки и в силу своей исторической даты, и в силу ее совпадения с началом в обществе кардинальных реформ в социальной сфере, безусловно, вновь обнажит коренные вопросы перестроечного времени.

Можно заметить, что все предыдущие, актуализированные разными причинами дискуссии о плюсах и минусах периода перестройки носили в основном экспертный характер, ограничивались узким кругом специалистов – политологов, экономистов, философов, международников. Вряд ли это правильно. Всякий раз знакомясь с материалами обсуждения перестроечной проблематики в кругу политических и научных корифеев, возникало ощущение, что им явно не хватает очень существенного звена, а именно – мнения широких слоев населения. Вот почему, понимая, что двадцатилетний рубеж перестройки вновь поднимет в обществе волну интереса к этому историческому периоду, к осмыслению его результатов и последствий, определению его роли и значимости для последующего развития страны, ученые ИКСИ РАН решили восполнить возникший пробел и осуществить первое общероссийское социологическое исследование общественного мнения, программа которого была бы всецело

подчинена главной цели – выяснению позиции современного российского общества по ключевым аспектам перестроечного периода[1].

Общероссийское исследование, получившее название «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя», было проведено ИКСИ РАН в январе-феврале 2005 г. В ходе исследования использовалась репрезентативная выборка, которая охватила 1750 респондентов, проживающих в 11 территориально-экономических районах страны.

Опрос проводился в 58 поселениях различного типа, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел. По квотной выборке опрашивались представители 11 социальных групп населения.

Конечно, обращаясь к такой теме, как перестройка, невольно возникает вопрос: а насколько правомерно при оценке исторической значимости столь противоречивого периода отечественной истории, при осмыслении и определении его истинных достижений и неудач, степени влияния на последующее развитие страны апеллировать к общественному мнению, а значит, к массовому по сути своей житейскому обыденному сознанию?

В принципе данный вопрос для социологов (и не только для них) имеет традиционный характер и связан с пониманием границ компетентности общественного мнения. Некоторые радикально настроенные оппоненты отказывают ему в праве судить о том, о чем, по их разумению, оно обладает малой осведомленностью. Что же касается позиции авторской группы настоящего доклада, то она такова: общественное мнение как широко распространенное массовое оценочное суждение (скрывающее в себе ценностное отношение) может складываться по любым вопросам, которые, во-первых, затрагивают интересы широких слоев населения, а во-вторых, отличаются дискуссионным характером.

Очевидно, что в случае с перестройкой как объектом общественного мнения налицо и первое, и второе. Тот факт, что состояние общественного мнения по какой-либо проблеме может быть не совсем адекватным (а иногда полностью неадекватным) объективному положению вещей, вовсе не мешает его существованию как субъективной реальности общественной жизни. Но в том-то все и дело, что, будучи по своей природе субъективным образованием, по степени своего влияния на сознание и поведение людей, по силе своего воздействия на сферу мотивации принятия моделей практических действий значительных социальных групп, общественное мнение выступает уже как побудительный фактор, как явление объективного порядка. Оно же выступает и социально-психологическим механизмом преемственности исторического знания, опыта и традиций поколений. Конечно же, не считаться с этим нельзя.

РОССИЯНЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Как известно, к середине 80-х годов Советский Союз подошел к ситуации экономического, социального, духовно-нравственного и политического кризиса. Престиж власти падал, недовольство режимом охватывало все новые слои населения и советской элиты. Именно поэтому перестройка, начавшаяся в СССР двадцать лет назад, была воспринята значительной частью советского общества как долгожданное событие, как возможность реализации надежд поколений, еще помнивших «оттепель» 50–60-х годов, сменившуюся к концу 70-х годов так называемым застоем. И сегодня, судя по результатам настоящего исследования, почти половина россиян отдают себе отчет в том, что к моменту прихода М. Горбачева к власти Советский Союз уже не мог дальше существовать без масштабных и глубоких реформ. В том, что перестройка была жизненно необходима, что ее нужно было начинать, в настоящее время убеждены 46% наших сограждан. В свою очередь точку зрения о том, что перестройку не следовало начинать, поддерживают 35%. Примечательно, что за

[1] Использование рядом социологических центров в 90-е годы в своих исследованиях нескольких вопросов, относящихся к проблематике перестройки, давало интересные результаты, но не могло покрыть всю нишу тематической направленности «общество и перестройка». В целях сопоставительного анализа в проведенном исследовании и в тексте настоящего доклада приводятся результаты именно таких опросов, которые ранее применялись Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ, 1992 г.) и Фондом общественного мнения (ФОМ, 1995 г.)

последние 10 лет, если сравнивать результаты настоящего исследования с данными опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ) 1995 года, выросло число тех, кто уверен в том, что перестройка была необходима (с 40 до 46%), и заметно сократилась (с 45 до 35%) доля россиян, уверенных в обратном.

Обращает на себя внимание не только тот факт, что общий знак отношения российских граждан к необходимости перестройки поменялся с «минуса» на «плюс», но и то, что поколение россиян, которое выросло и социализировалось уже в постгорбачевскую эпоху, оценивает перестройку существенно более позитивно, чем поколение их отцов и дедов. Чем моложе респонденты, тем меньше среди них тех, кто считает, что начинать перестройку было ошибкой. Среди нынешних 25-летних так полагают лишь менее пятой части опрошенных. В конечном счете перестройка, как любые крупномасштабные изменения общества, оказалась в наибольшей степени востребована молодыми, образованными и активными группами населения. Новые поколения воспринимают перестройку как прогрессивный шаг в развитии общества и не видят ей существенной альтернативы.

Среди факторов, определяющих недовольство людей тогдашней действительностью и обусловивших массовую потребность в переменах, выделяются низкий уровень жизни большинства людей, дефицит товаров и услуг. Именно на это обстоятельство указали 52% опрошенных. Немалое число россиян (37%) отметили также кризис управленческой элиты, сосредоточение власти в руках престарелых людей, не способных решать насущные проблемы страны. В качестве значимых мотивов отмечаются и система благ и привилегий для номенклатуры, не доступных большинству населения (30%); глубокий экономический кризис (31%), экономическое отставание России от Запада (29%). Наконец, по мнению 28% россиян, необходимость перестройки была обусловлена дефицитом демократии в стране, монополией одной партии, а еще меньшая доля населения (18%) объясняет это необходимостью развития политических прав и свобод граждан.

Следует подчеркнуть, что низкий уровень жизни большинства населения в качестве основной причины, по которой требовались перемены, назвали не менее половины опрошенных во всех возрастных группах. При этом молодежь среди других причин чаще акцентирует внимание на экономическом отставании страны от Запада, а среднее и старшее поколения – на кризисе управленческой элиты, на системе благ и привилегий номенклатуры, недоступных большинству населения.

Широкая апелляция людей к жизненно важным обстоятельствам, определившим необходимость перестройки, безусловно, играет свою роль в том, что общество в целом позитивно воспринимает перестройку. Важно, однако, учитывать и то, что само общество уже к середине 80-х годов сильно изменилось. Ведь низкий уровень жизни, дефицит потребительских благ был свойственен большей части советского периода истории России, а в 30-е и 40-е годы был даже массовый голод, что на популярности советского режима в массовом сознании практически не сказалось. Советский строй оценивался тогда по иным критериям. К концу же 70-х – началу 80-х годов не только идея коммунизма, но и идея «общего блага», жертвенности ныне живущих ради счастья будущих поколений оказались в значительной степени деактулизированы, а в качестве «живого идеала» все в большей степени воспринималось современное западное потребительское общество. И вполне естественно, что массовое стремление к удовлетворению возросших и вполне естественных потребностей явилось движущей силой общественной поддержки перемен.

Другим важным побудительным мотивом массовой поддержки М. Горбачева стали антиноменклатурные умонастроения в обществе. На фоне медленного, но неуклонного снижения уровня жизни большинства населения крайнее раздражение стали вызывать блага и привилегии, которыми пользовалась советская и партийная номенклатура. Во многом это определило сначала популярность андроповских попыток реформ, а в дальнейшем действий М. Горбачева по омоложению и ротации партийно-государственных кадров, включая верхушку страны, за которыми общество видело или хотело видеть антиноменклатурную направленность.

Отсюда – колоссальный общественный подъем и формирующийся «снизу» перестроечный консенсус. Хотя считать, что все население Советского Союза с воодушевлением восприняло идеи перестройки и первые шаги руководства КПСС по ее осуществлению, было бы неправильно. Как показал опрос, при ретроспективной оценке отношение граждан СССР к перестройке на ее начальном этапе (1985–1988 гг.) в целом было позитивным более чем у половины населения (54%), а негативным – почти у трети (30%).

После 1988 г. перестроечный консенсус стал стремительно разрушаться. Число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза – до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла (до 28%), тем не менее, большинство населения (63%) оценивают свое отношение к ней как негативное.

Следует, конечно, иметь в виду, что в настоящее время, когда респонденты пытаются вспомнить и оценить события середины и конца 80-х годов, происходит естественная аберрация сознания. Отчасти это связано с мифологизацией событий и процессов тех лет (кто-то помнит энтузиазм и небывалый общественный подъем тех лет, а кто-то пустые прилавки и острые межнациональные конфликты), отчасти с тем, что отношение к перестройке воспринимается многими как «старт» последующих разрушительных реформ 90-х годов Б. Ельцина и его команды. В этом смысле одна из главных тенденций, определяющих сегодня негативную общественную печать на перестройке, безусловно, состоит в наличии глубоких кризисных явлений в российском обществе и медленном и противоречивом преодолении насущных социально-экономических проблем.

ВАРИАНТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

К концу 80-х годов по мере практической реализации идей перестройки среди элит и основной массы населения стали возникать разногласия. Становилось все более очевидным, что советское общество гораздо неоднороднее и социально, и идеологически, чем считалось прежде. Помимо идеологии перестройки, предложенной ее «архитекторами», обществу стали презентовать иные варианты экономических, политических и социальных реформ.

Оценивая перестройку «задним числом», в качестве основных альтернатив, стоящих в тот период перед властью и обществом, можно выделить следующие:

- сохранить социалистический строй в «обновленном виде», построить «демократический социализм с человеческим лицом», что, собственно, и составляло генеральную линию перестройки, сформулированную еще в апреле 1985 г.;
- ускоренно продвигаться к демократии и рынку западного типа, отбросив социалистическую идеологию;
- решительно развивать рыночные отношения, но не торопиться с введением политической демократии (то, что с известной долей условности получило название «китайского варианта»).

Данные о том, как россияне оценили эти варианты перестройки в 1995 и 2005 гг., приводятся в *таблице 1*.

Таблица 1

Как надо было проводить перестройку? (в %)

Перестройку надо было проводить...	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.
Не разрушая социалистического строя	27,0	33,0
Более решительно, ускоренно продвигаясь к демократии и рынку западного типа	12,0	12,0
Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не торопясь с введением демократии	18,0	19,0
Так, как она (перестройка) и проводилась	2,0	3,0
Перестройку вообще не следовало проводить	27,0	20,0
Затруднились ответить	14,0	13,0

Наибольшую поддержку, как и 10 лет назад, получила точка зрения о том, что перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей, определенных как обновление и демократизация социализма. Причем доля тех, кто так считает, за последнее десятилетие возросла с 27 до 33%. И это несмотря на то, что число «советских фундаменталистов» продолжает падать, равно как и число сторонников нынешней КПРФ.

Приведенные данные, характеризующие альтернативные варианты перестройки, можно сгруппировать в две основные позиции. Суммарная доля тех, кто считает, что перестройку следовало проводить, не разрушая социалистического строя, и тех, кто считает, что перестройку вообще не следовало начинать, – это, условно говоря, сторонники социализма в «горбачевском» и в «брежневском» вариантах – составляет 54%. Объединив же второй и третий варианты – «демократов-западников» и «либералов-авторитаристов», то есть тех, кто сегодня является сторонником несоциалистического пути развития страны, мы получим цифру 30%. Другими словами, доли сторонников перестройки советского общества на социалистических и несоциалистических началах соотносятся сегодня в России как 1,8:1,0.

Весьма любопытная картина выявляется при сопоставлении взглядов сторонников перестройки и ее противников на то, какой вариант ее осуществления им представлялся наиболее целесообразным. Отношение к этим вариантам у сторонников и противников перестройки заметно различается. Противники консолидированы в своей позиции, полагая, что наилучшим вариантом было бы вообще ничего не затевать (50%), а уж если проводить перестройку, то в рамках существующей системы (35%). Мнение «сторонников» перестройки, напротив, оказалось расколотым: 32% предпочли бы модернизацию существующего строя, 30% отдали бы предпочтение переходу к капитализму под патронатом государства и еще 19% высказались за чисто либеральные реформы. Таким образом, даже сегодня среди сторонников перестройки нет единодушия относительно путей ее реализации, а что уж говорить о ситуации 20-летней давности, когда эти вопросы носили судьбоносный характер и определяли будущее страны.

При этом следует учитывать, что, выступая за сохранение социалистического строя, значительное число россиян имеют в виду социализм, принципиально отличный от «советско-брежневского». Как показывают исследования – это некая идеальная конструкция, которая сочетает в себе положительные стороны капитализма и социализма. То, что она была и остается востребованной значительным числом россиян сегодня, подтверждается многими исследованиями ИКСИ РАН и других социологических центров.

Однако ситуация в конце 80-х годов развивалась таким образом, что возможности для реализации, условно говоря, социал-демократического проекта в Советском Союзе практически не было. М. Горбачев и его окружение оказались фактически зажатыми между радикальными политическими силами – с одной стороны, ортодоксально-коммунистической направленности, с другой – ортодоксально-либеральной.

Отражением данной ситуации является мнение россиян относительно того, кто и с какой стороны оказывал на М. Горбачева наибольшее давление. По мнению почти 40% опрошенных, давление как со стороны радикальных демократов, так и со стороны консервативной части КПСС было примерно одинаковой силы. При этом идейная база перестройки и ее авторов, предложивших в конце 80-х годов новый идеологический проект «центризма», стала стремительно сокращаться. Особенно с того момента, когда «демократическое» движение обрело нового лидера – Б. Ельцина.

Проецируя отношение ко второму этапу перестройки на сегодняшние политические симпатии, мы видим, что после 1988 г. от поддержки перестройки отошли средние слои советского общества (примерный аналог сторонников сегодняшней «Единой России»); советские почвенники-националисты, в настоящее время поддерживающие скорее ЛДПР и «Родину». Кроме того, доля «перестроечников» резко сократилась среди традиционалистского электората КПРФ *(см. табл. 2).* Наиболее выраженная социальная база перестройки к настоящему вре-

Таблица 2

Доля сторонников перестройки в социальных и политических группах россиян (в %)

Политически ориентированные группы россиян	Доля сторонников перестройки	
	В начале перестройки (1985-1988 гг.)	В конце перестройки (1989-1991 гг.)
Сторонники политических партий		
«Единая Россия»	46,0	28,0
КПРФ	35,0	8,0
ЛДПР	39,0	26,0
«Родина»	65,0	21,0
Союз правых сил	63,0	46,0
«Яблоко»	67,0	46,0

мени осталась только в составе нынешних сторонников либеральных партий – СПС и «Яблока».

В конечном счете, как известно, победила точка зрения о необходимости форсированного развития в России капиталистических отношений. То, что ни тогда, ни сейчас она не имела и не имеет преобладающего числа приверженцев, обусловило в значительной степени провал либеральных реформ 90-х годов. Были ли какие-то иные сценарии развития процессов и событий второй половины 80-х годов и как в случае своей реализации они сказались бы на жизни страны – это уже вопрос в значительной степени риторический, предмет для дискуссий историков.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ: ГРЯДЕТ ЛИ ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ?

Отношение россиян к перестройке во многом связано с тем, как они оценивают наиболее значимые события и процессы того времени, которые произошли во внутренней и внешней политике и оказали влияние на дальнейшее развитие страны и мира. Именно поэтому в ходе проведенного исследования респондентам было предложено не только оценить общее отношение к перестройке, но и выразить свое отношение к ключевым событиям 1985–1991 гг. Первое, что обращает на себя внимание, – большинство событий и процессов, характеризующих период перестройки, россияне оценивают в целом положительно. Из 26 включенных в перечень важных событий лишь 9 получили преимущественно отрицательные оценки.

Среди позитивно воспринимаемых в массовом сознании россиян событий и процессов перестроечного периода прежде всего выделяются внешнеполитические инициативы тогдашнего руководства СССР, а также то, что страна открылась миру. Так, безусловно, положительно оценивается вывод советских войск из Афганистана (91%), прекращение холодной войны, гонки вооружений, противостояния СССР и Запада (88%), нормализация отношений с Китаем (76%), а также падение «берлинской стены» и объединение Германии (61%).

Среди внутриполитических событий выделяется все то, что связано с процессом демократизации советского общества. От 60% до 85% россиян положительно оценили реабилитацию жертв сталинских репрессий, возвращение из ссылки А. Сахарова, расширение возможностей выезда советских граждан за границу и въезда иностранцев, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов в Советы народных депутатов, разрешение митингов и демонстраций.

Также в целом положительно (хотя и не столь единодушно) оцениваются экономические новации первых лет перестройки – появление кооперативов, первые шаги на пути законодательного признания частной собственности, расширение хозяйственной самостоятель-

ности предприятий и выборы трудовыми коллективами своих руководителей.

Интересная картина возникает при сопоставлении данных настоящего исследования с результатами исследования Фонда общественного мнения (ФОМ) десятилетней давности[1]. Как показали опросы ФОМ 1995 г. и ИКСИ РАН 2005 г., по целому ряду позиций, прежде всего относящихся к преодолению наследия холодной войны и процессу демократизации в СССР, мнения россиян за 10 лет практически не изменились, а ряд событий перестройки нынешнее поколение россиян оценивает более позитивно, чем 10 лет назад. Так, выросла положительная оценка обретения гражданами права на свободное волеизъявление, включая право на участие в митингах и демонстрациях (с 46 до 60%). Заметно позитивнее сегодня россияне относятся и к введению должности президента СССР (33 и 58%). Также выросло число отмечающих положительную роль кооперативов (с 44 до 61%).

В то же время, по некоторым же позициям, наоборот, доля позитивных оценок россиян сократилась. Например, существенно снизилась поддержка расширения хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках социалистической экономики (с 70 до 55%) и выборности трудовыми коллективами руководителей предприятий (с 73 до 53%). При этом отрицательные оценки подобных нововведений увеличились практически вдвое – с 9 до 18% и с 12 до 22% соответственно.

Заметим также, что с 67 до 60% сократилось число позитивно оценивающих предоставление странам Восточной Европы экономической и политической самостоятельности. Наконец заметно померкло в глазах российского общественного мнения возвращение из ссылки А. Сахарова – с 82 до 68%. В то же время доля тех, кто отрицательно оценивает это событие, практически не изменилась (2 и 4% соответственно). При этом практически в два раза (с 15 до 28%) увеличилась доля тех, кто затрудняется определить свое отношение к данному событию *(см. табл. 3).*

Вторая группа событий включает в себя те, по которым в обществе нет однозначных оценок. Притом, что они оцениваются скорее со знаком «плюс», но число позитивных оценок не достигает 50%. Это прежде всего события вокруг КПСС – появление наряду с ней других политических партий и движений, зарождение многопартийности, отмена статьи Конституции о руководящей роли КПСС. Также неоднозначно оценивается кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что по целому ряду позиций число затруднившихся с ответом и не помнящих то или иное неоднозначно оцениваемое событие превышает число определившихся в ту или иную сторону. Речь идет прежде всего о работе и решениях I съезда народных депутатов, за работой которого в свое время неотрывно следила вся страна и о котором сегодня не помнят 68% опрошенных. О введении должности президента союзной республики (52%), обнародовании секретных протоколов пакта Молотова-Риббентропа (44%), вокруг которых также в свое время было много шума в Советском Союзе и за рубежом. Наконец речь идет об образовании общества «Память» – главной «страшилки» позднеперестроечной поры (41%).

В отношении россиян к событиям с неоднозначной оценкой и к некоторым другим проявляется общая закономерность: в массовом сознании достаточно четко фиксируется оценка процессов и явлений, имевшим долгосрочный характер, продолжающих оставаться актуальными и в настоящее время, но начинают забываться те из них, которые хотя и имели в 80-е годы большой общественный резонанс, сегодня воспринимаются уже как исторический эпизод.

Есть, однако, и обратные примеры, в частности, кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, начатая по инициативе М. Горбачева. Хорошо помнится критическое отношение к ней большинства населения во время перестройки. Еще 10 лет назад – в 1995 г. ее положительно оценили 26% опрошенных, тогда как отрицательно – 60%. Сегодня же 46% россиян оценивают ее со знаком «плюс» и 37% – со знаком «минус». Учитывая, что проблема наркомании и алкоголизма входит в число основных проблем, беспокоящих сегодня россиян,

[1] Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И. Между авторитаризмом и демократией. Политическая социология переходного периода. // Политические исследования, 1995, № 2, стр. 57–69

Таблица 3

Динамика оценок россиянами наиболее значимых событий и явлений периода перестройки (в %)

	Положительная роль		Отрицательная роль		Затруднились ответить/ не помнят	
	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.
Вывод советских войск из Афганистана	95,0	91,0	2,0	3,0	3,0	6,0
Прекращение холодной войны, гонки вооружений, противостояния СССР и Запада	86,0	88,0	4,0	4,0	10,0	8,0
Полная реабилитация жертв сталинских репрессий	83,0	85,0	5,0	5,0	12,0	10,0
Снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц государства	71,0	70,0	14,0	11,0	15,0	19,0
Возвращение из ссылки А. Сахарова, освобождение политических заключенных	82,0	68,0	2,0	4,0	16,0	28,0
Расширение гласности и свободы слова, ликвидация цензуры	67,0	66,0	19,0	18,0	14,0	16,0
Демократизация выборов в советы депутатов, возможность выдвижения нескольких кандидатур	67,0	66,0	9,0	12,0	24,0	22,0
Прекращение глушения западных радиостанций («Голос Америки», би-би-си, «Свобода» и др.)	63,0	61,0	13,0	16,0	24,0	23,0
Появление кооперативов	44,0	61,0	39,0	20,0	17,0	19,0
Разрешение митингов и забастовок	46,0	60,0	34,0	21,0	20,0	19,0
Предоставление странам Восточной Европы возможности самим выбирать путь политического и экономического развития	67,0	60,0	7,0	14,0	26,0	26,0
Первые шаги на пути законодательного признания частной собственности	58,0	58,0	14,0	20,0	28,0	22,0
Введение должности президента СССР	33,0	58,0	32,0	13,0	35,0	29,0
Усиление влияния Церкви на общественную жизнь страны	55,0	55,0	15,0	17,0	30,0	28,0
Расширение хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках социалистической экономики	70,0	55,0	9,0	18,0	21,0	27,0
Выборы трудовыми коллективами руководителей предприятий	73,0	53,0	12,0	22,0	15,0	25,0

можно сделать предположение: доведись эту кампанию проводить сегодня, возможно, она встретила бы совсем другое отношение.

Что же касается третьей группы событий, по отношению к которым преобладают отрицательные оценки, то к ним россияне относят прежде всего использование армии в борьбе со сторонниками государственной независимости в бывших советских республиках (63%), снятие запрета на проникновение в страну западной массовой культуры – фильмов, рок-музыки, эротических изданий и т. д. (51%), избрание Б. Ельцина президентом России (51%).

В целом неоднозначно оцениваются события, разворачивавшиеся внутри КПСС. Если отношение к отмене 6-й статьи Конституции и формированию многопартийности в целом, как уже отмечалось, у нынешнего поколения россиян вызывает скорее положительное отношение, то раскол КПСС, действия главного внутри КПСС «бунтовщика» Б. Ельцина, а также открытая критика идей

Маркса, Энгельса и Ленина оцениваются неоднозначно, но преимущественно со знаком «минус».

Явно не одобряют россияне некоторые экономические новации того времени, прежде всего конверсию военной промышленности, появление коммерческих банков и усиление экономической самостоятельности союзных республик. Причем к этим и другим явлениям, оценивающимся скорее со знаком «минус», отношение за последние 10 лет практически не изменилось либо изменилось в еще худшую сторону.

Исследование показало, что если по отношению к позитивно оцениваемым событиям в оценках представителей различных социально-демографических групп нет значимых различий, то в отношении отрицательно оцениваемых событий имеется существенная дифференциация, прежде всего со стороны различных возрастных групп. Это касается в первую очередь оценок экономических и социокультурных событий и явлений. Так, молодежь и отчасти средние возрастные группы появление коммерческих банков оценивают со знаком плюс, тогда как среди старших возрастных групп преобладают отрицательные оценки.

Еще более существенная дифференциация в оценках представителей различных возрастных групп наблюдается по отношению к такой позиции, как снятие запрета на западные фильмы, рок-музыку, эротические издания и т. д. Если среди молодежи более половины позитивно оценивают эти процессы (в группе до 25 лет – 66%, в группе 26–30 лет – 55%), то в старших возрастных группах доминируют отрицательные оценки (от 56% – среди 41–50-летних, до 73% – среди 60-летних и старше.

Что же касается оценок политических событий, то здесь респонденты молодежных групп демонстрируют более отстраненное и равнодушное отношение, зачастую затрудняются определить свою позицию. Наиболее показательны оценки молодежи такого «отрицательного», по мнению большинства россиян, события, как избрание Б. Ельцина президентом России в 1991 г. Среди респондентов в возрасте 18–25 лет и 26–30 лет почти половина (46 и 43% соответственно) затруднились определить свое отношение к этому событию (что, впрочем, вполне естественно, учитывая, что в момент избрания Б. Ельцина президентом России представителям этих возрастных когорт было от 4 до 16 лет), тогда как в более старших возрастных группах доминируют отрицательные оценки.

В целом можно констатировать, что по отношению к наиболее важным конкретным действиям руководства страны в 1985–1991 гг. среди населения преобладают скорее положительные оценки. При этом многие из этих решений и действий в свое время давались с большим трудом, вызывая неоднозначную реакцию, а в ряде случаев и яростное сопротивление со стороны разных групп населения и элит. Что-то воспринималось с ликованием, что-то в штыки. Сегодня же происходит определенная фильтрация событий с точки зрения их исторической значимости и последствий – что-то перестает восприниматься как значимое, что-то общество или во всяком случае его значительная часть, забывает или хочет забыть. В частности, некоторые свои иллюзии и увлечения, например, Б. Ельциным, которые сегодня трактуются как явления и процессы, вызвавшие последующую экономическую и политическую дестабилизацию. Но основной пласт событий, связанных с поворотом страны к ценностям свободного общества, по всей видимости, останется в массовом историческом сознании надолго.

РОССИЯНЕ О ДОСТИЖЕНИЯХ И НЕУДАЧАХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Дискуссии о плюсах и минусах перестройки продолжались все последние годы. При этом высказывались самые разные мнения, часто эмоционально окрашенные. В настоящее время, похоже, общество подходит к тому этапу, когда все происходившее 20 лет назад начинает осмысливаться с рациональных позиций, хотя и сейчас многие россияне не могут без чувственно-эмоциональной окраски относиться к событиям и процессам второй половины 80-х годов.

Наиболее рельефно противоречивость отношения наших сограждан к перестройке проявилась в оценках ее достижений и неудач. Когда речь идет о достижениях, признаваемых значительной частью общества, то на первый план выходят не реформы политиче-

3 Заказ 5130

ской и экономической системы или международные аспекты, связанные с окончанием холодной войны, а обретение прав и свобод, которых люди были лишены в предшествующий период, либо тех прав, которые были существенно ограничены. Это прежде всего свобода передвижения, включая свободный выезд за рубеж, свобода слова и мысли, свобода совести и религиозных объединений, свобода предпринимательства *(см. табл. 4)*.

Некоторые достижения по-разному воспринимаются представителями различных поколений россиян. Например, молодежь и люди среднего возраста чаще, чем представители старших возрастных групп, обращают внимание на такие достижения, как свобода выезда за рубеж, свобода слова и мысли. В свою очередь респонденты среднего и старшего возраста чаще, чем молодежь, делают акцент на усилении роли Церкви в обществе.

Небезынтересно заметить, что те россияне, которые считают себя выигравшими от проводимых с 1992 г. реформ, прежде всего выделяют в качестве главных достижений перестройки свободу мысли и слова, свободный выезд за рубеж, развитие частной собственности и возможность больше зарабатывать. А вот для сегодняшних предпринимателей политические права и свободы оказались не так важны. Большее значение они придают тому, что перестройка дала импульс развитию предпринимательской деятельности и частной собственности. В свою очередь гуманитарная интеллигенция и студенты делают акцент на развитии политических прав и свобод, хотя и не забывают (особенно студенты) о частной собственности.

Россияне отчетливо осознают ту высокую цену, которую общество заплатило за обретенные свободы. Если отсутствие каких-либо достижений перестройки отметили 18% россиян, то в отсутствии потерь уверены лишь 2%. В качестве важнейших негативных факторов, сопутствовавших перестройке, отмечаются утрата стабильности (57%), падение морали (56%), утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне (50%), ослабление порядка в стране (44%), нарастание межнациональных конфликтов (33%).

Причем россияне, пережившие перестройку (те, кто ближе к 40 годам и стар-

Таблица 4

Что, с вашей точки зрения, можно считать главными достижениями перестройки?

Достижения перестройки	%
Свободный выезд за рубеж	39,0
Свобода слова и мысли	38,0
Прекращение гонений за веру, усиление роли Церкви в обществе	35,0
Возможность заниматься предпринимательской деятельностью	34,0
Развитие частной собственности	33,0
Возможность больше зарабатывать	28,0
Окончание холодной войны и избавление от угрозы ядерной катастрофы	21,0
Начало сближения образа жизни советских людей с образом жизни развитых стран	17,0
Начало многопартийности, выборности органов власти	16,0
Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	15,0
Отказ от дорогостоящих военно-технических программ	8,0
Рост авторитета страны на международной арене	8,0
Национальное возрождение народов страны	6,0
Другое	1,0
Не видят никаких достижений	18,0
Затруднились ответить	3,0

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до 5 ответов

ше), воспринимают основные потери, которые она за собой повлекла, более остро, чем молодежь. Особенно это касается падения морали, которое в качестве негативного результата перестройки выделяют 53% россиян 31–40 лет, 61–65% старше 41 года при 34–39% среди молодежи.

Обращает на себя внимание, что среди россиян очень мало тех, кто к потерям перестройки относит «ослабление и разрушение КПСС» (8%). Это выглядит явным диссонансом на фоне негативного отношения значительного числа респондентов ко всему тому, что в свое время раскалывало, фрагментировало КПСС – появление различных течений внутри партии, открытая критика в СМИ идей Маркса, Энгельса, Ленина, «антипартийные» выступления Б. Ельцина. В действительности, однако, никакого противоречия в этом нет. Россияне никогда не выступали за сохранение монополии КПСС на власть. Идея отмены статьи 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС, переход к многопартийной системе в конце 80-х годов имели очень много сторонников. И сегодня эти решения положительно оцениваются большинством россиян. Негативное же отношение и тогда, и сегодня вызывает отнюдь не демократизация государства и партии, а утрата КПСС, в том числе и по причине внутрипартийных распрей управляемости страной.

Опрос также показал, что у россиян сформировалось отчетливо выраженное мнение – КПСС в том виде, в каком она существовала в конце 80-х годов, уже ни при каких обстоятельствах не смогла бы стать мощной, интеллектуальной и политической силой. Эту точку зрения разделяют 57% опрошенных, в то время как 38%, то есть существенно меньше согласны с тем, что КПСС могла бы идейно и организационно обновиться и стать авангардом перестройки. Оценки роли КПСС респондентами разных возрастных групп практически не различаются. Даже в старшей возрастной группе исследование фиксирует скорее раскол в оценках, чем твердое убеждение в том, что КПСС смогла бы возглавить ход перестройки. Столь единодушное мнение во многом обусловлено тем, что некогда мощная партия, в условиях нарастающего политического и экономического кризиса раздираемая распрями, сама стала восприниматься как угроза стабильности и порядка. Соответственно сожалеть об исчезновении КПСС, тем более считать это «потерей перестройки» большинство нынешних россиян, судя по результатам данного исследования, не намерено.

Совершенно очевидно, что утрата социальной защищенности, уверенности в завтрашнем дне, выделенная россиянами в числе ведущих потерь перестройки, – это то, что беспокоит россиян и сегодня. Именно поэтому в обществе сохраняется не только неоднозначное отношение к перестройке, но и ощущение ее незавершенности. Ведь, как теперь очевидно, не удалась не только перестройка в том виде, как она задумывалась, но и последующие реформы периода Б. Ельцина. Все с большими сложностями сталкивается и ныне действующий президент страны. Отсюда – перестройка в массовом сознании все больше воспринимается как некое переходное состояние от «застойного благополучия» при Л. Брежневе к «рыночному неблагополучию» при Б. Ельцине.

Можно сказать, что это яркое проявление уже постперестроечной мифологии, когда стали романтизироваться времена Л. Брежнева и россияне словно забыли, зачем и почему начиналась перестройка. Аналогично образ «позднего» Б. Ельцина, сформировавшийся в середине 90-х годов, полностью вытеснил из народного сознания романтически-демократический подъем 1991 года. Люди искренне не помнят или не хотят помнить, что же именно тогда происходило. И столь же искренне считают, что после «хорошего» Брежнева чуть ли не сразу пришли «плохие» Ельцин с Гайдаром и «все развалили». Примечательно, что из числа негативных факторов перестройки в массовом сознании выпали экономические обстоятельства (дефицит продуктов, товаров и др.), связанные с острым экономическим кризисом 1990–1991 гг. Это объясняется тем, что данный период оказался вытеснен в общественных умонастроениях последующими событиями – «шоковой терапией» образца 1992 г., ваучерной приватизацией, дефолтом образца 1998 г. и тому подобными явлениями. Складывается впечатление, что многие события позднего периода пере-

стройки оказались для широких слоев населения как бы забытыми.

Кульминационный момент завершающего этапа перестройки – это, безусловно, события августа 1991 г. Сегодня, вспоминая три августовских дня 1991 г., россияне, можно сказать, стесняются своих тогдашних эмоций, предпочитая либо не вспоминать события тех дней, либо, вспоминая, исходить из уже сегодняшних оценок и восприятий. Так, окажись они сегодня в августе 1991 г., большинство заняли бы нейтральную позицию (45%), 9% встали бы на сторону Б. Ельцина. А симпатии между ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) и М. Горбачевым оказались бы поделенными поровну – по 13%. Среди населения сегодня нет единого мнения относительно того, что послужило причиной путча. Официальной версии случившегося, по которой это была попытка государственного переворота силами, выступавшими против демократического обновления общества, придерживаются лишь четверть опрошенных (24%). Наиболее распространенной оценкой событий августа 1991 г. в массовом сознании сегодня можно считать точку зрения, согласно которой отстранить от власти М. Горбачева стремилась команда Б. Ельцина, а не путчисты (27% опрошенных, что чуть больше доли сторонников официальной трактовки событий). Еще 21% респондентов полагают, что путчистами двигали вполне благородные порывы – предотвратить распад СССР.

Оценки августовских событий 1991 г. весьма значительно дифференцированы в зависимости от идейно-политических предпочтений людей. Официальная версия наиболее распространена среди сторонников СПС и «Яблока», а также «Единой России»; версии, что это была попытка участников ГКЧП предотвратить распад Советского Союза, чаще придерживаются избиратели КПРФ и «Родины»; усматривают в этих событиях стремление команды Б. Ельцина отстранить М. Горбачева от власти чаще других сторонники ЛДПР и КПРФ.

Что же касается конкретных причин поражения перестройки, то россияне, судя по результатам опроса, учитывают, что глубокие и противоречивые процессы развивались не только в Советском Союзе, но и за его пределами, прежде всего в странах социалистического содружества. Не случайно большинство опрошенных (52%) склонны считать, что к поражению перестройку привели как внутренние, так и внешние причины. Немало (22%) и тех, кто уверен, что внутренние причины оказали первостепенное негативное влияние на ход перестройки. Интересно, что по прошествии времени все меньше россиян склоняются к разного рода конспирологическим версиям неудач перестройки. Лишь 10% считают, что к поражению перестройку привели внешние силы («мировая закулиса», западные спецслужбы и т. п.).

Среди внутриполитических причин поражения перестройки отмечаются прежде всего просчеты в стратегии и практических действиях руководства страны. На это указали 44% опрошенных. Примечательно, что многие россияне готовы разделить ответственность с руководством страны за провал перестройки, весьма самокритично отмечая, что само общество было не готово к глубоким преобразованиям (35%). Треть опрошенных (30%) в качестве причины неудач перестройки назвали агрессивный сепаратизм и национализм ряда бывших республик СССР.

Таким образом, перестройка, по мнению значительного числа россиян, не удалась прежде всего потому, что не удалось синхронизировать действия руководства страны с подготовкой самого населения к восприятию и практической реализации идей перестройки, к осуществлению масштабных преобразований.

ПЕРЕСТРОЙКА И ГОРБАЧЕВ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Неоднозначное отношение населения к перестройке, а в дальнейшем и к последующим за ней процессам и явлениям в общественной жизни не могло не сказаться на отношении россиян к М. Горбачеву. Как показало настоящее исследование, хотя отношение к лидеру перестройки и коррелирует с отношением россиян к самой перестройке, все же деятельность М. Горбачева оценивается более положительно, чем начатые им преобразования.

Если к перестройке сегодня позитивно относятся 28% россиян, то к деятельности М. Горбачева – 36%; скорее негативно – соответственно 63 и 49%.

Несмотря на то, что необходимость перемен в Советском Союзе, что называется, «витала в воздухе», многие аналитики и тогда были, и сейчас убеждены в том, что Советский Союз даже в кризисном состоянии мог существовать еще долгое время. Тем более что вся власть была сконцентрирована фактически в руках одного человека – Генерального секретаря ЦК КПСС. Именно поэтому перестройку многие и в России, и за рубежом считают личным «проектом» М. Горбачева. Не случайно вопрос о том, смог бы какой-нибудь другой руководитель партии и страны пойти на столь масштабные преобразования советского общества, вызвал разноречивые оценки в общественном мнении россиян. Относительное большинство (38%) не смогли дать ответ на этот вопрос, тогда как мнение остальных разделилось: 34% дали на этот вопрос утвердительный ответ, а 29% – отрицательный.

Также разделились мнения россиян по ряду оценок вклада М. Горбачева в историю страны и мира. С одной стороны – у значительного числа опрошенных вызывает согласие точка зрения, в соответствии с которой М. Горбачев – фигура масштабная, историческая, во многом изменившая мир (39%). С другой стороны – примерно столько же (42%) не согласны с тем, что Горбачев – «отец нового мышления, подтолкнувший мир к осознанию общих ценностей и интересов». Или иной пример: 48% разделяют позицию, что М. Горбачев дал стране и людям свободу, но еще больше (54%) согласились с суждением о несамостоятельности М. Горбачева, о ряде допущенных с его стороны неоправданных компромиссов. Все это, безусловно, отголоски старых мифов о перестройке и о ее лидере, которые, судя по результатам настоящего исследования, продолжают находить благодатную почву в массовом сознании современных россиян.

Тем не менее исследование показало, что в обществе происходят определенные сдвиги, в том числе и в отношении к М. Горбачеву. Растут симпатии к первому президенту страны среди молодой, активной, дееспособной части населения. Весьма значимым изменением можно считать и «окончательный развод» в массовом сознании фигур М. Горбачева и Б. Ельцина. Причем, если в конце 80-х начале 90-х годов президента СССР многие обвиняли в торможении «реформаторских» усилий российского руководства во главе с Б. Ельциным, то сегодня вина М. Горбачева видится в том, что он не сумел их вовремя остановить. Так или иначе россияне сегодня не склонны считать Б. Ельцина продолжателем дела М. Горбачева и дела перестройки. Лишь 17% согласны с утверждением, что «Б. Ельцин довел до конца все то, что начал М. Горбачев», тогда как большинство респондентов (51%) убеждены в том, что Б. Ельцин «свернул с реформаторского пути, которым шел М. Горбачев, на путь радикальной ломки общества».

Точка зрения о том, что Б. Ельцин «свернул» с пути, намеченного М. Горбачевым, преобладает во всех группах респондентов, выделенных по возрасту, образованию, роду занятий, уровню материальной обеспеченности, типу поселения, а также среди сторонников всех ведущих политических партий.

Несколько более сложное отношение у россиян возникает при сопоставлении М. Горбачева с ныне действующим президентом России В. Путиным. Главное сходство двух президентов, судя по результатам исследования, связано с тем, что они энергичны и хорошо образованы (33%). Примерно столько же (30%) отметили, что М. Горбачев и В. Путин уделяют большое внимание внешней политике. На этом сходства, собственно, и заканчиваются. Остальные внешне похожие черты, будь то приверженность «центризму» или идее социальной справедливости, или склонность к компромиссам, отмечаются сравнительно незначительным числом опрошенных. Немалое число россиян (43%) и вовсе либо не обнаружили, либо затруднились обнаружить что-то общее между М. Горбачевым и В. Путиным *(см. рис. 1)*.

Безусловно, это в первую очередь связано с тем, что М. Горбачев и В. Путин действительно очень разные люди, к тому же действующие в совершенно иных исторических обстоятельствах. Как показало исследование, отсутствие между ними идейно-политической преемственности остается и в массовом соз-

Рисунок 1

Общее в политике и личных качествах нынешнего президента страны В. Путина и М. Горбачева в оценках россиян (в %)

Оба энергичны, хорошо образованы	33,0
Уделяют большое внимание внешней политике, прислушиваются к лидерам западных стран, но проводят самостоятельную линию	30,0
Оба скорее «центристы». стараются избегать крайних решений	20,0
Оба любят внешние эффекты, ищут популярности	16,0
Оба проявляют нерешительность, склонны к неоправданным компромиссам	15,0
Оба приверженцы идеи социальной справедливости, старались проводить реформы в интересах населения	13,0
Между ними ничего общего нет	29,0
Затруднились ответить	14,0

Сумма цифр в рисунке более 100%, так как можно было отметить до 3 ответов

Рисунок 2

«Как вы думаете, В. Путин в новых исторических условиях может что-нибудь использовать из идей и опыта М. Горбачева и его соратников? Если да, то что? (в %)

Идею «взять все лучшее у социализма и капитализма»	24,0
Идею социальной ориентированности экономики	21,0
Идею «нового мышления», улучшения взаимоотношений с Западом	15,0
Идею развития демократии, гласности, политического плюрализма	13,0
Нет, так как политика В. Путина сильно отличается от политики М. Горбачева	26,0
Нет, так как все эти идеи в условиях современной России практически нереализуемы	19,0
Затруднились ответить	23,0

Сумма цифр в рисунке более 100%, так как можно было отметить до 3 ответов

нании. Так, многие россияне считают невозможным в современных условиях использовать «идейный багаж» перестройки. Лишь четверть опрошенных (25%) считает, что В. Путин мог бы взять на вооружение идею конвергенции, все лучшее от капитализма и социализма, еще меньше – багаж «нового мышления» (15%) и политического плюрализма (13%). Одновременно с этим 26% опрошенных отмечают, что политика В. Путина радикально отличается от политики М. Горбачева, и еще 19,0% согласны с тем, что все перестроечные идеи в современной России не реализуемы *(см. рис. 2)*.

Это вовсе не означает, что россияне негативно относятся к тем идеям, которые впервые были предложены обществу в конце 80-х годов. Как показало исследование, к идеям общечеловеческих ценностей, нового мышления, демократизации, гласности, гуманного демократического социализма и т. п. отношение россиян самое что ни на есть позитивное. Скепсис и негативизм вызывают результаты практической реализации этих идей. Например, демократизации российского общества. Так, на вопрос о том, чья главная заслуга состоит в обретении Россией демократических прав и свобод, 19% назвали В. Путина, 12% – М. Горбачева, а 8% – Б. Ельцина, тогда как 43% заявили, что в России не было и нет демократии.

Сопоставляя фигуры руководителей страны, россияне, конечно же, берут в расчет события и процессы последних 20 лет советской-российской истории. Отвечая на вопрос «При каком руководителе – М. Горбачеве, Б. Ельцине или В. Путине – положение дел в стране было лучше?» прослеживается примерно одна и та же динамика. При М. Горбачеве было хорошо, но не очень, потом стало совсем плохо при Б. Ельцине и наконец при В. Путине – лучше, чем при Горбачеве и Ельцине *(см. табл. 5)*.

В этом смысле нынешний этап развития страны при В. Путине воспринимается как некая альтернатива и периоду перестройки, и периоду Ельцина. Тем интереснее обратить внимание на те позиции, по которым время В. Путина уступает времени М. Горбачева. К ним относятся безопасность граждан, общий психологический климат в стране, положение дел в армии и других силовых и правоохранительных органах, ситуация с межнациональными конфликтами. Следует заметить, что уровень развития демократии выше оценивается в настоящее время, а политическая активность граждан – при Горбачеве. Обращает на себя внимание и очень большой процент затруднившихся ответить, достигающий по ряду позиций более половины опрошенных. Это – деятельность правоохранительных органов (54%), ситуация с правами человека (53%), борьба с коррупцией (50%). По всей видимости, это то большинство населения, которое считает, что «лучшего положения» в данных и некоторых других областях жизни общества не было ни при каком политическом режиме последних двух десятилетий.

Таблица 5

На ваш взгляд, при каком руководителе страны - Горбачеве, Ельцине или Путине положение дел в стране было лучше? (в %)

Направления	При Горбачеве	При Ельцине	При Путине	Затруднились ответить
Общее состояние экономики	24,0	2,0	42,0	32,0
Уровень жизни населения	32,0	5,0	40,0	24,0
Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий	29,0	2,0	59,0	11,0
Безопасность граждан	50,0	2,0	11,0	36,0
Международное положение страны	34,0	3,0	36,0	28,0
Общий психологический климат в стране	36,0	5,0	22,0	37,0
Состояние демократии, гласности в стране	18,0	19,0	30,0	33,0
Эффективность государственного управления страной	13,0	2,0	36,0	49,0
Положение в армии	36,0	2,0	19,0	43,0
Деятельность правоохранительных органов (суды, МВД, прокуратура)	26,0	2,0	19,0	54,0
Межнациональные отношения	45,0	3,0	17,0	34,0
Политическая активность граждан	25,0	23,0	22,0	29,0
Борьба с коррупцией чиновников	12,0	3,0	35,0	50,0
Права человека	18,0	6,0	22,0	53,0

РОССИЯНЕ О РОЛИ ПЕРЕСТРОЙКИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ И МИРА

Не было, пожалуй, в новейшей истории нашей страны периода, вызвавшего столь жаркие дискуссии, столкновения различных точек зрения, как перестройка. Особенно когда речь идет об исторической роли перестройки, ее влиянии на последующее развитие страны и мира. При этом, как свидетельствуют результаты настоящего исследования, для большинства россиян – это, безусловно, значимое историческое событие. Одним из наглядных подтверждений этого выступает тот факт, что лишь 16% опрошенных охарактеризовали ее как малозначимое событие, исторический эпизод.

В то же время, оценивая масштабность перестройки и ее влияние на мировые процессы, при всей очевидности для многих россиян тех существенных перемен, прежде всего внешнеполитического характера, к которым привела перестройка, явлением мирового исторического масштаба ее считают лишь 14% респондентов. Относительное большинство россиян (33%) считает перестройку судьбоносным явлением, но в контексте отечественной истории.

Отчасти это связано с тем, что сама перестройка все больше воспринимается «как дела давно минувших дней», хотя и продолжающие периодически будировать общественное мнение. Так или иначе, но сегодня 43% опрошенных считают, что общество начинает постепенно забывать о перестройке. А еще 31% и вовсе уверены, что в обществе начинают преобладать негативные оценки перестройки. Тогда как лишь меньшинство (12%) убеждены в том, что в обществе все больше осознается позитивная роль перестройки в жизни страны.

При этом следует иметь в виду, что и в данном случае мы сталкиваемся с уже упоминавшимися противоречиями в массовом сознании, когда необходимость перестройки признается значительным числом россиян, да и большинство событий и явлений того времени оценивается со знаком «плюс», а исторический след, который оставила перестройка, как угасающий.

Одним из проявлений такого противоречия является неоднозначное отношение россиян к роли перестройки в жизни страны. Так, доля тех, кто оценивает период перестройки как прорыв в будущее, хотя и не завершенный, и тех, кто оценивает перестроечные преобразования как эксперимент, заведомо обреченный на неудачу, составляют, в общем-то, сопоставимые группы – соответственно 44 и 52%.

Сопоставимое соотношение оценок наблюдается и в отношении россиян к «духовной» составляющей перестройки. Так, 47% наших сограждан оценивают перестройку как время духовного подъема общества, обретение людьми веры в будущее, их активной общественной и политической деятельности, тогда как почти столько же – 48% – как время духовного упадка, апатии и пессимизма.

Тем не менее, несмотря на всю неоднозначность оценок исторической роли перестройки и ее влияния на развитие страны (и в этом заключен еще один парадокс массового сознания), практически все идеи, ценности, новые смыслы, привнесенные в общество перестройкой, включая ценности демократии, крайне позитивно оцениваются нынешними поколениями россиян.

Большинство российских граждан положительно воспринимают на ассоциативном уровне такие слова-символы, как: общечеловеческие ценности (78%), гласность (77%), гражданское общество (74%), ускорение развития (69%), чувство хозяина (68%), рыночная экономика (66%), демократизация (66%), альтернативные выборы (62%), новое мышление (60%), самоуправление (59%), многопартийность (58%), реформа (58%), консенсус – согласие (56%).

К «антиценностям» большинство россиян отнесли такие понятия, как застой брежневского периода (60%), тоталитаризм (59%), механизм торможения (58%), неформальные общественные объединения (57%), консерваторы (56%).

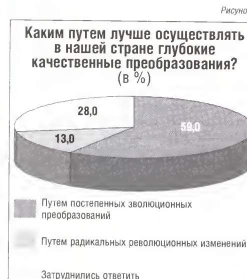
Тот факт, что большинство идей, ценностей перестроечной поры воспринимаются подавляющим большинством населения со знаком плюс, имеет чрезвычайно важное значение, поскольку хорошо помнится, что большинство из них являлось предметом острой идеологической борьбы, а такие понятия, например, как многопартийность или ры-

ночная экономика, и вовсе рассматривались как подрывающие основы государства. Сегодня же – это совершенно привычные, естественные словосочетания. Важно и то, что эти понятия сегодня воспринимаются позитивно, несмотря на последующую их дискредитацию практикой российских реформ 90-х годов, далекой от тех идеалов, которыми жило российское общество в конце 80-х годов.

ОПЫТ И УРОКИ ПЕРЕСТРОЙКИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Как показало исследование, россияне очень четко разделяют смыслы, цели и замыслы перестройки от способов и результатов их достижения. Это отчетливо видно, когда речь идет об оценках россиян исторического опыта перестройки. Главный вывод, который российское общество, судя по результатам настоящего исследования, извлекло из опыта перестройки и последующих реформ, – это то, что страна должна меняться только вследствие постепенных, эволюционных преобразований. Данную точку зрения сегодня разделяют большинство россиян (59%). К сторонникам же радикальных, революционных изменений себя отнесли лишь 13% опрошенных.

Рисунок 3

Путь эволюционных преобразований считают предпочтительным для нашей страны большинство во всех возрастных группах россиян, а также во всех группах, выделенных по уровню материальной обеспеченности, возрасту и образованию. Другими словами, во многом благодаря опыту перестройки постепенность, эволюционность любых масштабных преобразований стала некой консенсусной позицией для российского общества и его различных социальных групп.

На смену реформистско-прогрессистским ценностям, которыми было увлечено общество в конце 80-х, начале 90-х годов пришла ориентация на реформы под патронатом государства, учитывающая национальные особенности России. Так, главный урок, по мнению 59% опрошенных, который должна извлечь Россия из опыта и практики перестройки, связан с тем, что «Россия должна идти своим путем» и что ей жизненно необходима твердая и сильная власть (41%). Причем реформы надо начинать, прежде всего, с экономики, а не с политической системы (39%), а проводить их надо осторожно и постепенно (34%) *(см. табл. 6).*

Ориентации на постепенность, основательность, подготовленность и подконтрольность процессов реформирования предопределяют те условия, которые россияне считают прежде всего необходимыми для успешных реформ. Как видно из данных, приведенных в *таблице 7,* отмечается три наиболее важных условия успешного реформирования: во-первых, это профессионализм, опытность и преданность интересам страны тех, кто вместе с лидером страны осуществляет реформы (49%); во-вторых, научная обоснованность программы их действий (48%); в-третьих, наличие в стране твердой, жесткой и стабильной власти (41%). Любопытно, что само по себе наличие лидера, пользующегося доверием у общества и готовность самого общества к масштабным преобразованиям оценивается несколько скромнее (37 и 26% соответственно).

Очевидно, что отчетливо выраженный общественный консерватизм в оценках опыта перестройки учитывает опыт гораздо более радикальных реформ начала 90-х годов и историю реформирования России в целом. В жизни страны предпринималось множество попыток ее из-

Таблица 6

Главные уроки, которые, по мнению россиян, должна извлечь Россия, ее лидеры из опыта и практики перестройки (в %)

Уроки	%
России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран	59,0
России нужна твердая и сильная власть	41,0
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	39,0
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	34,0
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин	26,0
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	17,0
Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем	12,0
Не надо «изобретать велосипед»; западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	8,0
В России любые реформы обречены на неудачу	6,0
Другое	1,0

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до 4 ответов

Таблица 7

Что необходимо, по мнению россиян, для осуществления в России эффективных преобразований (в %)

Необходимо:	%
Профессионально подготовленная, опытная и преданная интересам страны команда, работающая с российским лидером	49,0
Всесторонне продуманная, научно обоснованная программа действий	48,0
Твердая, жесткая и стабильная власть	41,0
Лидер страны, пользующийся доверием и поддержкой большинства населения	37,0
Учет опыта и верность традициям российской истории	28,0
Готовность самого общества к масштабным преобразованиям	26,0
Новая революция	5,0
Широкомасштабная финансовая помощь Запада	3,0
Помощь западных консультантов и советников	2,0
Затруднились ответить	5,0

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до 3 ответов

менить. Какие-то из них были более удачными, какие-то менее удачными, но что практически никогда не удавалось сделать — это качественно изменить к лучшему социально-экономические условия жизни населения страны, поднять до желаемых высот благосостояние народа. Между тем, как показывают опросы конца 80-х годов и сегодняшние исследования, именно это в первую очередь волновало и занимало большинство населения. Конечно, было бы неправильно считать, что общество и тогда, и сейчас смотрело на происходящие в стране события и процессы исключительно через призму «толщи» своего кошелька. Но также ясно, что ныне живущие россияне существенно более прагматичны, чем предыдущие, более сдержанны и скептичны в отношении даже

самых привлекательных идей, программ и т. п. Этим во многом объясняется сложившийся разрыв между симпатией к идее гуманного демократического социализма, которую предложил в свое время обществу М. Горбачев, и ярко выраженным скепсисом по поводу возможности реализовать эту идею в России. Так, с одной стороны – 42% россиян скорее позитивно относятся к этой идее (27% отрицательно), а с другой – лишь 12% считают возможной ее реализацию в России, в то время как 58% считают это маловероятным либо абсолютно невозможным.

Прагматизм россиян выражается и в том, что, не одобряя распад СССР, продолжая питать уважительные чувства к этой, уже несуществующей стране (две трети населения продолжают считать, что испытывали в СССР чувство принадлежности к большому сообществу), россияне отдают себе отчет в том, что вернуть былое уже невозможно, что восстановить СССР не удастся, и соответственно все меньше рефлексируют по этому поводу. Если еще в 1998 году доли согласных и несогласных с суждением «С крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил» были примерно одинаковы, то сегодня россиян, не согласных с такой оценкой, заметно больше – 47% по сравнению с 33% в 1998 г.

В целом очевидно, что россияне довольно критично оценивают опыт и итоги перестройки и далеко не в восторге от того, что происходит в стране в настоящее время, особенно на фоне неподготовленных реформ в социальной сфере. Столь же очевидно, что для них уже невозможно вернуться к прежним, доперестроечным временам, которые тоже оцениваются достаточно критично (вспомним, в частности, уверенность большинства в том, что перестройка в свое время была стране необходима). Но помимо рациональных, отмеренных на весах эффективности, прогресса и т. д. оценок событий двадцатилетней давности и событий сегодняшних дней, есть еще одно мерило отношения к ним людей. Этим мерилом в конечном итоге может выступать тот или иной период в жизни страны, желание или нежелание людей в нем жить. Как показало проведенное исследование, до сих пор более трети населения (36%) испытывают ностальгию по России времен Советского Союза и, если бы им представилась возможность выбирать, в каком времени жить, предпочли бы именно этот период. Хотя за последние 13 лет число людей, желающих возврата к прежней эпохе существенно сократилось – с 55 до 36%. Нынешняя жизнь представляется привлекательной примерно для каждого пятого россиянина (27%). Еще треть не смогли остановить свой выбор ни на советской, ни на нынешней России.

Представляется, что приведенные данные фиксируют очень важное обстоятельство – ни перестройка сама по себе, ни последовавшие за ней либеральные реформы, ни социальные трансформации сегодняшнего дня не смогли создать в России той общественной «среды обитания», которая устроила хотя бы относительное большинство населения.

Динамика гипотетического выбора между нынешней и прошлой Россией, как показывает исследование, происходит не столько за счет переоценки ценностей и привлекательности того или иного времени, сколько за счет естественной смены поколений, каждое из которых тяготеет к «своему» историческому периоду. Представители старшего поколения, большая часть жизни которых связана с Россией доперестроечной, отдают свое предпочтение именно ей. В свою очередь молодежь вполне комфортно чувствует себя в России нынешней и не представляет себя членом общества, которое ушло в прошлое 15 лет назад. Среднее, «пограничное» поколение, судя по всему, является единственным, кто делает свой выбор, основываясь на рациональных соображениях – выигравшие от проводимых реформ предпочитают сегодняшний день, проигравшие – день прошлый.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», – сказал в свое время поэт и, безусловно, был прав. Вот и результаты настоящего исследования показывают: чем дальше общество уходит от перестройки, тем большей вдумчивостью и бесстрастностью отличается общественное самопонимание этого сложного и противоречивого периода отечественной истории. Еще десять лет назад почти половина россиян

отрицали необходимость начала перестройки, и лишь треть населения выступали за проведение в стране масштабных преобразований. Сегодня же ситуация изменилась кардинальным образом: треть убежденных в необходимости перестройки выросла до половины населения, а позиция отрицающих ее нужность для страны и людей заметно ослабла.

Кто же в современной России убежден в объективно назревшей в СССР два десятилетия назад необходимости качественного обновления общества? Как показал опрос, социальную базу поддержки начинания перестройки составляют ныне молодое и среднее поколения, наиболее образованные и активные группы населения, прежде всего гуманитарная интеллигенция и предпринимательское сословие, студенты и служащие, инженерно-техническая интеллигенция. А вот на стороне противников перестроечных преобразований – малоквалифицированные и малообразованные слои населения, люди пожилого возраста, в основном сельские жители, пенсионеры, рабочие.

По вопросу о главных причинах необходимости проведения перестройки в среде ее убежденных сторонников существенных разночтений не наблюдается. Большинство сходится в том, что к этому обязывал и низкий уровень жизни людей, и неспособность управленческой элиты решать насущные проблемы страны, и затянувшийся глубокий экономический кризис. Что же касается необходимости демократизации советского общества, развития политических прав и свобод, то в числе приоритетных причин нужности перестроечных преобразований это не значится.

Весьма красноречивые результаты принесло настоящее исследование, когда представители средних и старших поколений россиян попытались вспомнить и оценить свое отношение к перестройке в ее начале и в конце, а также обозначить свое нынешнее к ней отношение. Переход от оценки необходимости начала перестройки к ретроспективной оценке ее практической реализации показал: если начальный период перестроечных процессов (1985–1988 гг.) вызывал позитивную реакцию и поддержку большинства россиян, то завершающий этап перестройки (1989–1991 гг.) положительно оценивали уже только четверть населения, а две трети выражали к нему негативное отношение. И к настоящему времени это соотношение мало в чем изменилось.

Причины подобной динамики массовых оценок, в общем-то, очевидны и объясняются данными настоящего исследования: одни оказались разочарованы расхождением между провозглашенными главными целями перестройки и ее реальными результатами, прежде всего в социально-экономической сфере, другие же оказались не довольны тем, как, по какому «сценарию» она проводилась. Причем вопрос о том, как надо было проводить перестройку, и в бытность ее раскалывал общество, и сегодня продолжает делить российское сообщество на разные группы. Весьма интересно, что и тогда сторонники социалистического пути политических и социально-экономических преобразований доминировали над сторонниками осуществления преобразований по капиталистическому варианту и в настоящее время они доминируют, причем даже еще сильнее, чем ранее.

Проведенное исследование выявило ряд парадоксов, присущих массовому сознанию россиян. Один из них связан с тем, что преобладание негативного отношения в целом к перестройке сопровождается выраженно позитивной оценкой основных событий и процессов перестроечного периода. Прежде всего это относится к тогдашним внешнеполитическим инициативам М. Горбачева, а во внутриполитическом плане – к демократизации советского общества. С этим по существу тесно коррелирует и консолидированная общественная оценка главных достижений перестройки, среди которых выделяется обретение людьми политических и экономических прав и свобод, в первую очередь – свободного выезда за рубеж, свободы мысли и слова, свободы совести и религиозных объединений, свободы предпринимательства.

Как показало исследование, консенсусный характер в массовом сознании россиян имеет и вопрос о наиболее существенных потерях и причинах неудачи перестройки. К главным потерям отнесены: утрата стабильности, падение морали, утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне, ослабление

порядка в стране, в общем – все то, что и по сей день будоражит россиян и, безусловно, накладывает свою негативную печать на их отношение к перестроечному периоду.

Что же касается неудач и поражения перестройки, то большинство россиян проявляют в этом вопросе, что называется, диалектическое понимание, делая акцент как на их внешние, так и на их внутренние причины. Подобное понимание переносится и на конкретное определение внутриполитических причин неудачного исхода перестроечных замыслов. Так, с одной стороны – относительное большинство наших сограждан обращают внимание на просчеты руководства страны, а с другой – на неподготовленность самого общества к масштабным и глубоким преобразованиям.

О том, что россияне под воздействием нелегких для них условий жизни последних двух десятилетий становятся более взвешенными в своих оценках общественных событий и процессов, свидетельствует и их отношение к судьбоносным дням августа 1991 г. Окажись они сегодня в водовороте тех августовских событий, связанных с ГКЧП, большинство заняли бы нейтральную позицию, притом, что поддержка М. Горбачева оказалась бы несколько большей, чем поддержка Б. Ельцина.

Безусловно, здесь уже сказываются негативные последствия для жизненного уровня народа ельцинского периода реформ, а также и выявленная в ходе исследования тенденция: отношение россиян к деятельности М. Горбачева более позитивно, чем отношение к начатым им преобразованиям. И опять следует констатировать, что позитивная оценка М. Горбачева обеспечивается позицией более молодых, образованных, благополучных, экономически активных групп населения.

За счет представителей этих групп развеялся и один из весьма распространенных постперестроечных мифов о Б. Ельцине как продолжателе дела М. Горбачева. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в массовом сознании россиян произошел окончательный «развод» фигур М. Горбачева и Б. Ельцина, при котором последний воспринимается сегодня большинством населения как политический лидер, свернувший с реформаторского пути, начатого перестройкой, на путь радикальной ломки российского общества.

Вместе с тем, как показало исследование, и по прошествии двух десятилетий М. Горбачев остается для общества неоднозначной фигурой. По крайней мере половина россиян полагают, что лидер перестройки в ходе ее осуществления попал под влияние Запада и пошел на ряд неоправданных для страны компромиссов. А другая половина наших сограждан убеждена в том, что М. Горбачев снял со страны «намордник и ошейник» и дал людям свободу. Но вот на чем большинство наших сограждан сегодня сходятся, так это на позитивном восприятии ключевых слов-символов перестроечного времени, среди которых «общечеловеческие ценности». «гласность», «гражданское общество», «демократизация» и др. Очевидным, правда, является и тот факт, что массовый скепсис вызывают неудачные попытки практической реализации того содержательного потенциала, который заложен в этих понятиях.

Результаты проведенного опроса наглядно показывают, что и по прошествии значительного периода времени, перестройка продолжает вызывать противоречивую реакцию общества, столкновение точек зрения, в особенности, когда речь заходит о ее исторической роли. Выявляются даже такие ценностно-установочные основания, связанные с пониманием значения перестройки, по которым российское общество сегодня буквально раскалывается пополам. Так, одна половина наших сограждан исходит из того, что перестройка в истории России – это эксперимент, обреченный на неудачу, время духовного упадка общества. Другая же, практически аналогичная по числу часть россиян стоит на позиции того, что в отечественной истории перестройка – это незавершенный прорыв в будущее страны, время духовного подъема общества. При этом положительную роль перестройки чаще всего отмечают более молодые и материально обеспеченные респонденты, тогда как среди респондентов из низкодоходных и старших возрастных групп преобладают суждения, негативно характеризующие перестройку.

Разделились почти поровну мнения россиян и по вопросу о том, выполнила

ли перестройка свою историческую задачу, осуществив демократизацию СССР: почти 40% полагают, что да, и немногим более 40%, что нет. Как вытекает из результатов исследования, на подобное разделение позиций оказывают влияние следующие факторы. Во-первых, не менее половины россиян не считают Россию демократическим государством. Во-вторых, как уже отмечалось, не с демократизацией, а с решением насущных социально-экономических проблем большинство населения прежде всего связывали главную цель перестройки. А в-третьих, размышляя над опытом и проблемами перестройки, те же 40% россиян выражают убеждение в том, что реформы в обществе следует начинать не с демократических институтов, а с экономики.

Кстати сказать, размышления наших сограждан над опытом перестройки приводят их к пониманию главного урока, который вытекает из данного периода отечественной истории. Урок этот сводится к тому, что «России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран».

Определились россияне, судя по всему, на примере перестройки и по вопросу о том, что необходимо для успешного осуществления в нашей стране глубоких преобразований. Относительное большинство населения убеждено в том, что для этого необходимы как минимум три условия: а) профессионально подготовленная, опытная и преданная интересам страны команда, работающая с российским лидером; б) всесторонне продуманная и научно обоснованная программа действий; в) твердая и стабильная власть (заметим, это фигурирует и в числе основных уроков, вытекающих из опыта перестройки).

В целом же, судя по результатам исследования, приходится констатировать: оценки россиянами перестройки, которая по сути дела открыла в истории страны новую эпоху, главным образом находятся в тесной связи с возрастным фактором. Представители старшего поколения имеют личный доперестроечный опыт, пережили саму перестройку и могут оценить плюсы и минусы сегодняшней жизни (правда, в силу возраста, зачастую не имея возможности использовать эти самые плюсы). Для большинства из них именно с перестройки начался отход от старой привычной жизни, которая до сих пор расценивается ими как наиболее привлекательная. Напротив – для нынешнего поколения естественной «средой обитания» является современная Россия. Соответственно перестройка для них – часть исторической ретроспективы, хотя и не имеющей непосредственного отношения к ним лично, но определившей некий первоначальный вектор общественных преобразований, который впоследствии, через полосу трудностей и противоречий привел их к жизни в новой России. Вот почему, по всей видимости, только естественная смена поколений позволит обществу полнее увидеть и всесторонне оценить все аспекты перестройки, понять ее роль и место не только в российской, но и в мировой истории.

Сергей РОМАНЮК

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В последние годы в России набирает силу процесс становления гражданского общества, которое постепенно осознает себя как значимый общественно-политический институт в политической системе, влияющий на все сферы человеческого бытия. Между гражданским обществом и государством сложились непростые отношения. До сих пор существует серьезное препятствие к взаимному пониманию двух субъектов политики в виде пока непреодоленного информационного барьера. И это препятствие не позволяет государству эффективно выполнять свою основную функцию – регулятора общественных отношений, использовать в полную силу управленческий потенциал на благо страны. Что касается гражданского общества, то информационный барьер не дает возможности осуществлять эффективный гражданский контроль за действиями властных структур. К сожалению, подобная ситуация складывается и в отношениях общества с органами местного самоуправления. В результате такого состояния дел в стране процветают коррупция и злоупотребление властных структур, распространенным явлением стало применение «телефонного права», растет преступность в экономической сфере и как следствие всего этого снижается доверие народа к власти, что чревато нестабильностью в обществе, риском социально-политического конфликта.

Одним из инструментов, позволяющим приостановить эти негативные процессы, является повышение прозрачности (транспарентности) деятельности органов власти всех ветвей и уровней. Внедрение такого инструмента в практику политической жизни страны позволит обеспечить действенный контроль со стороны гражданского общества за деятельностью властей всех ветвей и уровней, повысить доверие населения к властям, снизить уровень коррумпированности в обществе. Сделать власть транспарентной для гражданского общества сегодня является наиболее актуальной задачей.

На наш взгляд, основным препятствием на пути решения этой задачи является несовершенство существующих механизмов обеспечения транспарентности власти (политических, нормативно-правовых, инфомационно-технологических, образовательных и других). Поэтому осмысление возможных путей их совершенствования является на сегодня злободневной задачей.

В политическом секторе одним из механизмов повышения уровня транспарентности власти может рассматриваться формирование государственной информационной политики.

В этом направлении, на наш взгляд, была бы целесообразна разработка основополагающего нормативного документа «Концепции (или Доктрины) информационной политики Российской Федерации», где в виде доктринальных установок была бы ясно изложена политическая стратегия государства в информационной сфере сроком, примерно, на пять лет. Такой документ должен учи-

РОМАНЮК Сергей Васильевич – директор ГУП издательство «Транспорт»

тывать изменяющуюся обстановку и определять основные стратегические установки информационной политики государства на среднесрочную перспективу, помимо того, он должен обеспечить согласование законопроектов в области обеспечения прозрачности власти (на федеральном, региональном и местном уровнях) по различным направлениям информатизации общества.

Кроме того, было бы оправданным создание единой государственной структуры, ответственной за реализацию информационной политики государства, способной консолидировать деятельность всех субъектов, участвующих в решении этой сложной задачи. Такая структура может быть представлена в виде Федеральной службы по информации с широким кругом полномочий. Эта служба должна принимать активное участие в выработке информационной политики государства, координировать деятельность всех государственных и общественных организаций по вопросам информатизации общества, концентрировать все информационные ресурсы государства, быть юридическим лицом, которое от имени государства будет предоставлять информационные услуги представителям гражданского общества.

Сегодня назрела необходимость изменения информационной стратегии государства, предполагающей перенос вектора государственной политики – от обеспечения прозрачности деятельности органов власти в сторону политики формирования эффективного информационного взаимодействия власти и общества. Это положение означает качественный переход к новой концептуальной модели информационного взаимодействия власти и общества, где вопросы обеспечения прозрачности властных структур будут занимать одно из центральных мест в информационной политике государства. Речь идет о целесообразности формирования крупномасштабной государственной информационной системы, позволяющей обеспечить реализацию сразу нескольких направлений информационной политики: прозрачности деятельности властных структур для представителей общества; эффективной обратной информационной связи (от общества к власти); формирование единого толерантного информационного пространства, охватывающего как общество и сообщество, так и все властные структуры; мониторинг информационных потребностей общества и властных структур; содержательное наполнение информационной базы информационными ресурсами и другие направления.

Также очень важным политическим аспектом является включение в процесс информатизации российского общества самого гражданского общества. На наш взгляд, это направление предполагает:

- формирование конструктивной политической оппозиции, которая глубоко вникала бы в деятельность властных структур и была бы способна вырабатывать обоснованное критическое отношение к политическим решениям, принимаемым властью, предлагать альтернативные варианты решений на перспективу развития страны, а также информировать об этом общественность;
- придание формируемым общественным палатам функций, связанных с мониторингом информационных потребностей общества, доведение результатов мониторинга до властей в виде политических требований и осуществление гражданского контроля за выполнением властями этих требований, оказание самостоятельных информационных услуг населению о деятельности органов власти;
- формирование и совершенствование специальных политических институтов гражданского общества, своеобразных информационных посредников между властью и обществом, которые, имея базы данных (наработанные в ходе общения с властью), могли бы на коммерческой основе предоставлять информационные услуги населению по поводу отношений граждан с властью.

В нормативно-правововом секторе предполагаются совершенствование права на доступ к информации и реализация этого права в жизнь. Решение этой задачи имеет большое значение для дальнейшего развития государства. При осуществлении данного права открывается реальная возможность прямого контакта человека с государством, причем инициатива в большей степени должна исходить со стороны человека. Это будет способствовать становлению нового и более эффективного стиля руководства всех ветвей и уровней власти. Как показывает опыт законодательного обеспечения права на до-

ступ граждан к информации органов власти, в основе решения комплекса вопросов открытости, транспарентности власти должен лежать выверенный баланс информационных интересов государства и гражданского общества. Для современной России поиск этого баланса является весьма сложной и актуальной задачей, его нахождение станет серьезным фактором успешной реализации административной реформы в России.

На решение этой задачи направлены разработанные в последние два года проекты федеральных законов «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О гарантиях предоставления информации о деятельности и решениях государственных органов власти и органов местного самоуправления», «О гарантиях права граждан Российской Федерации на индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации», «О служебной тайне и о порядке обращения с конфиденциальной информацией в государственных органах и органах местного самоуправления» и др.

Перечисленные выше проекты исходят из принципа презумпции доступности и открытости официальной информации с четкими, определенными федеральными законами, изъятиями из этой презумпции в пользу соответствующих личных, общественных и государственных интересов. Именно в этом заключается принципиальная особенность законопроектов. Она с одной стороны – указывает на движение России по пути построения гражданского общества, а с другой – гарантирует (в случае принятия законопроектов) им нелегкую судьбу в стране, где практически отсутствует информационная культура в системе отношений «государство-общество-человек», перманентно присутствуют коллизии законов, а на уровне ментальной характеристики закреплено доминирование государства над личностью.

Вместе с тем пока прозрачность власти не станет законодательно закрепленной реальностью, такие тезисы, как «борьба с бюрократизмом и коррупцией», «общественный контроль и активное участие граждан в управлении государством», сохранят декларативный характер. Именно информационная прозрачность государственной власти позволит преобразовать государство в гибкую, эффективную и ответственную систему, защищающую права и свободы граждан. Принятие выше рассмотренных проектов федеральных законов будет способствовать установлению принципиально новых для России отношений между обществом и властью. Их суть сведется к контролю гражданского общества над государством.

На наш взгляд, в условиях реформирования государственного управления возникла острая потребность в совершенствовании законодательства, в том числе закрепление:

- требования прозрачности в законах прямого действия и нормативно-правовых актах и инструкциях (включая положения о структурных подразделениях государственной службы и должностные инструкции конкретных должностных лиц), введения ответственности лиц за нарушение принципа прозрачности;
- права на общественный контроль органов власти и проведения открытой общественной экспертизы со стороны институтов гражданского общества.

В секторе взаимодействия государства с СМИ механизмы повышения уровня транспарентных отношений власти и общества должны выйти на новый качественный уровень. На наш взгляд, для этого целесообразно: создать новую организационную структуру (объединение государственных СМИ, которое должно стать на практике проводником государственной информационной политики; приступить к формированию общественной журналистики, реально отражающей информационные потребности общества; развивать конкуренцию в секторе частных СМИ, совершенствовать механизмы взаимодействия государства с ними. Помимо этого, необходимо поднять престиж власти в глазах российских граждан и скорректировать парадигму обучения государственных служащих работе со средствами массовой информации.

В секторе информационных технологий предполагается дальнейшее развитие инфраструктуры информационного взаимодействия власти и общества. Здесь самым главным направлением видится ускорение реализации в жизнь положений федеральной целевой программы «Электрон-

4 Заказ 5130

ная Россия». В рамках этой программы целесообразно: унифицировать требования к сайтам органов власти всех ветвей и уровней; ускорить процесс создания в стране Кибер-почты; опираясь на положительный опыт «пилотных» регионов, продолжать развивать «компьютерный всеобуч» по овладению базовыми навыками работы с сетевыми технологиями; завершить подключение к магистральным каналам телекоммуникации всех вузов страны; продолжать внедрять в жизнь программу «Электронное правительство», а также выполнить ряд других запланированных программой мер.

В секторе государственных органов власти повышение уровня транспарентности, на наш взгляд, должно осуществляться по следующим основным направлениям:

• преодоление ведомственно-региональных барьеров на пути создания единого информационного пространства РФ, разработка стандартов и единых требований к программно-технологическим средствам, используемым в информационных системах;

• решение проблемы авторского права и интеллектуальной собственности в системе государственной службы в отношении предоставляемой аналитической продукции, введение механизма закрепления исполнителя, а вместе с тем и авторства подготовленных документов;

• разграничение функций между информационно-аналитическими подразделениями и подразделениями по связи с прессой и общественностью, согласование горизонтальных взаимодействий и устранение дублирования функций;

• повышение требовательности к кадровому корпусу информационных подразделений, кадры должны быть подготовлены к публичной работе в сфере средств массовой коммуникации, владеть общей медийной ситуацией вокруг ведомства;

• использование структурами по связям с общественностью технологии конструктивного и предметного взаимодействия с институтами гражданского общества;

• активизация работы по обновлению устаревших должностных документов, приведение их в соответствие с требованиями новых нормативно-правовых актов;

• предоставление в информационные системы информации о приоритетах деятельности органов власти всех ветвей и уровней, целевых характеристиках их деятельности на конкретно указанный период, а также регулярная публикация показателей результативности работы конкретных государственных органов;

• ведение официальной отчетности органа власти или его подразделений в общедоступном информационно-телекоммуникационном пространстве России, открытая публикация полной и достоверной бюджетной информации (как плановой, так и отчетно-исполнительской);

• формирование новых подразделений в органах государственного и муниципального управления по организации и координации работы с общественными организациями, их объединениями и ассоциациями, которые могут быть созданы при каждом министерстве и ведомстве, при каждом законодательном и исполнительном органе власти;

• введение должностей уполномоченных (по правам человека, по правам женщин, по правам детей и т. п.) при органах власти субъектов РФ, руководителей кризисных центров различного назначения.

Для всех структурных подразделений и государственных должностных лиц взаимодействие с обществом должно рассматриваться в качестве приоритетной задачи.

В секторе образования предполагается внедрить в практику двухсторонний образовательный процесс, включающий подготовку государственных служащих и представителей гражданского общества.

При подготовке государственных служащих, на наш взгляд, требуется не только проведение обучения, но и введение специального квалификационного экзамена на право занять конкретную государственную должность.

Организация подготовки государственных служащих может включать:

• подготовку серии публикаций, объясняющих государственным служащим цели обеспечения прозрачности власти, задачи каждого государственного органа при решении этой общей проблемы;

• разработку сборника официальных материалов, регламентирующих все изменения и новшества (законы, концепции, нормативные документы и регламенты, типовые должностные инструк-

ции, рекомендации и т. п.) в сфере организации информационного взаимодействия власти и общества;

• разработку сборника учебных материалов для обучения государственных служащих каждого должностного уровня (кейс-стади, ситуации, обобщение опыта работы, тексты лекций и т. п.);

• разработку современных типовых учебных автоматизированных рабочих мест государственного служащего и обучающих программ для их освоения;

• дискуссии и информирование с помощью Интернета, горячие линии для получения консультаций;

• требования и тесты для сдачи специального экзамена на знание новых подходов к обеспечению прозрачности, причем для обеспечения независимости оценки от давления руководящих должностных лиц прием таких экзаменов следовало бы доверить специализированным учебным заведениям.

Вполне была бы уместна и полезна серия специальных учебных курсов по подготовке государственных служащих работе с институтами гражданского общества и гражданами, где бы учитывалась специфика должностей, входящих в реестр государственных должностей.

В направлении подготовки представителей гражданского общества можно выделить несколько приоритетных направлений:

• проведение специальных образовательных курсов для представителей институтов гражданского общества, проведение с ними научных семинаров, «круглых столов»;

• внедрение в практику форм совместного обучения госслужащих и представителей гражданского общества;

• внедрение в практику государственных услуг по дистанционному обучению граждан проблемам информационного взаимодействия с властями, предоставление (на платной и бесплатной основе) образовательных учебников, комментариев к законам, затрагивающих вопросы прозрачности власти;

• активное использование СМИ в вопросах просвещения граждан о деятельности властей;

• проведение образовательных акций и кампаний с целью разъяснения населению информационной политики государства, раскрытию предоставленных гражданам возможностей общения с властями.

• введение специальных дисциплин в системе среднего и высшего образования по проблемам информационного взаимодействия граждан с властями всех ветвей и уровней.

В секторе науки к числу первоочередных мер совершенствования механизмов обеспечения транспарентности власти следует отнести:

• теоретическую проработку политической концепции обеспечения прозрачности власти;

• разработку теоретических моделей перспективного взаимодействия власти и общества;

• теоретическое обоснование инновационных технологий обеспечения прозрачности власти, направленных на преодоление в обществе негативных явлений (коррупции, преступности, злоупотребления властью и др.);

• разработку теоретико-методологических подходов информационного взаимодействия власти и общества;

• разработку средств информационно-аналитического обеспечения прозрачности властных структур на основе последних теоретических достижений.

• разработку методов и средств интеграции разнообразных программных средств и баз данных в условиях постоянного обновления их перечня;

• разработку технического и программного обеспечения доступа к государственным информационным ресурсам.

Представленный выше перечень мер, направленных на совершенствование механизмов повышения транспарентности органов государственной власти, не может претендовать на полноту и завершенность. Тем не менее реализация даже этих мер в жизнь, на наш взгляд, может позитивно сказаться на процессе информатизации общества в целом. Поэтому предложенные меры по своему содержанию конструктивны и могут быть использованы при формировании стратегии информационной политики России.

Александр СЕЛИВАНОВ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Со стороны национал-либералов задул ветер «новых реформ». Не обсуждая реформы социальной сферы, остановимся на административной реформе. Нет сомнений в том, что реформа системы государственной власти назрела, новые условия в стране и в мире требуют обновления принципов и системы управления. Есть и иные основания для реформы, хотя бы такие, как утрата государственной властью контроля над страной, снижение управляемости народнохозяйственным комплексом – в итоге, контролируя менее 20% ВВП (тогда как даже в самых «либеральных» странах – 40–80%), руководство России тем не менее несет ответственность за всю страну в целом. Но почему назревшая административная реформа осуществляется так надрывно, напряженно, через силу, все время заходит в тупик? Ответ прост – власть дезориентирована неверной постановкой вопроса, который формулируется так: «Как в рамках существующей модели общественных отношений и государственной власти повысить эффективность государственного управления?». Но чтобы найти ответ на вопрос, его нужно сначала правильно поставить.

Данная статья посвящена обоснованию того, что в условиях необходимости реформ в обществе ему предлагается и через органы государственной власти уже около 20 лет протаскивается такая модель устройства общества и государства, которая выгодна лишь инициаторам глобализма – мировым финансовым игрокам, транснациональным корпорациям, странам базирования мирового капитала (Англии и США). И объективно назревшая административная реформа используется их сторонниками для того, чтобы намертво привязать территорию России к мировой хозяйственной системе на условиях, выгодных глобалистам. Поскольку же общество сопротивляется, то через государственную систему управления протаскиваются решения по «реорганизации» ключевых институтов (науки и образования, социальной сферы, систем жизнеобеспечения), которые сделают Россию полностью и навсегда беспомощной, несамостоятельной, безропотной. Именно эти цели преследуют силы, не видимые «невооруженным глазом». Поэтому не странно, что для народа и части элиты не очевиден позитив идущей административной реформы, она идет со скрипом – как же иначе, если живое общество (или человека) заталкивать в клетку или заковывать в колодки? Живое не хочет быть погребено и будет сопротивляться. Хотя сила сопротивления сегодня слабеет и в России, и в других странах СНГ, поскольку многие его активные слои разными способами «обращаются в новую веру» – англо-американский глобализм. Есть ли альтернатива России? Считаем, что альтернатива есть – это сама Россия.

СЕЛИВАНОВ Александр Иванович – д. ф. н., профессор

Перейдем к раскрытию и обоснованию данного тезиса. Современные трудности России – это результат системной ошибки, лежащей в основании проекта. Суть системной ошибки сегодняшнего национал-либерализма в том, что он продолжает оставаться либерализмом, оказываясь вне традиции России, против основной части народа. Противопоставив себя народу, национал-либерализм не может задействовать его потенциал и лишен этого дополнительного козыря в обострившейся борьбе с космополитическим прозападным либерализмом (в частности с «семьей»). В рамках либеральной доктрины мощность национально-государственных сил России изначально непропорционально мала по сравнению и со странами-конкурентами, и с транснациональными корпорациями на территории страны. Поэтому «борьба за Россию» в рамках либеральной парадигмы обречена на поражение и новый радикально прозападный либеральный переворот – лишь вопрос времени и «цвета».

Сегодняшняя ситуация в России имеет причины социально-материального и духовного характера. Основная духовная причина скрыта в ответе на эпохальный вопрос «Я или общество (народ, страна)», на который значительная часть российской элиты и некоторая часть общества (до 10%) выбрала ответ в пользу своего «я», личного благосостояния и богатства. Общество и государство для них стали лишь ресурсом обогащения и решения личных проблем. Такой «выбор», естественно, не берет в расчет ни антитрадиционность либеральной парадигмы для России, ни невозможность на ее основе обеспечить конкурентоспособность лично себя и страны в современных условиях. Однако он не учитывает некоторых обстоятельств, в особенности того, что посредством людей, стремящихся к реализации частных интересов, на территориях их стран начинают властвовать не государство и интересы общества, не местные нувориши, а международный финансовый капитал, интересы мировых деловых и финансовых групп, транснациональных и многонациональных корпораций (ТНК и МНК), интересы других государств. Международные деловые круги, без сомнения, сильнее местных представителей «клана богатых», потому они навязывают свою волю разными способами, добиваясь реализации своих интересов, радикально противоречащих интересам стран и народов[1]. Именно это и происходит в России, в том числе на протяжении последних двух лет, когда национал-либералы попытались проявить свою самостоятельность.

Начнем с некоторых общих положений. Ценностно-целевой установкой национально-государственного типа сообществ и управления является организация общественной жизни территорий и проживающих на них народов во всей совокупности материальных и духовных условий их жизни, функционирования, воспроизводства и развития культуры, человека, общества в целом. Поэтому стержневым принципом жизнеобеспечения является традиция, обусловливающая в том числе ориентацию на стратегические (удаленные) цели в управлении регионами.

Ценностно-целевой установкой корпоративно-сетевого типа сообществ и управления, лежащего в основе современного варианта глобализации, являются реализация частного интереса, функционирование и развитие конкретных хозяйственных корпораций, в особенности мировых финансовых институ-

[1] Дж. Сорос, которого невозможно заподозрить в антилиберализме, пишет: «Рынки... не способны сами по себе заботиться о коллективных потребностях. Не могут они обеспечить и социальную справедливость... Глобализация существенно ограничивает возможности государства по предоставлении общественных благ своим гражданам... Глобализация приносит общественные блага в жертву прибыли и накоплению частного богатства» (Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М., 2004, стр. 94–96). В отечественной научной литературе этот аспект кратко и точно изложен в статье мэра Москвы Ю. М. Лужкова. «Новые «геоэкономические отношения развиваются параллельно национально-государственным, – пишет этот авторитетный хозяйственник, – формируя параллельную систему мироустройства, которую так или иначе должны учитывать и в которой позиционируются государства. ТНК показали почти полную свою независимость от национальных государств. Власти нередко оказываются просто бессильными перед представителями международного капитала, которые не допускают инспекций, перемещают деньги со скоростью света, делают капиталовложения в различных уголках планеты, укрывают доходы в безналоговых зонах, вне поля действия государства... В этом смысле многие государства мира сегодня не контролируют даже свою национальную территорию» (Лужков Ю. М. Глобальные вызовы современности // Глобалистика. «Энциклопедия». М., 2003, стр. 240–244)

тов, ТНК, МНК (в смысле их владельцев)[1]. Это приводит к формированию негосударственных принципов организации во всем мире (ВТО, ВБ, МВФ...), ориентацию на решение тактических проблем, «созидание» исключительно по законам прибыли, а не по законам комплексной совокупности социальных интересов.

Обычно в пример приводят «успехи» США. Действительно, в ходе Второй мировой войны в США произошли гигантская концентрация капитала, обогащение этой страны на несчастье миллионов. И после войны она стала активно осваиваться капиталом как «страна базирования», тем более что в Европе народ бередили идеи социальной справедливости и социализма. Примитивный уровень духовного развития и приземленный прагматизм как основание мировоззрения у протестантских аборигенов Америки сделали ее наиболее удобной национально-государственной площадкой, постепенно превращенной буржуазией в «авианосец капитала». Сегодня США – это не страна в собственном смысле слова и потому она принципиально отлична от всех иных стран, это «территория базирования» капитала, созданная средь чистого поля политико-правового пространства, максимально удобного для функционирования и развития капитала. Как страна в целом она абсолютно неконкурентоспособна, живет в кредит у всего мира (ежедневные инвестиции в экономику США составляют 1,4 млрд. долларов, как следствие гигантский внешний долг – вот основной источник внешнего благополучия). Значительная часть самих американцев мечтает выйти из безумной гонки капитала, но сделать это невозможно – не они хозяева в своей стране. Другая сторона дела – капиталу, даже очень крупному, в современных конкурентных условиях невозможно выжить и быть эффективным без рычагов и ресурсов, имеющихся только у государства (в первую очередь военной силы). При этом государство должно быть «умным и послушным», и опять же США удобны для этого, тем более что государственная власть в США давно практически полностью подчинена американским деловым интересам. Поэтому «жизнь, как в США», невозможна ни в какой другой стране.

Более того, нужно однозначно утверждать – в сегодняшнем мире невозможно быть последовательным национал-либералом ни в одной стране (кроме Англии и США, где сконцентрированы основные мировые финансовые центры и которые являются «государственными гарантами» мирового капитала). Любой иной национал-либерализм обречен на уступки интересам мировых финансовых игроков и интересам «главных» стран в ущерб собственным национально-государственным интересам, благосостоянию и будущему своих народов. Остатки иллюзий должны рассеяться после череды трагических событий 2004 г. в России (в том числе терактов) и «цветных» государственных переворотов в странах СНГ. Основная задача этих акций – поставить под контроль государственную власть стран СНГ и особенно России, которая начала проявлять всего лишь некоторые несанкционированные «правителями планеты» инициативы по переделу собственности.

Итак, мировой капитал бросает вызов традиционному человеку и традиционным принципам национально-государственного устройства планетарного сообщества, пытаясь превратиться в мир-систему (И. Валлерстайн). Оплаченное согласие одних и подавленность других этим феноменом объясняют то, что многие отечественные исследователи и большинство политиков смирились с этой, действительно становящейся все более мощной тенденцией. Однако этот парадокс эпохи – столкновение традиции и анти-традиции, человека культуры и человека либерал-маргинального типа – не разрешен окончательно. Дискуссия лишь

[1] Большую роль в разных ситуациях в современном мире порой играют и другие типы корпораций – политические, профессиональные, этнические и т. д., однако они все чаще подчиняются стратегиям мировых финансовых институтов, ТНК и МНК. Корпоративные интересы небольших хозяйственных структур, тождественные по метафизической и социальной природе крупным корпорациям, не могут конкурировать с государством, поэтому говорить о них здесь мы не будем

[2] Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004 (систематическая британская и идеологически пробританская интерпретация глобализма); Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004 (по сути антиглобалистское исследование представителей левого движения в Европе)

разгорается, в том числе и в самой Европе[2]. Пока рано ставить крест на традиционных принципах организации социокультурного бытия, на традиционном (в современном смысле, в том числе как национально-государственном) типе культуры и человека, в том числе русского человека и русской традиции[1] в современной мировой ситуации.

В ситуации, сложившейся в современном мире, реализация национально-государственных интересов становится очень сложной и многоплановой задачей. И один из пунктов – формирование системы государственной власти, способной отстаивать такие интересы. Сегодняшние же реформы системы государственной власти России осуществляются под диктовку идеологов прозападного либерализма и глобализма, потому нацелены на ослабление государства в угоду деловым интересам мировых и отечественных финансовых групп, а также национальным интересам других стран. Именно поэтому либеральная доктрина административной реформы, основанная на копировании «успешного опыта США», изначально ложна и губительна для России. В стране не может быть эффективной государственной власти в рамках любой либеральной модели, она чужеродна и не может прижиться надолго, нанося только вред. Ибо государственная власть, устроенная на либеральных принципах, будет всегда слабой, бессильной и беззащитной как перед мировым сообществом, так и перед собственным народом. Поэтому основания проблемы повышения эффективности государственной власти скрыты отнюдь не в «перетасовке» полномочий органов власти и сочетании ее «ветвей» (перефразируя И. А. Крылова, европейской «музыки» от этого никогда не получится, как бы «музыканты» ни садились, потому что для этого надо родиться и жить в Европе). Затмевающая здравый разум любовь к Европе и нелюбовь ко всему российскому и русскому – вот главная причина неудач российских «реформ», нежелание понять, что различия между странами, в том числе формами организации их общественной жизни и государственной власти, лежат в первую очередь в их «содержании» – типе того человека, который организуется в конкретное общество и государство. Организация государства есть целостность, предполагающая единство его формы (в том числе политической и правовой) и содержания (качества народа и массы иных объективных природных, внутренних и внешних социально-культурных обстоятельств). И существует жесткая внутренняя обусловленность («логика») принципов организации и построения государства («формы») в зависимости от его «содержания». Это мало обсуждается в научной литературе, оставаясь сегодня идеологическим «табу». Однако никакие дискуссии вокруг проблемы «формы» (в том числе структуры государственной власти) не могут быть плодотворными вне обсуждения взаимосвязи с «содержанием». Попытаемся наметить путь рассуждения о поисках формы (и реформы) государственной власти, исходя из этого.

Современное западное государство имеет такие формы потому, что оно вырастает на основе принципа индивидуализма. Его основой и движущим началом является свободный разумный волящий индивид, усиленный протестантской реформацией (не вникая в специфику различных его периодов – аристократической эпохи Возрождения, разночинской эпохи Просвещения, буржуазной эпохи

---

[1] Современные этнологические исследования полагают единственно обоснованным определение национальной принадлежности на основе культурной идентичности, а не кровнородственной связи (см. особенно: Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001). Этим обусловлена и наша позиция полагания русским человеком не только и даже не столько представителя великорусского славянского типа, сколько духовно-культурного типа русского человека, сформировавшегося на протяжении столетий совместными усилиями многих этнических групп (понятно, с доминированием духовных оснований славянского мира) и на сегодня включающего в себя представителей большинства народностей России. При этом часто используемое понятие «российский человек» или «россиянин» шире по объему и действительно включает в себя узкоэтнические (как нежелающие осознавать себя пророссийскими) и различные антитрадиционные для России мировоззренческо-идеологические типы человека. Однако в итоге все они, кроме русского типа человека (в оговоренном выше смысле), носят на самом деле антироссийский характер – не только потому, что ориентируются на ценности иных культурных миров, но и потому, что в буквальном смысле отрицают самостоятельную и значимую ценность России и ее культуры. А также потому, что ни один другой тип человека (ни внутрироссийский, ни зарубежный) не сможет не только дальше развивать, но даже просто сохранить и обеспечить жизнь и функционирование человеко-природно-хозяйственного комплекса на территории, которая пока называется Россия

модерна и постмодерна). Самое главное: для Европы индивидуализм – это не лозунг, призывающий индивидов становиться активными, а отражение действительно существовавшей и все более усиливающейся со временем индивидуалистической мотивации активности как массового явления. Действительно, существующая индивидуалистическая мотивация активности европейского типа человека и соответствующая ему система ценностей – это базовый посыл социальной практики и теоретического поиска европейского разума[1]. Индивидуальная активность западного человека является определяющей движущей силой, доказавшей на практике свою эффективность и конкурентоспособность с людьми других типов культур[2], но только в сочетании набора качеств, присущих исключительно западному человеку (индивидуализм, инициативность, предприимчивость, циничность, ориентация на прагматические цели и т. д.). При организации жизни на планете на основе принципов, удобных западному человеку, он всегда будет в выигрыше, потому что в других странах человек такого типа – редкость. Причем главное основание «редкости» – совсем не инициативность и предприимчивость (ее и у других народов хватает), а отчужденность и цинизм в отношении другого человека или народа и жесткая ориентация на прагматические материальные цели как главный смысл жизни.

Поскольку доминирующие черты западного человека именно таковы, то соответственно выстраивается организация общества и государства как его форма. «Свободный индивид» на основе общественного договора (теоретически осмысленного уже Т Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и другими) организуется в общество, формирует государственную власть, на основе этого же «договора» делегирует часть полномочий органам государственной власти и управления. Доминантой заботы со стороны общества и государства в таком типе социума становятся индивидуальная активность и личная свобода. Поэтому государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь, в частный бизнес и т. д., мешать им. Оно должно быть только инструментом, помогающим организовывать частные интересы (отсюда такая битва между рыночниками-либералами и государственниками на Западе даже в сегодняшних условиях, хотя без государственных рычагов поддержки уже не могут быть достаточно эффективными даже крупные корпорации). Это – сущность процесса государствообразования в европейских странах, которая позволяет понять и объяснить все организационные решения.

Каковы основные функции государства для западного типа людей? Ряд общественных функций – оборона, внешняя политика, строительство больших объектов и инфраструктуры, непосильных частным лицам и даже корпорациям (опять-таки в случае рентабельности построенных объектов – передача их управления в частные руки), антикризисное регулирование, соблюдение законности и др. Это задачи исполнительной власти. Таким людям еще нужна организация правил общежития во избежание «войны всех против всех», в том числе регламентирующая полномочия государства и принципов его взаимодействия с основным субъектом права – индивидом – это задача закона, как следствие – возникает и совершенствуется законодательная власть. Для соблюдения закона и разрешения возникших конфликтов между отдельными индивидами или их организациями на основе закона нужна судебная власть. Однако деятельность государства постоянно контролируется индивидами, объединенными в различные общественные и профессиональные организации, отражающие интересы разных групп граждан, формируя институты гражданского общества («четвертая власть»), выполняющего функции «обратной связи» в системе управления. Эффективными инструментами гражданского общества являются СМИ, выборы, организованные общественные волеизъявления и прочее. Отсюда западная форма государства – исполнительная, законодательная, судебная ветви власти и контроль со стороны гражданского общества. Эта модель государственной машины создана, как видим, в полном согласии с природой западного человека, она есть продукт исторического разви-

[1] Для понимания этого достаточно прочесть книгу А. А. Зиновьева «Запад»

[2] Отметим, что точно так же можно говорить о конкурентоспособности людей других культур при иных «правилах игры» и в иных ситуациях

тия, постоянно эволюционируя с целью приспособления к новым внутренним и внешним условиям, но остающаяся тождественной себе в основных принципах. «Рациональность» и «системность» этой модели в результате пропаганды западного образа жизни обретает черты привлекательности, представляется законченной и совершенной с точки зрения постороннего наблюдателя[1]. Эффективности пропаганды способствует «живой опыт» – «раз у американцев получилось – должно получиться у всех», правда, с умалчиваемым дополнением – только если этот любой переедет в Америку и станет подобен американцам.

Такой (западный) тип государства в отечественной научной литературе получил название номократического, что вполне точно отражает его современную форму. Однако содержание его надо определить как персоналистическое (индивидуалистическое) государство.

А теперь о том, почему эта модель не может быть создана и не может быть эффективной ни в какой другой стране, в особенности в России.

Начнем с того, что в отечественной научной литературе выделяются еще два типа традиционных государств – восточный тип, получивший название этократического, основанного на власти обычая, и идеократический тип, основанный на «власти идеи» (он присущ особенно России). Оба эти типа государства по своему содержанию – не общества «граждан-индивидов», а коллективистские, тотальные общества, хотя они отличаются друг от друга по принципам тотальности: идеократия – это общество «коллективов-ячеек», ориентированное на поиск идеи и последующую организацию жизни общества вокруг нее, этократия – общество «коллективов-родов», основанное на соблюдении обычаев (предков).

Однако вопрос о принципиальном отличии указанных трех типов государства в России незаметно отошел в сторону, переведя дискуссию из научного поля в псевдонаучные рассуждения о «правильном сочетании исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти и их реформе». Спрашивается, зачем нам нужно обсуждение этой чисто западной проблемы? Ведь она не имеет никакого отношения к России. Вопрос об идеократическом характере российского государства решен однозначным образом, что подтверждается всеми текстами русской культуры на протяжении ее истории и всей исторической практики[2]. Поэтому для России имеет научную значимость лишь обсуждение проблемы о том, какую форму должно иметь идеократическое государство в современных условиях.

К сожалению, дальше этой констатации и критики чужеродного номократического типа государства исследования идут крайне редко, не переходя в область теории и практики государственного строительства. Однако развитие теории здесь жизненно необходимо. Предложим краткий абрис такой теоретической конструкции.

Идеократия – это власть идеи, соответственно такой тип организации и развития общества и системы государственного управления, который основан на первенстве идеи (духа). Поэтому одна из основных проблем заключается в осмыслении природы идеи и ее внутренней структуры. Специально подчеркнем, что здесь речь идет не о содержательном наполнении идеи, а о ее необходимых «конструкционных блоках», то есть именно о внутренней структуре.

Идея в себе триедина: идея-смысл (высшее назначение, предельный смысл, ценности и идеалы), идея-цель (содержание идеи в конкретный исторический период как перспектива будущего), идея-средство (форма, осуществление идеи в областях экономики, политики, права, морали, религии как средства достижения цели). Отметим взаимную пронизанность трех компонентов идеи, как следствие принципиальную значимость для идеократических систем не только «как» жить и «что» делать, но и «зачем», «для чего».

В последние 20 лет об идее-смысле и идее-цели вообще ничего не говорится, а

[1] Кратко отметим, что сегодня уже не факт, что западная модель наиболее эффективна. Например, если исходить из критерия синергетической эффективности, под которым понимается соотношение затрат на входе системы и результатов в развитии самой системы, может оказаться, что западная система наименее эффективна, поскольку затратные параметры в ней зашкаливают по сравнению с другими цивилизациями

[2] Об этом писали большинство русских мыслителей. См. анализ этой и связанных с нею проблем в нашей работе: А. П. Андреев, А. И. Селиванов. Русская традиция. М., 2004

идея-средство (в качестве которой нам предложены либерализм и рынок) преподносится как «цель», вводя общество в заблуждение. За этим ложным фасадом скрывается действительная цель части элиты – ее частные интересы, обеспечение благосостояния и богатства конкретных персон. Эта цель никак не пересекается с интересами общества в целом.

Построим модель идеократического государства. Такое государство должно формулировать и принимать за основу деятельности коллективные общезначимые идеи, некоторые коллективные перспективы. Без такой идеи общество гибнет, распадается на атомы, превращаясь в деструктивную массу либо попадая под влияние чужеродных идей и социальных организмов. Формулировать эти цели должны духовная элита и верховная государственная власть. Появляется потребность в харизматиках (М. Вебер), пассионариях (Н. Гумилев) идейного типа, вождях, которые выполняют функции постановки идей, движения общества в их осуществлении и контроле их исполнения. Верховная власть всегда принадлежала духовно-социальным лидерам – царям, императорам, генсекам, ныне должна по идее принадлежать президенту. Следовательно, верховная власть в таком типе общества – это не элемент исполнительной власти, а власть, стоящая над всеми ветвями власти, задающая общие направления движения и контролирующая всю систему государства и общества, и носитель такой власти не может быть наемным чиновником. Далее. Рядом с правителем должны находиться «мудрецы», формулирующие, шлифующие идеи и механизмы их реализации (в разные эпохи это были вещуны, священники, старцы, поэты, писатели, философы, другие универсальные мыслители).

Исполнительная власть в таком государстве выполняет функции разработки технологий реализации идеи, их осуществления, контроля процедур и результатов, корректировки, сверки с идеями и решениями верховной власти.

Представительная власть также имеет свою специфику – во-первых, она формируется не как представительство частных интересов (прямые выборы), а как представительство коллективов и территорий, во-вторых, у нее не одна (законодательная), а три основные функции: 1) участие в разработке и обсуждении целевых программ; 2) диагностика целей, программ и технологий на предмет определения соответствия возможностям общества, регионов, хозяйственных единиц, то есть она выполняет функцию «обратной связи», отражения настроений, корректировки «перегибов» и «пережимов», роль «термометра» общественных настроений (то есть вытерпит или не вытерпит народ) на Западе, вспомним, эту функцию выполняют институты гражданского общества; 3) формулировка правил общественной жизни (в том числе и законов, но не только их, поскольку для такого типа человека закон часто совсем «не указ»), согласовывая их с идейно-целевыми установками верховной власти.

Судебная власть носит сугубо вспомогательный характер. Кроме того, в таком типе государства она по определению руководствуется не только и не столько законами (правом), сколько соответствием действий людей – идеям и целям, потому обычно судебная власть превращается в исполнителя воли руководства (именно отсюда пресловутое «телефонное право» и т. д.).

В природе этого общества нет места институтам гражданского общества, поскольку такое государство не предполагает активности и контроля со стороны индивидов, но лишь со стороны коллективов и территорий (организованных в представительную власть). Это доказывается новейшей историей России – институты гражданского общества за 20 лет не созданы и не будут созданы никогда.

Однако необходим идейно-духовный контроль над верховной властью с целью экспертизы соответствия ее установок и принципов деятельности (формы и содержания) основным смыслам идеи. Функции такого контроля, корректировки реализуются через совещательные органы, состоящие из духовных авторитетов нации, религиозных либо секулярных в зависимости от эпохи (не путать с сегодняшними «духовными самозванцами», заполонившими СМИ), а также через низовые общинные механизмы (коллективные обсуждения, сходы, собрания, Советы).

Народ в обществе такого типа выступает как ресурс мобилизации для осуществления идеи, что требует духовной то-

тальности, значительной степени единомыслия и единодушия усилий (поэтому идея не может быть «частной»). Для идейной мобилизации государство формирует специальные институты пропаганды и агитации, технологии социальной мобилизации. Поэтому и СМИ даже сегодня воспринимаются в обществе как институт пропаганды, а не как инструмент гражданского общества то есть контроля со стороны индивидов и права гражданина на информацию.

Вот и все «тайны» природы этого типа государственной власти, которая лишь и может быть эффективной в организации жизни общества и человека в стране по имени Россия. Лишь это может сделать страну и ее народ конкурентоспособными. Это одновременно и вытекает из истории, и объясняет ее – отсюда понятно, в частности, почему наиболее «прорывными» были эпохи Петра I и Сталина, понятна и бесперспективность сегодняшней модели[1]. Такой стране и такому народу нужны великая коллективная цель и соответствующие ей формы организации. Такая страна и такой народ не могут ни жить, ни выжить ради частных целей, какими бы «возвышенными» они ни были – телевизоры, казино и ночные клубы, дачи, яхты или футбольные клубы. И пока новая великая коллективная цель не будет поставлена во главу общественной жизни, невозможны его функционирование и развитие.

Остается лишь добавить несколько слов о «содержании» идеи. Коллективная цель для России может быть сформулирована лишь в рамках русской традиции, являющейся стержнем российской цивилизации. Вне и без русской традиции Россия невозможна. Даже попытки воссоздать некоторые элементы организации государственной власти вне традиции в целом не дадут позитивных результатов. Таким образом, в России только воспроизводство идеократической модели в рамках русской традиции может обеспечить создание сильного конкурентоспособного государства, способного отстаивать свои национальные интересы и интересы своих граждан в мировом сообществе, позволит создать сильную и эффективную государственную власть.

---

[1] Сейчас говорят, что мы отстаем, что у нас все «постарело», что социальная и материальная база остались на уровне 80-х и потому теперь нет другого выхода, как осуществлять непопулярные реформы. Резонный вопрос – а кто находится у власти с середины 80-х годов и ответствен за это? А также уверенный прогноз – продолжение избранного курса не создаст позитива и за последующие 20 и более лет

Владимир ЗАХАРОВ, Абай ТАСБУЛАТОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В современном мире наблюдаются весьма противоречивые, даже в чем-то взаимоисключающие, но ведущие в конечном итоге к одному и тому же результату – углублению системного кризиса национально-государственного мироустройства – процессы.

Первый процесс связан с политической и экономической глобализацией, приведшей к деформации модели общества, основанной на идентификации национальных культур, определявших в свою очередь национально-государственную структуру международных отношений. Происходят децентрализация и перераспределение властных полномочий от государства к региональным и внегосударственным системам. Так, например, создание наднационального Европейского союза имеет следствием для стран-членов очевидное «размывание» их государственного суверенитета и самого государства как политико-правовой сущности. Европа, являвшаяся до недавнего времени оплотом традиций национальной государственности, ныне представляет собой яркий, но не единственный пример этого нового явления. Мировая политическая и экономическая система в условиях развития процесса глобализации, взаимозависимости ее частей оставляет отдельным государствам все меньше места для самостоятельности, то есть для суверенитета. Одновременно перераспределение государственных функций происходит и на уровне более мелких административно-территориальных единиц самих государств. В результате этого процесса возник новый структурный элемент в системе международных отношений, получивший название «Европейский регион». Кроме него, в настоящее время выделяют Евразийский, Ближневосточный, Юго-Восточный и Азиатско-Тихоокеанский регионы.

Второй процесс вызван все более явственно проступающим гегемонизмом США как единственной после развала СССР сверхдержавы. В результате, как полагают в Соединенных Штатах, Америка заняла доминирующие позиции в четырех, имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями; в области экономики, где ее доля в общем объеме мирового промышленного производства составляет более 30%, Америка является основной движущей силой мирового развития; в технологическом отношении имеет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется беспрецедентной привлекательностью. И хотя в США все еще продолжается теоретический диспут о том, отвечает ли интересам самих Соединенных Штатов их мировое лидерство, в практике укрепляются позиции тех политиков, которые процесс глобализации рассматривают как выполнение Америкой трех обязанностей типичной имперской геостратегии: постоянное расширение своего влияния на вассалов, создание системы зависимости безопасности этих вас-

ЗАХАРОВ Владимир Михайлович – д. воен. н.

ТАСБУЛАТОВ Абай Булекбаевич – к. и. н.

салов от безопасности метрополии и недопущение объединения варваров.

Третий, дезинтеграционный процесс обусловлен принципиальной «инаковостью» культур народов, антагонизмы между которыми очень легко разжигаются на фоне проблем глобального ресурсного кризиса, выявленного еще «Римским клубом», а также борьбы за рабочие места. Кроме того, взрывообразная урбанизация привела к разрушению традиционных семейных и родовых связей, падению уровня социальной защищенности, а информационная революция перевела экономику из сферы материального производства в «виртуальную» духовную сферу. Широкие массы оказались вовлеченными в политику в условиях качественного изменения самого субъекта политических процессов, связанных с появлением и распространением в обществе принципиально новых видов информации. В целом этот процесс проявляется в нарастающем неравенстве экономического развития и сохраняющихся культурных и конфессиональных различиях, в результате которых мир все более разделяется на два полюса, которые на Западе определяются как противоборство «христианской англосаксонской цивилизации богатого Севера» и «афро-азиатской мусульманской цивилизации бедного Юга». Этот процесс наблюдается не только на уровне «полюсов», но и в регионах, и даже отдельных государствах.

Четвертый процесс обусловлен позицией тех стран, которые с одной стороны – считают, что, перефразируя известную формулу Роберта Браунинга, «возможности Америки дотянуться до чего-либо не должны автоматически давать им возможность это что-то схватить», а с другой – обеспокоены наличием нестабильных регионов. Поэтому возникают альтернативные США геополитические центры, где лидерами являются государства, авторитет которых вытекает не столько из сопоставимости их экономических и военных возможностей с США, сколько из важности местоположения в регионе.

Все перечисленные как наиболее значимые процессы ведут к нарастанию между различными структурными элементами системы международных отношений (как имеющих, так и неимеющих признанную государственную субъектность) конфликтов интересов (пересмотр социально-политического статуса), ценностей (различие в понимании того, что является правильным или важным) и идентификации (отождествление субъекта с определенной, отличной от других группой). Причем все чаще эти конфликты пытаются разрешать средствами вооруженного насилия.

Хотя, как и раньше, в основе такого вооруженного насилия лежит борьба за нефть, территорию, транспортные коммуникации, рабочие места и другие ресурсы (в самом широком понимании этого слова), конкуренция за которые как в отдельных регионах, так и на планете в целом обостряется, кризис национально-государственного мироустройства привел к возникновению существенно новой ситуации. Знаковым явлением в ней стало втягивание различных государств в вооруженные конфликты, в которых начинает воплощаться в жизнь концепция «мятежевойны» (термин, введенный бывшим офицером царской армии, эмигрантом Евгением Месснером), характеризующаяся тем, что в ней государству противостоят вооруженные структуры, не имеющие государственной субъектности. При этом вооруженным насилием охватываются огромные пространства, в вооруженной борьбе отсутствует выраженная линия боевого противостояния, в военные действия вовлекаются широкие круги гражданского населения и в ней отсутствует единый центр политического и военного управления.

Если в межгосударственных войнах объектом воздействия в конечном итоге являются правящие элиты, для которых, по меткому замечанию знаменитого военного мыслителя XVIII в. К. Клаузевица, война является «деловым предприятием правительства», то в вооруженном конфликте объектом воздействия становится все население.

Соответственно в конфликте субъектом вооруженного насилия (а значит, и субъектом предстоящего его мирного урегулирования) выступает уже не только государство в единстве его институтов, а этнические, этнорелигиозные, политические и даже криминальные организации и движения.

Если войнам и вооруженным конфликтам, носящим международный характер, присущ эволюционный процесс их развития, то в вооруженных конфлик-

тах, не носящих международного характера, этот эволюционный, «просчитываемый» процесс нарушается. Для этих условий особо актуальной и важной становится задача разработки основанного на полной и объективной информации прогноза о вероятном поведении внегосударственных субъектов международных отношений, вступивших в вооруженную конфронтацию с государством.

В этой связи специалисты в области военной конфликтологии уже предложили ряд теорий, которые в основном базируются на анализе и моделировании функциональных взаимосвязей в иерархических системах, например, таких, как теории бюрократических (в зарубежной научной литературе этот термин не носит негативного оттенка) или институциональных взаимоотношений, модели принятия решений, в том числе и на высших уровнях политической и военной иерархии, теории кризисного реагирования и т. д. Однако предметом этих теорий является по существу работа государственных исполнительных механизмов, и ни одной из них пока еще не удалось дать полное объяснение или надежный прогноз развития стратегии действий внегосударственных, надгосударственных и внутригосударственных структурных элементов системы международных отношений, каждому из которых свойственна собственная логика развития. При этом «индивидуальность» субъекта находит вполне конкретное выражение в специфичности выбора перспективных вариантов стратегии своих действий, а так же в характере восприятия своего места в системе международных отношений.

Перевод вооруженного конфликта из сферы межгосударственных отношений в область «нетрадиционных» войн сделал проблематичным использование не только традиционных форм и способов вооруженной борьбы, но и созданных к настоящему времени систем тяжелых вооружений. Однако наметившаяся тенденция на перенос военно-политического противостояния с глобального на более низкие уровни еще не означает, что надо кардинально менять всю стратегию военного строительства государства, так как его Вооруженные силы обязаны обеспечивать военную безопасность во всем спектре прогнозируемых военных опасностей и угроз, в котором всегда присутствуют не только относительно локальные вооруженные конфликты, но и крупномасштабные войны.

Проблема адекватности военного строительства складывающимися реалиями международной обстановки особенно актуальна для России, где последнее десятилетие завершившегося столетия характеризуется как период упущенных исторических возможностей к осуществлению осмысленной военной реформы, составной частью которой должен был стать ДКБ. Эта военная реформа могла бы стать своеобразным «локомотивом» для эффективных экономических, социально-политических и прочих «перестроек» как в нашей стране, так и в странах Содружества. Такая значимость военной реформы объясняется не только тем, что армия олицетворяет международный авторитет державы, уходящий глубокими корнями в историческое прошлое, но и тем, что ее строительство и содержание относятся к основным статьям государственных расходов, что, помимо всего прочего, обеспечивает нормальное социальное и экономическое существование любой страны. Вооруженные силы тысячами нитей связаны со всем обществом и неблагополучие в них самым болезненным образом сказывается на всей государственной «машине». Не случайно поэтому системный кризис военной организации российского государства воспринимается в обществе как крах демократических реформ.

Одна из главных причин этого системного кризиса связана с потерей ориентиров в военном строительстве, в результате чего в категорийный аппарат теории безопасности было введено такое понятие, как «неопределенность» в отношении военных опасностей и угроз. Однако достаточно очевидно, что концепция реагирования на неопределенность в отличие, например, от конкретно ориентированных и в каком-то смысле оптимизированных концепций баланса сил предопределяет и неопределенность реакции на них.

Следствием системного кризиса стала попытка строительства «универсальной» армии, способной отразить любую гипотетическую военную угрозу. При этом еще ключевым словом такого строительства стало «дешево». Беда, однако, в том, что как каждый очередной министр, так

и каждое очередное правительство это «удешевление» видели по-своему.

Таким образом, ликвидация последствий системного кризиса военной организации государства требует в первую очередь преодоления неопределенности в отношении военных опасностей и путей их парирования.

Почти традиционно принято считать, что все эти вооруженные конфликты, в том числе и внутренние, типа чеченского, носят скоординированный характер и все более приобретают черты некой большой войны, ведущейся по единому замыслу и плану на нескольких театрах военных действий. При этом, так как западно-европейское сообщество стало считать себя в праве регламентировать международную безопасность, исходя из своих представлений о ней, деформирующих фундаментальные понятия о суверенитете государства и невмешательстве в его внутренние дела, то вопрос о «кукловоде», многим кажется достаточно очевидным, поскольку на такую роль претендуют в первую очередь Соединенные Штаты, которые не только стали подменять ООН, но и возвели вмешательство в ранг своей официальной внешней политики.

Однако ось конфронтации из идеологизированной сферы экономического и военно-политического соперничества между «коммунистическим Востоком» и «капиталистическим Западом» сместилась в плоскость планетарного противоборства, связанного с выше обозначенными процессами, приведшими к тому, что современную систему международных отношений стало уже невозможно рассматривать только как продукт объединения некоторого конечного числа «наперед заданных», «неразъемных», «сформированных» субъектов-государств, в которой государственный суверенитет является единственным признаком системной «выделяемости». Поэтому и военные опасности стали исходить не столько от государств — потенциальных противников, сколько от отдельных зон и целых регионов политической нестабильности. Кстати, Евразия, большую часть которой занимает Россия, как раз и относится к одному из наиболее нестабильных регионов.

Страны, расположенные в других, относительно стабильных регионах, например, в Западной Европе, в первую очередь стремятся «отгородиться» от нестабильного соседа, а затем и получить политические, экономические и прочие дивиденды от такой нестабильности. Поэтому не следует удивляться ни тому, что НАТО расширяется на Восток, ни тому, что Россию не хотят видеть в Североатлантическом альянсе.

Таким образом, военные опасности и угрозы для стран СНГ следует связывать не только и даже не столько с политикой конкретных сопредельных государств, сколько с собственной политической нестабильностью. Представляется важным перенести в нем акценты с создания единого оборонного пространства, ориентированного на отражение внешних военных опасностей и угроз, на создание пространства, ориентированного на обеспечение внутренней политической стабильности. Другими словами, изменить вектор усилий, направленный во вне, на реализацию возможностей по управлению кризисами (проведение специальных полицейских операций, осуществление политических и экономических мер, препятствующих эскалации конфликта).

В этом контексте, говоря о перспективах российско-казахстанского военного сотрудничества, ориентированного на создание полноценного военно-политического союза, следует отметить, что соотношение военных сил в этом регионе в целом пока остается благоприятным для России, которая из всех ведущих мировых держав имеет реальную возможность в сжатые сроки наращивать здесь сухопутные, военно-воздушные и военно-морские группировки. Следует отметить также, что высшие военные учебные заведения России, в которых преподаются оперативное искусство и тактика, опирающиеся на имеющийся богатый боевой опыт ведения военных действий по наведению конституционного порядка и учитывающие особую специфику центрально-азиатского театра военных действий, выгодно отличаются от военных вузов других стран.

Поддержание в интересах национальной безопасности стран СНГ военной инфраструктуры возможно путем сохранения и расширения российского военного присутствия в регионе Центральной Азии. Применительно к Казахстану речь идет о дальнейшем развитии практики аренды военных объектов. При этом одновременно решаются две задачи: прое-

цируется военная мощь России на постсоветском пространстве и благодаря созданию для стран СНГ новых источников доходов делается более привлекательными интеграционные процессы.

Хорошие перспективы имеет и военно-техническое сотрудничество России и Казахстана, которое следует рассматривать в рамках деятельности по достижению конкретных его целей: первая – укрепление военно-политических позиций в центрально-азиатском регионе; вторая – поддержание достаточно высокого уровня экспортного потенциала; третья – развитие научно-технической и экспериментальной базы оборонных отраслей промышленности, научно-исследовательских учреждений и опытно-конструкторских бюро; четвертая – получение валютных средств на государственные нужды, в том числе развитие военного производства, конверсии, уничтожения (утилизации) вооружений и военной техники; пятая – обеспечение социальной защиты персонала организаций, разрабатывающих и производящих вооружение, военную и специальную технику и имущество.

Что касается первой цели, то первоначально целесообразно сконцентрироваться на решении задач, связанных с модернизацией, ремонтом, продлением ресурса имеющихся у Казахстана вооружений и военной техники, в подавляющем большинстве советского и российского производства. Министерством обороны России разработана концепция модернизации вооружений и военной техники в процессе их капитального ремонта, что, по оценкам, на два порядка дешевле, чем создание новой техники.

Россия может расширить поставки вооружений и военной техники в Казахстан. В этой связи следует отметить, что к 2005 г. в российские Вооруженные силы поступят около 450 образцов новых вооружений (началось серийное производство 220 образцов ВВТ, находящихся на завершающей стадии испытаний, а также 230 образцов, принимаемых на вооружение).

В свою очередь поддержание достаточно высокого уровня экспортного потенциала зависит от объективных процессов развития средств вооруженной борьбы и реальных политических и экономических условий. Они требуют при проведении военных НИОКР и производстве современного вооружения тесного взаимодействия и сотрудничества с промышленно развитыми странами, к которым относится и Казахстан. Путем мобилизации ресурсов и интеграции ВПК наши страны способны разрабатывать конкурентоспособные на международных рынках образцы продукции военного назначения. Это делает актуальным развитие межгосударственного сотрудничества в области стандартизации и каталогизации предметов снабжения Вооруженных сил. Причем не только в рамках СНГ, но и с учетом выхода на международные рынки вооружений – с США и НАТО.

Необходима совместная нормотворческая деятельность, результатом которой должны стать: закладка долгосрочных перспектив стабильного развития отношений между ВПК России и Казахстана, урегулирование вопросов взаимодействия на международных рынках вооружений, а также определение основных направлений содействия вооруженным силам Казахстана в оснащении соединений и частей вооружением и военной техникой, отвечающей современным стандартам. Одновременно, как свидетельствует опыт ведущих стран – экспортеров оружия (США, Франция, Германия, Великобритания), необходимо сохранить монополию государства в области военно-технического сотрудничества даже в условиях действия объективной тенденции на расширение прав предприятий – производителей продукции военного назначения.

Для успешного продвижения совместно производимой военной продукции на мировые рынки (в том числе нетрадиционные для России и Казахстана) необходимо выявить перспективные ниши мирового рынка оружия, разработать научно обоснованные маркетинговые стратегии (в том числе на уровне предприятий разработчиков и производителей продукции военного назначения), инвестировать инновационные разработки и экспортно ориентированные предприятия, провести военно-экономический анализ экспортных цен на продукцию военного назначения.

Все это позволит России и Казахстану достигнуть и остальных целей военно-технического сотрудничества: получение валютных средств и обеспечение социальной защиты работников национальных ВПК.

Роман АБРОСИМОВ

ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Развитие современного общества неразрывно связано с процессами обеспечения государственной безопасности. Проблемы обеспечения безопасности стояли перед человечеством во все времена. Ошибки, недостаточно продуманные решения, принятие несопоставимых и противоречащих нормативно-правовых актов, обеспечивающих безопасность государственности, могут иметь катастрофические последствия глобального характера и нанести серьезный ущерб безопасности государства. Важнейшим инструментом формирования государственной политики в области безопасности является право. Право представляет собой фундамент, закрепляющий основы государственной безопасности.

В настоящее время в России сложились различные мнения о правовом регулировании в области государственной безопасности. Обеспечение безопасности государства регулируется различными нормативно-правовыми актами, основными из которых являются Конституция РФ и закон № 2446-1 «О безопасности»[1]. Понятие безопасности государства как системы мер по защите интересов страны, общества и человека вошло в политическую практику Российской Федерации лишь с принятием данного законодательного акта.

В настоящем законе было впервые в истории отечественного законодательства дано понятие безопасности в отличие от ранее существовавшего понятия государственной безопасности, также в законе закреплен приоритет обеспечения безопасности личности, определены правовые основы обеспечения безопасности общества и государства, установлена система безопасности и ее функции, определен порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности.

В соответствии с законом «О безопасности» безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

17 декабря 1997 года Указом президента Российской Федерации № 1300[2] (в редакции Указа президента РФ от 10 января 2000 г. № 24[3]) утверждена концепция национальной безопасности Российской Федерации. В концепции проведен анализ основных тенденций развития современного мира, определяя одновременно роль и место Российской Федерации в нем. Рассмотрены основные направления

АБРОСИМОВ Роман Юрьевич – к. ю. н., Департамент экономической безопасности МВД России

[1] «Ведомости СНД и ВС РФ». 1992, № 15, ст. 769

[2] Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ). 1997, № 52, ст. 5909

[3] СЗ РФ. 2000, № 2, ст. 170

5 Заказ 5130

интересов личности, общества и государства. Уделено немало внимания характеру и содержанию основных факторов, представляющих угрозу безопасности России в экономической, военной и социальной сферах.

В концепции дано определение «национальной безопасности». В соответствии с концепцией под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации и защиты национальных интересов государства. Национальные интересы России — это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной и международной сфере.

Вместе с тем сама концепция является не нормативным документом, отражающим систему взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в различных сферах жизнедеятельности[1].

В современной научной литературе пока не сложился единый терминологический ряд теории обеспечения государственной безопасности. На практике это приводит к различному толкованию тех или иных положений, выводов, рекомендаций, касающихся сферы государственной безопасности. Термин «национальная безопасность» заимствован у США и впервые определение данной терминологии использовалось в Послании президента РФ Федеральному собранию РФ 1996 г. «О национальной безопасности»[2], а затем в 1997 г. в Концепции национальной безопасности. Появление данного термина в юридических источниках произошло на фоне проникновения в российскую правовую практику иностранной лексики. Это наблюдалось и ранее, до окончания холодной войны и происходило в основном под влиянием американских предложений и переговоров.

Есть мнение, что, используя данную терминологию, необходимо понимать содержание, которое за ними скрывается. Некоторые используют термины «национальная безопасность», «национально-государственная безопасность», при этом вкладывая разный смысл в эти понятия (мир между нациями, совокупность безопасности личности, общества и государства и т. д.).

Некоторые авторы предлагают смягчить националистические тенденции и предлагают новые термины, такие, как «общенациональная безопасность», «национально-государственная безопасность» и др.

Следует отметить, что в научных разработках понятие «национальная безопасность» встречается крайне редко. На наш взгляд, введение понятия «национальная безопасность» не приемлемо в России. Для Российской Федерации как государства, в состав которого входят различные народности и религиозные конфессии, необходимо воздержаться от введения в научную терминологию понятий данного содержания. При формировании политики государства необходимо учитывать многовековой опыт формирования России как многонационального государства, где основой существования является уважение к другим народностям и культурам.

Нельзя не согласиться, что в концепции также уделяется внимание межнациональным отношениям: «энтоэгоизм, энтоцентризм и шовинизм, проявляющийся в деятельности ряда общественных объединений, способствует усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма, что создает условия для возникновения межнациональных конфликтов». В этой связи в современных условиях ответственность законодателя очень велика.

Необходимо обратить внимание на то, что в Конституции России даже понятия о «национальной безопасности» не содержится. В Основном законе государства говорится об «общественной безопасности», «государственной безопасности», «безопасности государства», «безопасности граждан».

На наш взгляд, использование такой терминологии в разработке целого комплекса доктрин и программ, посвященных безопасности государства, может быть неоднозначно воспринято в российском обществе.

---

[1] Варламов В. Ю. Каким быть закону о национальной безопасности? // Право и безопасность — 2004, № 1(10)

[2] Дипломатический вестник. 1996, № 7, стр. 33

Следует также отметить, что термин «национальная безопасность» размывает сферу деятельности правоохранительных органов и отодвигает на второй план выполнение ими задач и осуществление свойственных им функций.

Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти действуют государственные органы обеспечения безопасности – правоохранительные органы. Одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов является обеспечение экономической безопасности государства.

Правовые нормы, закрепляющие принципы, то есть основополагающие начала обеспечения государственной безопасности, устанавливающие ее задачи, признаны служить правовой основой при разработке отдельных федеральных законов, регулирующих деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России).

В соответствии со ст. 12 закона «О безопасности» силы обеспечения безопасности государства включают в себя все силовые структуры, в том числе и МВД России, осуществляющее свои функции в соответствии с действующим законодательством.

Выявление, предупреждение и пресечение преступлений в экономической сфере – одно из основных направлений деятельности МВД России. Экономические и налоговые преступления подрывают политику государства во всех сферах жизнедеятельности общества, являются тормозом в развитии и нормальном функционировании бюджетной и налоговой системы государства. Данные преступления угрожают экономической безопасности государства и касаются каждого гражданина.

В структуре МВД России до недавнего времени была сформирована Федеральная служба по экономическим и налоговым преступлениям (ФСЭНП), в состав которой входили Главное управление по налоговым преступлениям (ГУНП) и Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП). На ФСЭНП МВД России были возложены задачи по выявлению, предупреждению и пресечению экономических и налоговых преступлений, возмещению материального ущерба и пополнению бюджетов всех уровней, выявлению скрытых и организованных форм экономической и налоговой преступности, документированию источников финансирования террористических организаций и бандформирований.

В 2003 году ФСЭНП МВД России выявлено 2509 преступлений налоговой направленности, из них 2174 – в крупном и особо крупном размере. Общая сумма причиненного ущерба составила 15,9 млрд. рублей, сумма возмещенного ущерба по возбужденным уголовным делам составила 3 млрд. 316 рублей, к уголовной ответственности привлечены 650 человек.

За первую половину 2004 года подразделениями ФСЭНП было выявлено 9235 преступлений экономической направленности, в том числе 6353 налоговых преступления, из них тяжких и особо тяжких 2970. Возмещение материального ущерба на момент возбуждения уголовных дел обеспечено на 50,8%.

Создание ФСЭНП МВД РФ значительно повысило эффективность работы МВД России в сфере пресечения налоговых и экономических преступлений.

В целях исполнения указов президента Российской Федерации проведена реформа и реорганизована структура МВД. В результате на базе ФСЭНП создан департамент – Департамент экономической безопасности (ДЭБ) МВД России. Функции ФСЭНП переданы вновь созданному департаменту и направлены на укрепление экономической безопасности РФ.

Пока деятельность ДЭБ МВД России регулируется законом «О милиции», Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», законом № 86 – ФЗ[1] от 30 июня 2003 г. и другими нормативными актами.

Реформирование МВД в целом и создание Департамента экономической безопасности связаны с общими вопросами совершенствования государственного управления в Российской Федерации. С указанными реформами вносится изменения в правовую базу, в рамках которой предстоит осуществлять деятельность ДЭБ МВД России и способствовать декриминализации российской экономики.

[1] «Российская газета», № 126, 01.07.2003

Сегодня государство объективно заинтересовано в существовании мощной правоохранительной структуры, результативно борющейся с экономическими и налоговыми преступлениями. Преступления экономические зачастую связаны с налоговыми, именно поэтому сегодня главная задача – объединить силы по выявлению, документированию и расследованию экономических и налоговых преступлений.

Однако, по мнению ряда аналитиков, затянувшаяся реформа МВД и слияние ГУНП и ГУБЭП в один департамент – это следующий шаг к созданию самостоятельной структуры – «финансовой полиции», о которой неоднократно упоминалось в силовых ведомствах после ликвидации Федеральной службы налоговой полиции РФ. Возможно, в новую структуру будут переданы все функции и возложены задачи по выявлению, предупреждению, пресечению налоговых и экономических преступлений, совершаемых во всех сферах экономики России.

Евгения ЦВЕТКОВА, Николай КОРОЛЬКОВ, Сергей ФРОЛОВ

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ: ИЗ СВЕТА В ТЕНЬ?!

Март был насыщен множеством деталей, которые позволили по штрихам воссоздать очень необычную для России последних лет картину. Анализ информационного пространства показывает, что за относительным внутриполитическим затишьем скрываются неуверенность верховной власти в незыблемости своего положения и назревающий раскол российских элит.
С начала 2005 года мы наблюдаем развитие новой тенденции: федеральная власть постепенно снижает свое присутствие в информационном пространстве страны. Это выражается как в количественных показателях (снижении индекса освещения ряда знаковых фигур), так и качественных (снижение в целом информативности новостей о деятельности федеральных органов власти). СМИ все больше сосредотачивают свое (а значит, и граждан страны) внимание не на политических решениях, принимаемых федеральным центром, а на критике региональных властей, борьбе с преступностью, успехах в борьбе с терроризмом и разного рода чрезвычайных происшествиях. Эти темы, без сомнения, актуальны. Но успех в борьбе с данными негативными явлениями зависит в первую очередь от работы федеральных органов власти. А вот как раз степень освещения этой работы снижается. Особенно показателен в этом плане март. Главное внимание в марте СМИ уделяли ликвидации Масхадова, ситуации в Корякском автономном округе, неудавшемуся покушению на Чубайса и перевороту в Киргизии.

Что таит внешняя стабильность российской власти?

Как видно из представленной диаграммы, индексы освещения почти всех основных фигур, олицетворяющих российскую власть, в марте значительно снизились по сравнению со средними показателями второй половины 2004 года (данная тенденция проявлялась и в феврале). Из традиционных лидеров внимания прессы только у Германа Грефа индекс освещения практически сохранил свой прежний уровень. Несколько завсегдатаев первой десятки 2004 года – Александр Жуков, Сергей Иванов, Михаил Зурабов, Сергей Миронов в марте уступили свои места в списке лидеров лицам, отнюдь не являющимся представителями исполнительной или законодательной власти РФ. Это жертва неудавшегося покушения Анатолий Чубайс, фигурант нашумевшего судебного процесса Михаил Ходорковский и глава «Газпрома» Алексей Миллер. При этом если внимание прессы к А. Чубайсу действительно резко возросло, то М. Ходорковский и А. Миллер попали в десятку наиболее интересных для СМИ персон за счет снижения индекса освещения представителей власти.

Особенно знаменательно падение индекса освещения президента Владимира Путина – в марте в 1,6 раза (а в феврале в 2 раза)

ЦВЕТКОВА Евгения Геннадьевна, КОРОЛЬКОВ Николай Анатольевич, ФРОЛОВ Сергей Николаевич – аналитики Санкт-Петербургского института перспективной политики

---

* Совместный проект журнала «Власть», Санкт-Петербургского института перспективной политики (http://www.spbipp.ru.) и Фонда информационных технологий (http://www.fitspb.ru)

по сравнению со средним показателем второй половины 2004 года, а также премьера Михаила Фрадкова.

При этом говорить о недостаточном интересе прессы к персонам, олицетворяющим верховную власть, едва ли уместно. Верховная власть в России интересует журналистов уже только потому, что это верховная власть. И именно она через свои механизмы работы со СМИ определяет ту или иную степень своего минимального присутствия в информационном пространстве. Иначе говоря, президенту и премьеру не надо убеждать прессу освещать их деятельность: был бы информационный повод, а журналист напишет. Поэтому снижение индекса освещения ключевых фигур российской власти свидетельствует не просто об уменьшении информационного потока, идущего от власти к СМИ, но о намеренном ограничении властью количества информационных поводов для журналистов.

Это обеднение российского информационного пространства произошло за счет уменьшения освещения внутриполитических вопросов, в первую очередь темы стратегии социально-экономического развития и связанных с ней проблем. При этом по-прежнему остались представленными в СМИ внешнеполитические вопросы, операции силовых ведомств, правонарушения, культура и особенно коррупция региональных властей. В то же время информирование о работе федерального центра по социально-экономическим и политическим вопросам в марте стало абсолютно поверхностным, беглым, формальным, почти сходящим на нет. Это особенно заметно в сравнении со второй половиной 2004 года, когда СМИ активно оповещали россиян обо всех этапах и даже нюансах обсуждения и принятия целого ряда законопроектов (особенно касающихся социальных и политических реформ), и градус интереса к деятельности власти журналисты поддерживали на высоком уровне даже летом, в период отпусков.

Произошедшие в информационном пространстве России перемены не могут быть следствием снижения актуальности внутренних проблем. Напротив, как показала практика, вступление в силу принятых в прошлом году законов не только не сняло проявившихся в ходе их обсуждения противоречий, но еще больше обострило эти противоречия. Однако в марте и даже уже в феврале можно было наблюдать, что рядом с российскими социально-экономическими проблемами все чаще ставятся фамилии региональных руководителей (вспомним широкое освещение судебных процессов над руководством Корякского АО и прочими) и все реже упоминаются федеральные власти.

Все указывает на то, что центральная власть стремится уйти в тень, не привлекать внимания к своей внутриполитической деятельности (равно как и к ее отсутствию, так как отсутствие деятельности власти — тоже информационный повод для СМИ). Чем это вызвано?

Данная тенденция начала развиваться после январской «революции пенсионеров». Можно было бы предположить, что федеральная власть решила «уйти в подполье» в страхе перед народом. И необходимо признать, что до сих пор эффективно действующая в России практика предвыборных технологий и успешное использование административного ресурса, гражданская пассивность населения, а также последние победы «Единой России» на региональных выборах (уже после январского социального взрыва) способствуют утверждению покровительственно-пренебрежительного отношения нашей власти к народу.

Поэтому серьезную настороженность у современных российских правителей могли вызвать не столько волнения масс, сколько осознание того, что в стране, более того в верхах появились реальные силы, способные направить эти массы против власти.

Такими силами не могут быть нынешние бутафорские оппозиционные партии. Они как были статистами в разыгрываемом наверху спектакле, так ими и остались. К тому же своим так называемым политическим оппонентам действующая власть всегда успешно противопоставляла интенсивную пропаганду самой себя. Замалчивание проблем и активный пиар как знаковых фигур, в первую очередь президента, так и выгодных элитам идей — таков был стандартный ответ российской власти на любые трудности и способ протаскивания любых реформ, как, например, она и поступила в 2004 году. Сейчас же она реагирует иначе.

С другой стороны — стоит обратить внимание на один примечательный

факт: глава Минэкономразвития Герман Греф в марте заявил, что к 2008 году государство должно избавиться от всего «лишнего» имущества. Иными словами, финансово-экономический блок правительства торопится приватизировать все, что еще можно приватизировать до окончания срока правления президента В. Путина.

Это может означать только одно: недовольство действующей властью назрело среди самих элит. Точнее – элиты расколоты на ту часть (очевидно, меньшую), в интересах которой действует финансово-экономический блок правительства, и другую часть, которая этими действиями, как и попустительством президента в отношении Грефа и Кудрина, крайне недовольна.

В последние годы российские элиты, при всех внутренних противоречиях и столкновении интересов, в целом старались группироваться вокруг президента Путина и поближе к президенту Путину, избегая вступать в противоречия с ним. И вот появилась новая тенденция. Выражение недовольства курсом страны и властью со стороны элит уже звучит в СМИ (даже члены правительства не стесняются демонстрировать раскол внутри правящего кабинета). Однако пока оно не приобрело больших масштабов и целенаправленности, в противном случае индекс упоминания В. Путина был бы значительно выше, чем сейчас. По-видимому, недовольная часть элит пребывает в стадии осмысления происходящего в стране и определения собственных дальнейших действий.

Со своей стороны Греф и компания пользуются моментом, чтобы как можно больше преуспеть на своем поприще, стараясь оттянуть то время, когда они встретятся с активным противостоянием другой части элит. При этом нынешние реформаторы, очевидно, не рассчитывают задержаться у власти после окончания президентства В. В. Путина (на что указывает, например, план избавления от «лишней» госсобственности до 2008 года).

Однако необходимо признать, что и препятствия на пути формирования гражданского общества, и развернутая на их фоне работа по «патриотическому воспитанию», и молчаливое поощрение радикальных борцов за «порядок» – все это способствует продлению политической жизни финансово-экономического блока действующего правительства, сохранению статус-кво. Ведь подлинное гражданское общество – это общество, способное контролировать власть и реально влиять на нее. Неудивительно, что чувство самосохранения побуждает российских правителей чинить препятствия формированию такого общества в нашей стране. Чтобы понять, как это происходит, достаточно опять-таки обратиться к прессе.

Нет, мы не собираемся здесь изобличать власть в установлении цензуры и подавлении свободы слова. Гораздо эффективнее и опаснее прямых ограничений свобод для пробуждения гражданского сознания народа та игра с подменой понятий, которая развернута в СМИ и осуществляется журналистами на высоком творческом уровне, а значит, в соответствии с их собственными представлениями, совершенно искренне и добровольно (ибо работа против собственной воли и совести по крайней мере для большинства творческих людей чревата резким падением уровня творчества). Впрочем, и представители власти, вбрасывающие в информационное пространство заведомо лживые идеи и лозунги, часто отстаивают их с такой железобетонной верой в глазах, что непонятно, где заканчивается неискренность политика и начинается глупость.

Приведем здесь лишь некоторые из расхожих стереотипов, витающих в российском информационном пространстве и исполняющих роль мин-ловушек для массового сознания на его пути к гражданскому обществу.

Один из американских президентов некогда предложил своему народу выбор: свобода или защищенность. И до сих пор, уже в современной России не устают вспоминать об этом противопоставлении как о непререкаемой истине, хотя нетрудно заметить, что оно от лукавого (и это давно поняли в той же Америке, что следует, например, из знаменитого «нового курса» Ф. Рузвельта). Ведь если в обществе человек не чувствует себя защищенным, а тем более если ему угрожает опасность (например, потери достатка, работы или даже жизни), то он уже не свободен в своих действиях, выборе, мыслях. Вопреки сложившемуся стереотипу свобода и защищенность не только не противоречат друг другу, но напротив –

гражданская свобода в полной мере невозможна без защищенности. Однако лозунг «Свобода или защищенность» стоит у истоков разрушения социальной системы России (и отчасти даже разрушения самого СССР) и до сих пор остается чем-то вроде догмы, не подвергаемой сомнению.

Другая сомнительная идея, любимая российской властью, – «диктатура закона». Без уточнения, что за закон, кто его установил и чьи интересы он защищает. Просто «диктатура закона» – и все.

Если закон защищает интересы граждан страны – это благо. Но если закон антинароден? А опасность такая существует, ведь законы в современной России в основном пишут очень далекие от народа чиновники, а принимают не менее далекие от него парламентарии. Массы же лишь оказываются перед фактом того, как власть их «облагодетельствовала».

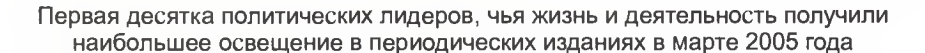
Курьезно при внимательном рассмотрении звучит популярный лозунг «Отнять и поделить или работать и зарабатывать». Это было бы смешно, если бы не было так грустно, но вся постсоветская история России демонстрирует, что именно те, кто удачно и вовремя «отнял и поделил», впоследствии успешно «работают» и хорошо «зарабатывают».

Очень много подмен понятий, касающихся непосредственно развития демократии в нашей стране. Так, падение явки на выборы расценивают как неготовность народа к демократии или даже ее неприятие (как несоответствующей традициям народа, якобы склонного к рабству), вместо того чтобы искать изъяны в политической и избирательной системах и кандидатах. Что же касается растущего недоверия народа к власти, то это не крах демократии в России, как принято считать, а наоборот – благоприятный посыл к формированию гражданского общества. Ибо любовь к власти и безграничная вера в нее – свойства рабского менталитета. В основе же демократии лежит именно недоверие масс к правителям и осознание потребности в контроле над ними.

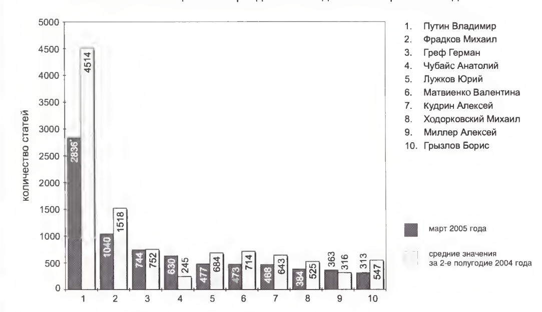
Наконец верх лицемерия политиков – это попытки противопоставить демократию и порядок. Именно СМИ сыграли решающую роль в том, что россияне стали воспринимать понятия «свобода», «демократия» и «вседозволенность», «хаос», «анархия» как тождественные. И как просто всему этому «демократическому беспределу» противопоставить некий «порядок», такой же опасный своей неопределенностью и многоликостью, как и вышеупомянутая «диктатура закона». Ведь порядок в интересах народа, то есть такой, какого большинство россиян, собственно, и желает, должен естественным образом устанавливаться в процессе развития гражданского общества и подлинной демократии. А порядок вместо демократии – это уже звучит угрожающе. Имена любителей подобного рода порядков типа Гитлера, Муссолини, Мао, Пиночета долго остаются на слуху у народов разных стран. Потому-то тот «порядок», который проталкивают в массовое сознание в качестве альтернативы уродливой системы, называемой в современной России демократией, у думающих людей вызывает как минимум настороженность.

Однако основной массой народа, не столько неспособной, сколько непривычной к анализу обрушиваемого на него информационного потока, идея «порядка» как альтернативы «демократического беспредела» заглатывается охотно. Тому способствуют сложные чувства, с которыми россияне встречают 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Низкий уровень жизни масс и поражение нашей страны практически на всех направлениях ее современной деятельности выглядят особенно унизительно на фоне успехов тех, кого Советский Союз победил в той войне. В данной ситуации определенная ностальгия по СССР как сильной державе, в которой был порядок, – вполне естественна. И эти чувства подогревают СМИ, например, через целую серию фильмов, посвященных той эпохе, способствуя тем самым и пропаганде идеи порядка вместо демократии или как вариант порядка прежде демократии, что по сути то же самое.

Этой же цели успешно служит пропаганда силовых методов решения чеченской проблемы. Так, в марте СМИ очень большое внимание уделяли теме ликвидации Масхадова, хотя для думающих людей очевидно, что на обстановку на Кавказе это событие едва ли повлияет. Мы не отрицаем необходимости ликвидации лидеров террористов. Однако без работы, направленной на уничтожение идеологических корней терроризма (а

Первая десятка политических лидеров, чья жизнь и деятельность получили наибольшее освещение в периодических изданиях в марте 2005 года

Анализ прессы проведен на основе информации, предоставленной Фондом информационных технологий

* Индекс освещения политика показывает количество статей, где упоминается данная персона. Исследование охватывает более 300 основных периодических изданий страны

этой работой российская власть полностью пренебрегает), место убитого лидера боевиков очень скоро займут несколько новых, еще более кровавых. Мечтам народа о порядке способствуют и различные криминальные хроники, к которым журналисты проявляют повышенный интерес. Например, неудавшееся покушение на А. Чубайса стало чуть ли не главной темой месяца (уступив разве что перевороту в Киргизии).

Неудивительно, что на данном эмоционально-информационном фоне становятся все более востребованными массами такие сторонники «порядка» и простых (и на первый взгляд, даже выполнимых) решений, как партия «Родина», движение «Наши», и тому подобные. Эти организации с одной стороны – приобретают популярность благодаря тем стереотипам, которые витают в информационном пространстве, формируемом СМИ при содействии власти; с другой стороны – вносят свою лепту в пропаганду этих стереотипов, тем самым все более затуманивают массовое сознание россиян, отдаляя наш народ от гражданского общества и как следствие способствуют неизменности существующей политики. Ведь пока массы верят в то, что кто-то сверху установит благоприятный для них порядок, до тех пор они не поймут, что и установление порядка, и контроль над властью надо брать в свои руки, а значит, в сторону гражданского общества мы не двинемся.

Не менее опасна, чем идея порядка вместо демократии, активно внедряемая сейчас в информационное пространство России тема патриотизма в его узком понимании. Патриотизм – любовь к Родине – естественен для большинства людей. Потому-то он часто эксплуатируется как властью, так и разного рода структурами, особенно радикального и экстремистского толка, что можно наблюдать сейчас и в нашей стране.

История показывает, что святыми патриотическими чувствами народов частенько злоупотребляют политики, чьи действия впоследствии, после прихода к власти оборачиваются тяжкими испытаниями для поверивших в них масс. Но

если радикалы используют идеи патриотизма с целью прихода к власти, то действующая власть разворачивает кампанию по «патриотическому воспитанию», напротив, чтобы удержаться и законсервировать устаревшие принципы своей политики.

Также поступает и нынешняя российская власть. На продолжающееся падение уровня жизни значительной (если не основной) массы населения она отвечает развернутой в СМИ пропагандой идеи любить Родину, какой бы убогой она ни была, принимать ее такой, какая она есть. О том же, что истинный патриотизм должен состоять в концентрации всех сил граждан для возрождения страны и прежде всего построения счастливого будущего для народа – об этом власть предпочитает молчать, ведь иначе встанет вопрос о ее собственной роли в деле возрождения народного счастья. Гражданская активность масс нашей власти ни к чему. А сторонникам активного патриотизма предлагают израсходовать свои силы в армии.

Патриот должен, по мнению власти, делать одно – выполнять команды, служить государству, умирать по его приказу.

Еще один интересный момент: служение народу как-то незаметно подменено служением государству. А ведь это не одно и то же (особенно если государство антинародное). Получается, что патриотизм в интерпретации власти – это не обязательно любовь к Родине, но непременно любовь к государству, власти.

В действительности настоящий патриот, любящий Родину и свой народ, рано или поздно должен прийти к построению государства в интересах народа, то есть демократическому. Но если пропагандируется, что любовь к государству, каким бы оно ни было, превыше всего, то такое «патриотическое воспитание» чревато установлением одного из тех порядков, при которых России как минимум гарантирована роль сильно отстающей в развитии страны с нищим народом.

Таким образом, узкое понимание патриотизма непатриотично. Любовь к Родине легко может сыграть роль тех благих намерений, которыми выстлана дорога в ад. Чтобы избежать этого, необходимо четко ответить на вопросы о том, каким именно мы хотим видеть будущее нашей страны, нашего народа, каким путем мы пойдем к этому будущему и где гарантии, что в конце этого пути нас ждет исполнение наших желаний, а не зловонный тупик мировой истории. А патриотические чувства пусть придают силы для одоления намеченного пути, а не затуманивают мозги.

Итак, без преодоления стереотипов, которыми наполнено информационное пространство России, она не приблизится к формированию гражданского общества, способного реально влиять на власть. В то же время массы могут стать тем рычагом, при помощи которого оппозиционная часть элиты сместит действующих правителей. Поэтому рост недовольства курсом страны именно среди элит вызывает у действующей власти как минимум беспокойство. Хотя учиться на собственных ошибках, как и на ошибках соседей по СНГ, российская власть не собирается.

Однако как это ни парадоксально звучит, но «засорению мозгов» подвержены не только массы, но и сами элиты, и активной гражданской позиции и веры в свои силы не хватает не только рядовому населению, но и «небожителям». В российских верхах глубоко укоренились стереотипы, связанные с азиатскими привычками отношения к вышестоящему во власти. Этим объясняется повальное (как эпидемия) стремление представителей элит быть поближе к президенту, наблюдавшееся в последние годы. Эти же азиатские привычки лежат в основе нынешней пассивности недовольных.

Президент В. Путин, очевидно, понимая сложное состояние российских элит, не преминул «бросить им кость». В частности, он в марте согласился сократить срок давности по приватизационным сделкам с 10 до 3 лет. Это приятный подарок как для сторонников Грефа, так и для противников, но он не снимает всей остроты противоречий.

Наконец главная проблема, с которой сталкиваются недовольные нынешней политикой правящего кабинета элиты, – это отсутствие реальной стратегической альтернативы. Если действующая федеральная власть не имеет стратегии социально-экономического развития страны, то очевидно, что элиты, до сих пор ожидавшие решений президента и правительства, сами над данным вопросом даже не работали. Этим может отчасти объясняться их нынешняя растерянность и видимая политическая пассивность.

Излишне напоминать, что российская политическая оппозиция в этих вопросах помочь – увы – ничем не может.

С другой стороны – штрихи к портрету российской власти, так отчетливо обозначившиеся в мартовской прессе, показывают, что эта власть уже не стремится найти и предложить обществу каких-либо серьезных решений, способных обеспечить качественный позитивный скачок в развитии страны. Наши правители лишь отвлекают внимание населения на частные вопросы, чтобы выиграть время и тем самым обеспечить себе возможность отступления с максимальной выгодой для себя. Российская власть, по-видимому, уже не верит в свои силы и в свою способность что-то существенно изменить.

Поэтому дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от того, насколько элиты, недовольные действиями лидеров государства, смогут определиться с вопросом эффективной современной стратегии социально-экономического развития России. Если это произойдет, мы будем наблюдать создание принципиально новой политической силы, которая станет претендовать на власть в стране. В противном же случае нас ждет приход к власти несистемных или радикальных политических организаций, которые, несомненно, смогут использовать эксплуатацию святых чувств народа и его недовольство действующей властью для своей пользы. Однако едва ли эти политические силы знают, как возродить Россию, и уж тем более наивно рассчитывать, что они будут способствовать развитию подлинной демократии и гражданского общества.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЛАСТИ

В начале 2005 г. в издательстве «Академический проект» в рамках федеральной целевой программы «Культура России» вышла «Энциклопедия власти»*.

Ее автор – известный российский ученый Вячеслав Филиппович Халипов, многие годы занимающийся созданием и развитием новой науки – кратологии (по названию автора) – фундаментальной, целостной, комплексной, единой науки о власти.

КРАТОЛОГИЯ (англ. cratology, от греч. kratos – власть, сила, господство, могущество и logos – слово, учение) – это новая, наконец-то оформленная и одна из важнейших социальных (гуманитарных) наук – наука о власти, ее роли в общественной жизни человечества, о закономерностях ее происхождения, функционирования и развития, о типах и видах власти и их специфике, ее субъектах, объектах, источниках, носителях и факторах, целях, функциях, задачах, системах, структурах, механизмах, технологиях и антитехнологиях, нормах и принципах, сути и особенностях разделения властей, взаимодействия власти с другими сферами жизни и властей разного рода между собой, а также с зарубежными властями.

Объект кратологии – власть, прежде всего государственная власть и другие многочисленные и разнообразные типы, роды, виды, формы, сферы и проявления власти.

Предмет кратологии как науки – основные явления, принципы и закономерности власти как важнейшей области реального мира.

Возникновение кратологии исторически предопределено существованием и развитием таких явлений и понятий, как демократия, аристократия, бюрократия, плутократия, охлократия, теократия, геронтократия, технократия, партократия (свыше 80 явлений, непосредственно связанных с проявлениями власти в разных сферах жизни).

Для понимания и осмысления исходного греческого понятии «kratos» представляет интерес словарь французского ученого Э. Бенвениста (1902–1976). (См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995, стр. 284–291.)

Понятие «кратология» впервые предложил и использовал в печати В. Ф. Халипов в октябре 1991 г. (см.: Партийная жизнь. 1991, № 19, стр. 44) и с тех пор широко применяет его в своих публикациях.

Кстати говоря, использовать в печати новое название и начать разработку целой области знания (тем более относящейся к власти) в былые советские времена можно было только после специального решения (и разрешения) высших органов правившей партии.

Создание кратологии как науки оказалось возможно лишь в новой России в 90-е годы XX в. Но работу эту автору непосредственно пришлось вести в основном в одиночку.

Так, в ответе на обстоятельную записку в президиум РАН 22 января 1992 г. о необходимости разработки кратологии было высказано только понимание существа вопроса. Не поддержал заявки по кратологии на конкурсе осенью 1992 г. и Госкомитет по народному образованию.

Однако с 1995 г. положение стало меняться. Вопрос в ноябре 1995 г. обсуждался в президиуме Российской академии естественных наук. Министерство образования РФ включало в свои планы исследования по кратологии в 1997–1999 годах.

Автор издал в 1995–2005 годах пятнадцать книг по кратологии, в том числе две в Нью-Йорке на русском языке.

Сегодня кратология – это уже сформировавшаяся, новая, самостоятельная и целостная система знаний, включающая в обширную систему нуждающиеся в безотлагательной специальной разработке общую кратологию, историю власти, философию власти, теоретическую, практическую, прикладную и сравнительную кратологию, социологию власти, логику власти, психологию власти, этику власти, специальные кратологии.

А всего это более семидесяти областей и отраслей знания.

Русскоязычный аналог понятия «кратология» в буквальном смысле слова –

* В. Ф. Халипов. Энциклопедия власти. Издательство «Академический проект», 2005 г., 1056 стр.

властеведение (властезнание). Для кратологии, для широкого круга ее проблем применительно к обществу, наличие развивающейся мировой и, собственно, российской системы гуманитарных наук — важнейшее условие и залог расцвета ее собственной проблематики.

Лишь на базе осмысленных научно достоверных (а не надуманных, утопических, фантастических) знаний об обществе, на основе верной методологии анализа и прогнозирования путей и вариантов его развития сможет в полный голос заговорить, уверенно и основательно рассуждать и сама кратология.

Преодоление отставания социальной теории от осмысления действительного состояния общества, его глубинных тенденций, нынешних болезненных процессов и завтрашних перспектив очень важно и для кратологии, и для образующих ее обширную систему разнообразных отраслей и областей знаний.

Кратология как новая наука, практически делающая свои первые шаги, особо нуждается во внимании, поддержке и ученых, и властных структур, и средств массовой информации.

Объектом внимания и забот самой кратологии, обогащения ее интеллектуального содержания могут и должны стать разнообразные идеи, теории власти, учения о власти, то есть разнообразные учения разных мыслителей разных веков и народов по вопросам власти. Они, наши предшественники, порой небезуспешно пытались разгадать тайну и раскрыть сущность власти — этого фундаментального явления, выявить ее принципы и законы, обобщить опыт, нащупать пути совершенствования, продления сроков господства, общения с населением, гражданами, их обуздания, а при возможности и необходимости и привлечения на свою сторону (Солон, Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон, Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Дж. Вашингтон, К. Маркс, М. Вебер, В. Парсонс, Б. Н. Чичерин, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский и многие другие ученые).

В этой совокупности знаний интересны и, собственно, властные идеалы как прошлого, так и современные, то есть комплексы высших целей и устремлений, провозглашаемых конкретной властью, а также система представлений у людей о возможностях, достоинствах, которые они хотели бы видеть у власти и властителей да и в самых близко к ним, к гражданам, стоящих органах власти.

В общей характеристике кратологии, как и любой другой из наук, существенно важны не только ее объект, предмет, но и ее цели, задачи, черты, особенности, функции, методы, категории.

Среди целей кратологии — выяснение сути, природы, условий, основ, состава (комплекса) властей и возможностей их использования; определение подлинных (и закулисных) действующих субъектов, объектов (их замыслов, расчетов, взаимосвязей, комбинаций и взаимопереходов), их силы, мощи, влияния, возможностей эффективного воздействия на реальную среду, сферу, людей и обстановку; установление принципов, закономерностей, отслеживание (мониторинг) тенденций развития конкретных явлений, сил, процессов, движений, их вероятных трансформаций, эволюции, стадий и финалов; изучение меры, степени, масштабов воздействия внутренних и внешних факторов на идущие преобразования, трансформации, их влияния и их отпечатка, возможности перемен и их направленности и т. д.; здравая, трезвая, непредвзятая оценка истинного состояния власти и науки о ней, наличной информации, учет возможных и имеющих порой здесь место ошибок, просчетов, отклонений, хитростей, обманов, подлогов, самых неблаговидных деяний и замыслов, ибо власть — не дом отдыха, а сфера активной динамичной деятельности и очень часто многоплановой, жесткой, беспощадной борьбы.

Если вести речь о чертах и особенностях властей, властителей и наук о власти, то и конкретным лицам, и этим наукам, и их представителям должны быть присущи профессионализм, масштабность взгляда, кругозор, строгость и объективность оценок и исследования, содержания и выводов; соответствие теории и практики, умение отразить подлинные, коренные, глубинные процессы властной деятельности и научно их истолковать, а говоря по-современному — получать информацию, накапливать и анализировать ее, пользоваться ею.

Это в свою очередь требует и независимости поисков и суждений ученых от своекорыстных интересов тех или иных властей или властителей. Именно это и

оказывалось веками камнем преткновения в учениях о власти, и лишь все большая демократизация жизни общества приоткрывает такую возможность и снимает препятствия на пути утверждения научных взглядов на власть.

В нашу эпоху растущей информатизации общества и интернационализации связей и отношений государств и народов кратология и сама должна обретать своего рода интернациональный характер, обобщать, анализировать опыт различных государств и народов.

В числе функций кратологии – познавательная, информационная, регулятивная, прогностическая, а также обучающая и воспитывающая. Кратология пользуется многими такими же методами, как и другие социальные (общественные) науки: сбор (кратологической) информации, наблюдение, анализ документов, анкетные опросы, интервьюирование, экспресс-опросы, эксклюзивные интервью, аналитические исследования, прогностические разработки, труды и поиски в архивах и т. д.

Обширен у кратологии и понятийный, категориальный аппарат. Подчеркнем прежде всего общность многих категорий, понятий с такими гуманитарными науками, как философия, право, политология, социология, психология.

Понятно, что до самостоятельного выделения кратологии многие из ключевых ее понятий были широко признаны, распространены и фигурировали в качестве понятий философских, политологических и правоведческих наук.

Но если всерьез создавать кратологию, то, конечно, необходимы и процесс дальнейшего серьезного отбора, накопления, и классификация соответствующего категориального аппарата. В этом случае уже можно толковать категории теории власти (кратологии) как те основные научные понятия, которые на деле выражают наиболее общие свойства и связи явлений и процессов в сфере власти и политической жизни. И это в свою очередь позволяет выдвигать вопрос о кратологическом тезаурусе по аналогии с другими областями знания.

В целом в области кратологии (в ее различных отраслях и областях) правомерно выделять около пяти тысяч понятий, терминов, категорий, устойчивых словосочетаний, которыми в первую очередь описывается многогранная, как и многовековая, властная практика.

Кратология – это система наук о власти, то есть по существу вся упорядоченная, классифицированная характеристика всего многообразия видов и форм властей, выделения, размещения, построения разнообразных наук о власти, их подразделения на соответствующие отрасли (подотрасли, области), выявление их взаимосвязей, взаимозависимости и способности полно, в известном смысле исчерпывающе, всесторонне охарактеризовать изучаемый массив знания, как это и сделано в энциклопедии.

Сегодня кратология предстает как общая сумма, целостный комплекс образующих ее кратологий другого порядка, меньшего уровня и масштаба. А собственно, теорию, науку об этой совокупности представлений, знаний о комплексе областей, отраслей, несущих конкретные знания о власти, мы полагаем возможным, нужным и обоснованным назвать общей кратологией.

Конечно, в назревшей задаче упорядочения всей системы кратологических знаний еще ждут серьезного внимания исследователей проблемы анализа, сопоставления, классификации разнообразных доктрин и концепций власти, учений о власти, теорий власти. Впрочем так же ждут еще и немалых (не только национальных, но и международных) усилий и язык, лексикон, глоссарии власти, словари и энциклопедии власти да и сами монографии в этой области знания.

Приводя в порядок интересующие нас знания, нужно учесть, что объективно здесь может быть использовано несколько разных подходов, и следует определиться, на каком из них необходимо остановиться, что предпочесть, где приложить усилия.

Такого рода систематизацию разнообразных областей знаний о власти можно вести: во-первых, в зависимости от основных сфер жизни общества (например, экономическая, социальная, государственная, духовная, военная власть и т. д.); во-вторых, в связи с основными этапами, эпохами жизни человечества и конкретных стран и соответствующих им властей (устройствами власти) от древнейших времен до наших дней; в-третьих, с учетом своеобразия, особенностей современного устройства власти

в различных государствах, на разных континентах, принимая во внимание национальные, исторические и другие особенности; в-четвертых, в зависимости от выяснения и выделения конкретных социальных институтов, объектов, в которых имеют место проявления власти (национальная, военная, партийная, церковная, семейная, школьная, личная и т. д.).

Путь, который предпочтителен, связан прежде всего с выделением в фокус внимания, собственно, государственной власти и всесторонностью ее анализа на основе обширного опыта других наук, оправдавших себя приемов упорядочения и классификации научных знаний.

Фактически объективно к сфере кратологии – науки (и наук) о власти ближе всего сфера права, правоведения и в значительной мере политологии. У этих наук разветвленная, а у права практически весьма рациональная, многими веками наработанная и упорядоченная структура и очень интересный как мировой, так и отечественный опыт.

При этом система права (а в мире она насчитывает более 130 отраслей и областей) вырабатывалась постепенно, последовательно обретая все новые, необходимые знания, обогащались и новыми областями и отраслями, учитывая национальные (государственные) и межгосударственные особенности.

Интересен опыт и других наук. В исторической науке наряду со всеобщей историей, историософией, историографией существуют, естественно, и история России и каждого из государств, а также истории, например, Средневековья, нового, новейшего времени и т. д., а всего это 70 областей и отраслей науки.

Весьма многогранными предстают педагогика и психология. Многие десятки областей и отраслей знания (в целом в современном мире до 250) насчитывает социологическая наука.

Именно все это и дает основание в такой сложной, многогранной и первостепенно важной сфере, как наука о власти, ставить и решать вопрос масштабно, комплексно, основательно, энциклопедично, с позиций всего современного знания, как это и делает профессор В. Ф. Халипов.

В целом энциклопедия дает многогранную яркую картину государственной и множества негосударственных типов и видов власти.

Энциклопедия охватывает три разные, относительно самостоятельные части: 1) теория и практика власти (25 тем), 2) терминотека (словарная) и 3) антологическая (обращение примерно к шести десяткам мыслителей-ученых и правителей, рассуждавших о целях, пользе, особенностях власти и ее трудных и уязвимых сторонах и особенностях).

По энциклопедии можно высказать отдельные замечания, но они носят частный характер.

Хочется пожелать, чтобы как можно больше читателей, особенно работающих в сфере власти, ознакомились с новой энциклопедией и использовали ее в своей практической деятельности.

Д. А. КЕРИМОВ,
член-корреспондент
Российской академии наук

СПОРТ ПРОТИВ НАРКОТИКОВ

Под таким девизом в начале марта в столичном спортивно-оздоровительном комплексе «Чайка» прошел первый московский детский марафон «Чайка против наркотиков». Его инициатором стала некоммерческая организация «Фонд «Чайка» против наркотиков», созданная в сентябре 2004 года. Основной задачей деятельности фонда являются подготовка и реализация программ и различных мероприятий по профилактике наркомании среди молодежи и подростков путем привлечения их к спортивно-оздоровительной деятельности.

Перед началом марафона прошел «круглый стол» на тему «Физкультура и спорт – против наркомании среди молодежи». Его открыла президент фонда Ирэна Михайловна Чернэ. Она отметила, что целью проведения первого московского детского марафона является популяризация спорта и здорового образа жизни среди молодежи, особенно учащихся школ и других учебных заведений. Она также добавила, что ее лично как мать не может не волновать проблема роста наркомании среди юношества, так как здоровье детей и создание здорового общества – это главная забота всех матерей.

О необходимости борьбы с наркоманией среди молодежи и привлечении их к спорту говорил также генеральный секретарь союзного государства П. П. Бородин. А директор Департамента Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, генерал-лейтенант полиции А. Г. Михайлов отметил, что применение только силовых мер без общественной поддержки и развития спортивных альтернатив через институты гражданского общества не может решить проблему наркомании среди молодежи.

Председатель центрального совета ВДО «Спортивная Россия», трехкратная олимпийская чемпионка Ирина Роднина отметила растущую готовность в нашем обществе всеми средствами бороться с растущей наркоманией ради здорового будущего страны и нации. Сразу после своего выступления И. Роднина подписала с президентом фонда «Чайка против наркотиков» И. М. Чернэ соглашение о сотрудничестве и проведении совместных программ.

В работе «круглого стола» приняли участие также представители Совета Федерации, Московской городской думы и других официальных организаций. А в конце заседания выступила директор школы № 1240, кандидат педагогических наук Т. Ю. Щипкова и рассказала замечательную притчу о хитреце и мудреце, смысл которой заключается в том, что все находится в наших руках и наше будущее зависит только от нас самих. Такие инициативы, как первый московский детский марафон, – это конкретные шаги, которые приучают к здоровому образу жизни, что в свою очередь определяет будущее всей страны.

Сам марафон проходил на втором этаже спорткомплекса «Чайка» в огромном теннисном зале. В нем участвовали абсолютный чемпион России и Европы по бодибилдингу Виктор Шамин, Московская служба спасения совместно с многократным чемпионом мира по скалолазанию Владимиром Нецветаевым (на скалодроме), отряд спецназа Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, лучшие спортсмены Москвы по велотриалу, инструкторы спортклубов «Чайка» и «Планета-фитнес», военно-патриотический детский клуб «Старт-7», танцоры танго Диего и Андрэа, инструкторы по фитнесу спорткомплекса «Чайка», спортсмены капоэйро (разновидности бразильских боевых искусств) и многие другие. Ведущей марафона была Яна Чурикова («Фабрика звезд») при участии и поддержке лучших диджеев Москвы.

Е. КУДЕЛИНА

Листовки, визитки, плакаты, дисконтные карты, календари, буклеты, бланки, ценники, конверты, наклейки, грамоты, дипломы, приглашения, открытки.

Листовки, визитки, плакаты, дисконтные карты, календари, буклеты, бланки, ценники, конверты, наклейки, грамоты, дипломы, приглашения, открытки.